

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2026. Т. 48, № 2

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2026. Т. 48, № 2

Главный редактор

В. Н. Барышников, доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petsu.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- А. В. ГОЛОВНЕВ**
д. и. н., профессор, академик РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (МАЭ РАН) (Санкт-Петербург, Россия)
- И. Л. ЖЕРЕБЦОВ**
д. и. н., Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)
- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. В. ВОЛОШИНА**
д. ф. н., доцент, Томский государственный университет (Томск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)
- Е. Н. ИЛЬИНА**
д. ф. н., профессор, Вологодский государственный университет (Вологда, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- И. А. КЮРШУНОВА**
д. ф. н., доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. ЛИТВИН**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- С. А. НИКОНОВ**
д. и. н., доцент, Мурманский арктический университет (Мурманск, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- Е. А. РОСТОВЦЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- Н. А. САМОЙЛОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- С. А. СЕМЯЧКО**
д. ф. н., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- И. А. СПИРИДОНОВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. Ю. ТАРАСОВ**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. В. ТОЛСТИКОВ**
к. и. н., доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2026. Vol. 48, No 2

Editor-in-Chief

Vladimir N. Baryshnikov, Doctor of Sciences in History, Professor
Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Deputy Editors-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

Sergei G. Verigin, Doctor of Sciences in History, Professor
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- A. GOLOVNEV**
Doctor of History, Professor, RAS Academician, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) (St. Petersburg, Russia)
- I. ZHEREBTSOV**
Doctor of History, Komi Scientific Center of Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VOLOSHINA**
Doctor of Philology, Associate Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- E. ILYINA**
Doctor of Philology, Professor, Vologda State University (Vologda, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
Candidate of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- I. KYURSHUNOVA**
Doctor of Philology, Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- YU. LITVIN**
Candidate of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Federal State University of Education (Mytishchi, Russia)
- S. NIKONOV**
Doctor of History, Associate Professor, Murmansk Arctic University (Murmansk, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- E. ROSTOVTSEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
Candidate of History, Associate Professor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- N. SAMOYLOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- S. SEMYACHKO**
Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of RAS (St. Petersburg, Russia)
- I. SPIRIDONOVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. TARASOV**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. TOLSTIKOV**
Candidate of History, Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Веригин С. Г.</i>		ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЕВЕР ЕВРАЗИИ – ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: МНОГООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ» (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА МИХАИЛА ШУМИЛОВА)	
От редакции	7	<i>Голдин В. И.</i>	
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ		Личность в науке: к столетию Михаила Ильича Шумилова	64
<i>Самойлов Н. А.</i>		<i>Дианова Е. В.</i>	
Контакты посла СССР в Китае А. А. Петрова с представителями Китайской компартии и Гоминь- дана в 1945 – начале 1946 года	9	Становление кооперативного образования в Ка- релии в 1920-е годы	71
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		<i>Ефимова В. В.</i>	
<i>Котов П. П.</i>		О судьбе Петрозаводского окружного народного суда. .	83
Участие удельных крестьян Вологодской губер- нии в Отечественной и Крымской войнах	18	<i>Волохова В. В., Годунов К. В.</i>	
VIII ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕТРОЗАВОДСК – ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ: К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»		«Гражданская война разгорается...»: политиче- ские дискуссии в Олонецкой губернии в октябре 1917 – январе 1918 года	90
<i>Веригин С. Г.</i>		<i>Дубровская Е. Ю.</i>	
Из истории карельского подполья: судьба Андрея Эртэ	28	На пороге гражданской войны: события «корни- ловских дней» 1917 года в Выборгском гарнизоне. . .	96
<i>Бауэр Т. В.</i>		<i>Крюков А. В.</i>	
Петрозаводск в проекте «100 символов Каре- лии»: конструирование и репрезентация образа	38	Кто такие сомряки?	105
<i>Терентьев В. О.</i>		Юбилей	
Боевые действия на стыке оперативных групп Цветаева и Антонюка на Олонецко-Петрозавод- ском направлении в 1941 году	48	<i>Кузнецова Н. Ю.</i>	
<i>Терентьева Е. А.</i>		К 70-летию со дня рождения А. М. Пашкова.	117
Советско-финляндский конфликт и исключение СССР из Лиги Наций во французской периоди- ческой печати 1939 года.	55	<i>Зеленская Ю. Н.</i>	
		К 70-летию со дня рождения С. Г. Веригина	118
		Научная информация	
		<i>Зеленская Ю. Н.</i>	
		Итоги работы всероссийской научно-практиче- ской конференции «Петрозаводск – город воин- ской славы: к 80-летию Великой Победы».	122
		Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал вошел в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список», присвоен 2-й уровень (№ ДС/122-пр от 09.09.2025 года)

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIN PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 27.02.2026. Формат 60 × 90 ¹/₈. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 40 экз.). Изд. № 12

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА**
выпускающий научный редактор

С. Г. Веригин
доктор исторических наук,
профессор
Петрозаводский
государственный университет

Sergei G. Verigin
Deputy Chief Editor,
Senior Scientific Editor,
Dr. Sc. (History), Professor,
Petrozavodsk State University

**ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Представляя очередной номер, хочу отметить, что главным редактором нашего журнала стал доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета *В. Н. Барышников*. В настоящее время он является крупнейшим в России специалистом по истории советско-финляндских отношений 1930–1940-х годов. Его монографии «Маннергейм и Советский Союз» (2021), «Финская война (2023), «Финские СС на Украине и юге России. От возникновения до ликвидации» (2025) получили широкую известность в России и Финляндии.

Произошли изменения и в составе редсовета и редколлегии журнала. Редсовет пополнился новыми именами видных деятелей российской науки: *А. В. Головнев*, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Санкт-Петербург); *И. Л. Жеребцов*, доктор исторических наук (Коми научный центр УрО РАН, Сыктывкар).

В редколлегию вошли известные российские исследователи: *С. А. Никонов*, доктор исторических наук, доцент Мурманского арктического университета; *Е. А. Ростовцев*, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, *А. Ю. Тарасов*, доктор исторических наук, *Ю. В. Литвин*, кандидат исторических наук (Карельский научный центр РАН, Петрозаводск); *А. В. Толстиков*, кандидат исторических наук, доцент ПетрГУ. Надеемся, что произошедшие изменения расширят контакты с учеными вузов и научных центров России и улучшат показатели научно-исследовательской деятельности.

Прошедший 2025 год – Год защитника Отечества – стал данью уважения к ратному подвигу всех, кто сражался за Родину в разные исторические эпохи. В сентябре 2025 года прошла VIII научно-практическая конференция «Петрозаводск – город воинской славы», которая была посвящена 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (подробнее о ней читайте в рубрике «Научная информация»). Некоторые из докладов публикуются в этом номере: статья *С. Г. Веригина* (Петрозаводск), написанная на базе рассекреченных архивных документов из фондов Архива Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Карелия, на примере судьбы подпольщика Андрея Эртэ показывает героические и трагические стороны подпольной деятельности на оккупированной финнами территории Советской Карелии. В статье

В. О. Терентьева (Санкт-Петербург), подготовленной на основе архивных документов из фондов российских и финляндских архивов, проанализированы малоизвестные события начала Великой Отечественной войны в Карелии, которые имели место на стыке двух оперативных соединений 7-й армии РККА в августе – сентябре 1941 года и привели к прорыву финских войск на Олонецком направлении и падению Петрозаводска. Советско-финляндский конфликт и исключение СССР из Лиги Наций во французской периодической печати отражен в статье Е. А. Терентьевой (Санкт-Петербург). На основе выявления в материалах проекта «100 символов Карелии» устойчивых вербально-смысловых образований, соотносимых с карельской столицей, воссоздается образ Петрозаводска в статье Т. В. Бауэр (Петрозаводск).

Конференция «Север Евразии – пространство взаимодействия: многообразие подходов» проводится в ПетрГУ регулярно (раз в два года), ее целью является сохранение исторической памяти, изучение и развитие научно-педагогического наследия ученых нашего вуза, внесших значительный вклад в развитие науки и образования России. Прошедшая в октябре 2025 года конференция была посвящена 100-летию со дня рождения известного историка, профессора, педагога, организатора науки Михаила Ильича Шумилова. Под его руководством сформировалась научно-педагогическая школа по изучению истории и культуры Европейского Севера России 1920–1950-х годов. В конференции приняли участие ученые, преподаватели, докторанты, аспиранты и магистранты из многих российских вузов и научных центров (Санкт-Петербургский институт истории РАН, КарНЦ РАН, Санкт-Петербургская президентская академия, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского и др.), а также учителя и методисты, сотрудники архивов и музеев. Ряд докладов участников конференции, оформленных в виде статей, также представлены в этом номере журнала. Известный российский историк гражданской войны В. И. Голдин (Архангельск) раскрывает вклад в науку М. И. Шумилова с позиций науковедения – науки о науке, отрасли знаний, которая изучает закономерности развития самой науки. Этот подход он использует при рассмотрении научной деятельности профессора М. И. Шумилова, характеризуя его вклад в разработку ключевых тем отечественной истории, которыми занимался ученый. Речь идет в первую очередь об изучении революционно-го процесса и Гражданской войны на Европейском Севере России. В центре внимания статьи

В. В. Волоховой (Петрозаводск) и К. В. Годунова (Санкт-Петербург) – политические дискуссии в Олонецкой губернии накануне Гражданской войны (октябрь 1917 – январь 1918 года). На основе анализа прессы авторы приходят к выводу о том, что нахождение компромисса между разными политическими силами в Олонецкой губернии, избежавшей кровавых столкновений в октябре – декабре 1917 года, оказалось невозможным в последующие месяцы. В статье Е. Ю. Дубровской (Петрозаводск), написанной на основе анализа архивных материалов из фондов Российского государственного исторического архива, раскрываются события «корниловского мятежа» августа 1917 года в Выборгском гарнизоне. Статьи докторов исторических наук ПетрГУ Е. В. Диановой и В. В. Ефимовой расширяют знания о кооперативном образовании в Карелии в 1920-е годы и о судьбе Петрозаводского окружного народного суда в Олонецкой губернии в 1918–1919 годах. Этнолокальной группе населения в юго-западной части Ленинградской области – сомрякам – посвящено исследование А. В. Крюкова (Санкт-Петербург).

Помимо перечисленных публикаций отметим статью коллег из СПбГУ профессора Н. А. Самойлова о деятельности посла СССР в Китайской Республике А. А. Петрова в 1945 – начале 1946 года и его контактам с представителями Компартии Китая и Гоминьдана (рубрика «Всеобщая история») и Сыктывкарского госуниверситета доцента П. П. Котова об участии удельных крестьян Вологодской губернии в Отечественной и Крымской войнах (рубрика «Отечественная история»).

Юбилейная страница журнала посвящена известному российскому историку, доктору исторических наук, профессору Петрозаводского государственного университета, члену редколлегии нашего журнала А. М. Пашкову. Сфера его научных интересов – история Европейского Севера России в XVIII – начале XX века. Александр Михайлович – преподаватель, умеющий зажечь искру интереса в глазах студентов и увлекательно преподнести сложные события дореволюционной истории России и Карелии. Он является мудрым наставником, под чьим руководством выросла целая плеяда кандидатов исторических наук. Его авторитет, принципиальность, коммуникабельность и неизменное чувство юмора создают неповторимую атмосферу, которую ценят его коллеги. Поздравляем Александра Михайловича с юбилеем и желаем ему новых творческих успехов.

Надеемся, что представленный номер журнала будет интересен не только специалистам, но и широкому кругу читателей, которые интересуются историей России.

НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ САМОЙЛОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1361-0847; n.samoylov@spbu.ru

КОНТАКТЫ ПОСЛА СССР В КИТАЕ А. А. ПЕТРОВА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ И ГОМИНЬДАНА В 1945 – НАЧАЛЕ 1946 ГОДА

А н н о т а ц и я . Статья посвящена деятельности посла СССР в Китайской Республике Аполлона Александровича Петрова в 1945 – начале 1946 года и его контактам с представителями Компартии Китая и Гоминьдана. Это был сложный период в новейшей истории Китая, когда после окончания Второй мировой войны в стране на некоторое время установился хрупкий мир и проходили переговоры между китайскими коммунистами и Гоминьданом о будущем страны. Советское правительство в то время стремилось предотвратить новую вспышку гражданской войны, добиваясь, чтобы Китай был единым, а соглашение между двумя ведущими политическими партиями было бы достигнуто путем взаимных уступок. Очень важную роль в доведении этой позиции до китайской стороны сыграл посол СССР в Китайской Республике, видный ученый-китаевед А. А. Петров. Он встречался как с руководителями Национального правительства, так и с лидерами КПК и обсуждал с ними самые важные вопросы текущей повестки. Цель статьи – реконструировать ситуацию, сложившуюся во время переговоров в Чунцине между КПК и Гоминьданом и после подписания мирного соглашения, а также показать, какова была роль советской дипломатии и лично посла А. А. Петрова в поддержании контактов между двумя партиями. Новизна заключается в том, что до настоящего времени нет исследований, посвященных изучению жизни и деятельности А. А. Петрова.

К л ю ч е в ы е с л о в а : советско-китайские отношения, посольство СССР в Чунцине, А. А. Петров, КПК, Гоминьдан, Мао Цзэдун, Чан Кайши

Д л я ц и т и р о в а н и я : Самойлов Н. А. Контакты посла СССР в Китае А. А. Петрова с представителями Китайской компартии и Гоминьдана в 1945 – начале 1946 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 9–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1275

ВВЕДЕНИЕ

1945 год – год окончания Второй мировой войны – стал переломным и в новейшей истории Китая. Противостояние Коммунистической партии Китая (КПК) и Гоминьдана в схватке за руководство страной вступило в новую фазу. Многолетняя борьба китайского народа против крупномасштабной японской агрессии не только примирила противоборствующие политические силы, но выявила новые противоречия между ними.

В конце августа 1945 года при посредничестве США и СССР в Чунцине (временной столице Китайской Республики) состоялись переговоры делегаций КПК и Гоминьдана. К этому времени ситуация в Китае коренным образом изменилась. В августе – сентябре 1945 года, воспользовавшись отступлением японских войск и подписанием 2 сентября акта о безоговороч-

ной капитуляции Японии, гоминьдановские войска при поддержке американской транспортной авиации установили контроль над значительной частью Китая (3/4 территории), включая почти все крупные города. США передали им трофейное японское вооружение и оружие армии коллаборационистского «центрального правительства». В свою очередь, советские войска после вступления СССР в войну с Японией 8 августа 1945 года, разгромившие Квантунскую армию на северо-востоке Китая, передали коммунистам трофейное оружие японцев и армии марионеточного государства Маньчжоу-Го. Значительная часть этого оружия и даже военной техники во время войны не использовалась и в хорошем состоянии досталась частям 8-й и Новой 4-й армий, руководимым КПК, которая к концу войны контролировала особый Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся, значительные территории

на северо-востоке и другие районы с общим населением около 120 миллионов человек. Таким образом, сразу же после изгнания японцев из Китая войска Гоминьдана и КПК оказались готовыми к новому вооруженному противостоянию. Однако необходимо учитывать и международный фактор. Эти события развивались сразу после окончания Второй мировой войны. Как США, так и СССР не были заинтересованы в немедленном начале новой конфронтации.

СССР только что пережил тяжелейшую кровопролитную войну, и вряд ли И. В. Сталин желал возобновления гражданской войны в Китае, рискуя при этом вступить в конфликт с США. К тому же 14 августа 1945 года между Советским Союзом и Китайской Республикой был подписан советско-китайский Договор о дружбе и союзе, расширявший круг возможностей СССР в этом регионе: аренда Порт-Артура и Даляня (Дальнего), совместное советско-китайское использование КВЖД, обязательство гоминьдановского правительства признать независимость Монгольской Народной Республики при условии проведения референдума.

Заинтересованность США в стабилизации ситуации в Китае также была обусловлена целым рядом причин, но уже иного рода. Американское руководство рассчитывало на развитие дружественных отношений с правительством Чан Кайши, подкрепляя их экономической и военной помощью, так как планировало сделать Китай опорой своего влияния в Восточной Азии. Единый и сильный Китай под руководством Чан Кайши при возможном допуске к управлению в целях «легитимности» других «демократических» сил должен был стать главной проамериканской стабилизирующей силой в Азии. Одновременно США, переходившие к политике «сдерживания советского влияния», стремились не допустить превращения Китая в союзника СССР и усиления влияния коммунистов в Китае. По этой причине подписание мирного соглашения между КПК и Гоминьданом и создание коалиционного правительства рассматривались американцами как способ интегрировать коммунистов в прозападную политическую систему, ограничив их связи с Советским Союзом. В экономическом плане сохранение территориальной целостности и государственного единства Китая должно было, по их мнению, обеспечить доступ американского капитала на китайские рынки. Посредничество, достижение перемирия и создание коалиционного правительства представлялись американскому руководству наиболее дешевым и эффективным способом спасти го-

миньдановский режим от краха. Все это объясняло активное участие американского посла Хёрли в создании условий для переговоров КПК и Гоминьдана. Позднее та же стратегия была продолжена в рамках миссии Джорджа Маршалла (декабрь 1945 – январь 1947 года), целью которой также была попытка примирения сторон и создания коалиционного правительства. Таким образом, в конце 1945 года СССР и США по разным, во много противоположным причинам оказались заинтересованы в примирении (пусть даже временном) КПК и Гоминьдана.

ПОСОЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В КИТАЕ АПОЛЛОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЕТРОВ

Роль советской дипломатии в рассматриваемый период очень существенна. Советское правительство стремилось предотвратить вспышку гражданской войны, добиваясь, чтобы Китай был единым, а соглашение между двумя ведущими политическими партиями было бы достигнуто путем взаимных уступок. Очень важную роль в доведении данной позиции до китайской стороны играл посол СССР в Китайской Республике Аполлон Александрович Петров (1907–1945).

До перехода на дипломатическую работу А. А. Петров был ученым-китаеведом. Он окончил Историко-лингвистический институт Ленинградского государственного университета, учился у академика В. М. Алексеева. С 1931 года обучался в аспирантуре Института востоковедения АН СССР, где начал заниматься китайской философией. В 1935 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ван Би и основные проблемы его философского мировоззрения (226–249 гг. н. э.)». В том же году он стал научным сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения, где продолжил изучать философию Древнего Китая. В 1936–1941 годах А. А. Петров занимал там следующие должности: научный сотрудник, ученый секретарь, заместитель директора Института. Параллельно он был доцентом на кафедре диалектического материализма в ЛГУ, где преподавал китайскую философию.

А. А. Петров был одним из первых, кто применил системный научный подход к изучению китайской философской мысли, перейдя от простого пересказа текстов к глубокому сущностному анализу. Его работы заложили основы новых методов советского китаеведения: глубокое знание древнекитайского языка (вэньяня) и текстологические исследования он сочетал с анализом социально-политического контекста эпохи.

В 1941 году А. А. Петров был приглашен на работу в Народный комиссариат иностранных дел. В мае 1942 года он был направлен в Чунцин, где тогда находилось Посольство СССР в Китае, на должность первого секретаря. В 1943 году он стал советником Посольства. С 3 апреля 1945 по 25 февраля 1948 года являлся чрезвычайным и полномочным послом СССР в Китае (вручение верительных грамот состоялось 8 мая 1945 года).

О том, почему ученый-китаевед, не имевший до этого опыта дипломатической работы, оказался на столь ответственном посту, косвенный ответ можно найти в воспоминаниях другого советского дипломата, работавшего в то время в нашем посольстве в Чунцине, А. М. Ледовского. Он писал о том, что в конце 1942 года в Москву для беседы с И. В. Сталиным, интересовавшимся положением дел в Китае, был вызван тогдашний посол СССР А. С. Панюшкин, который, отвечая на вопросы Сталина, рассказал, что

«в посольстве мало работников, владеющих китайским языком. Сталин посоветовал коренным образом поправить положение, укрепив дипломатические кадры китаистами... Это указание было немедленно выполнено» [3: 243].

В качестве посла А. А. Петров работал в Чунцине, а затем в Нанкине. Это был один из самых сложных периодов новейшей истории Китая, когда противостояние ведущих политических партий вступило в новую фазу. В эти трудные годы он являлся ключевым связующим звеном между Москвой и обеими противоборствующими силами – Национальным правительством во главе с Чан Кайши и Компартией Китая, возглавляемой Мао Цзэдуном. С октября 1945 года А. А. Петров проводил важные беседы как с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, так и с лидерами Гоминьдана, пытаясь содействовать стабилизации ситуации в стране. Он также курировал вопросы вывода советских войск из Маньчжурии и передачи контроля над этими территориями китайским властям.

По всем вопросам А. А. Петров находился в контакте с ведущими политическими деятелями Китая, и прекрасное знание глубинных корней китайской цивилизации помогало ему в этой деятельности. Он поддерживал контакты с членами правительства и руководством партии Гоминьдан, регулярно встречаясь с президентом Китайской Республики для обсуждения критических вопросов: перебазирования правительственных войск в северо-восточные провинции, вывода оттуда советских частей и общего развития советско-китайских отношений. Он вел беседы с министром иностранных дел Ван Шицзе

о передислокации гоминьдановских войск в освобожденную Маньчжурию и передачи власти Национальному правительству, как того требовал договор 1945 года. У него были встречи и беседы практически со всеми политическими лидерами. Он общался с председателем Законодательного юаня Сунь Фо (сыном Сунь Ятсена), председателем Исполнительного юаня Сун Цзывэнем, вице-председателем Исполнительного юаня Вэн Вэньхао, генералами Чжан Чжичжунем и Ли Цзунжэнем, министром финансов Юй Хунцзюнем, бывшим послом Китая в СССР, лидером «либерального» крыла Гоминьдана Шао Лицзы и многими другими. С видной общественной деятельницей Сун Цинлин (вдовой Сунь Ятсена) А. А. Петров обсуждал итоги VI съезда Гоминьдана и внутреннюю обстановку в стране. И, конечно же, у него были встречи с руководством КПК: Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и Ван Жофэем.

Деятельность посла А. А. Петрова в этот период разнообразна и многогранна. Он сумел соединить свои глубокие китаеведные познания с пониманием современной обстановки и благодаря этому вести тонкую дипломатическую игру. К сожалению, к настоящему времени нет ни одного исследования, посвященного жизни и деятельности Аполлона Александровича Петрова. Его имя упоминается лишь вскользь в работах общего характера [2], [3], [7]. Одним из немногих, кто дал развернутую характеристику научной деятельности А. А. Петрова, был академик В. С. Мясников, который писал об изучении им научного наследия Н. Я. Бичурина:

«...статья “Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве Татарской АССР и Библиотеке Казанского университета”. Она принадлежала перу одного из учеников академика В. М. Алексеева, посла в Китае в 1945–1948 гг., специалиста по древней китайской философии Аполлона Александровича Петрова. Как отметил автор, ближайшей своей задачей он ставил отыскание рукописей именно Н. Я. Бичурина. А. А. Петрову удалось обнаружить десять рукописей Бичурина, относящихся к истории и географии Китая и сопредельных стран и китайскому языку» [5, Т. 4: 193].

В другой статье, описывающей связи советской дипломатии и Российской Духовной миссии в Китае, В. С. Мясников подробно описал деятельность А. А. Петрова в этом направлении, назвав его «известным китаеведом, учеником В. М. Алексеева» [5, Т. 5: 371].

Имя А. А. Петрова встречается и в исследованиях китайских историков, посвященных советско-китайским отношениям и подписанию договора 1945 года. Однако, как правило, это

краткие упоминания без специального анализа его личности и научного наследия [9], [10], [11].

Из этого можно сделать однозначный вывод: настало время серьезно исследовать жизненный путь А. А. Петрова и его вклад в китаеведение и развитие советско-китайских отношений.

ИСТОЧНИКИ

Основные документы по рассматриваемой в данной статье теме, хранящиеся главным образом в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), опубликованы в 4-м и 5-м томах серии «Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы»¹ под редакцией академика С. Л. Тихвинского. Эти сборники, издававшиеся на протяжении десятилетий, заслуженно признаны фундаментом современного отечественного китаеведения. Они впервые открыли для исследователей огромный пласт ранее неизвестных письменных материалов из российских и зарубежных архивов. Это касается как дипломатической переписки, так и документов о торговле, культуре и пограничном размежевании. В отличие от публикаций отдельных договоров, многотомные серии под редакцией С. Л. Тихвинского представляют собой комплексное воссоздание истории отношений России с Китаем, охватывая огромный период – от первых контактов в XVII веке до событий XX века. Эти издания служат эталоном академической публикации источников, на них опираются ученые во всем мире, в том числе ими сейчас активно пользуются историки КНР.

Представленные в данном собрании документов записи бесед посла СССР в Китайской Республике А. А. Петрова являются ценнейшими источниками, по которым можно реконструировать многие аспекты советско-китайских отношений того времени и важнейшие события внутренней жизни Китая. Запись беседы посла относится к группе дипломатических документов (источников официального происхождения). Являясь отражением содержания и результатов встреч высокопоставленного дипломата с представителями иностранного государства (министрами, политиками, другими послами), она обычно предназначена для информирования своего министерства иностранных дел о позиции страны пребывания. В такой записи, как правило, представлены: изложение хода беседы, аргументы сторон и их анализ, а в заключение – выводы посла, оценка реакции собеседника и предложения по последующим действиям. Записи бесед посла признаются историками высокоинформативным источником, однако, безусловно, носят отпеча-

ток субъективности. Посол может по-своему интерпретировать слова собеседника, расставлять акценты или преувеличивать значимость своих доводов, в подобных записях всегда присутствует личностный момент. Для историка данный тип источника ценен тем, что позволяет проследить механизм формирования внешней политики и выявить скрытые мотивы сторон, которые не отражаются в итоговых официальных документах, а также понять роль конкретного посла в рассмотрении тех или иных вопросов и принятии решений.

ПЕРЕГОВОРЫ В ЧУНЦИНЕ И «СОГЛАШЕНИЕ ДВОЙНОЙ ДЕСЯТКИ»

В конце августа 1945 года при поддержке США и СССР и посредничестве американского посла Хёрли в Чунцине, где в годы Анти-японской войны разместилось китайское Национальное правительство, начались переговоры делегаций КПК и Гоминьдана. Гоминьдановское правительство по настоянию американских дипломатов трижды (14, 20 и 23 августа) направляло руководителям КПК приглашение прибыть в Чунцин на переговоры, однако первые два приглашения были отклонены, и лишь на третий раз Мао Цзэдун, занявший на VII съезде КПК пост председателя партии, согласился. Он дал положительный ответ только после получения гарантий личной безопасности от правительств США и СССР [4: 57].

Переговоры, проходившие в августе – октябре 1945 года, стали мирным диалогом между лидерами КПК и представителями Национального правительства, возглавляемого Чан Кайши. Основная их цель заключалась в предотвращении надвигавшейся гражданской войны и создании коалиционного правительства, а также легализации политических партий и созыве Политического консультативного совета для реформирования системы государственной власти. В переговорах приняли участие: со стороны КПК – Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и Ван Жофэй, со стороны Гоминьдана – Ван Шицзе, Чжан Цюнь, Чжан Чжичжун и Шао Лицзы. 10 октября 1945 года в резиденции Чжан Чжичжуна «Гуйюань» (桂园, Сад османту-са) стороны подписали соглашение, официально оформленное как «Протокол переговоров между представителями Правительства и Коммунистической партии Китая» (政府与中共代表会谈纪要). В литературе этот документ известен также как «Соглашение двойной десятки» («Шуаньшэ седин», 双十协定, то есть Соглашение 10 октября). Для обеих сторон эта дата имела огромное символическое значение. Во-первых, 10 октября

1911 года началось Учанское восстание, которое привело к свержению империи Цин и провозглашению Китайской Республики, так что подписание мирного соглашения именно в этот день должно было подчеркнуть приверженность обеих партий идеалам революции и единство нации после победы в войне с Японией. Во-вторых, в то время 10 октября считалось главным государственным праздником страны, и выбор этой даты для заключения соглашения стал мощным пропагандистским жестом: лидеры Гоминьдана и КПК дарили народу надежду на мир в день рождения республиканского государства. В-третьих, для обеих партий эта важная дата стала поводом заявить о своих правах на наследие «отца нации» – Сунь Ятсена, поскольку каждая из них старалась продемонстрировать, что является законным наследником основанной им республики и истинной продолжательницей дела революции 1911 года.

Большинство пунктов соглашения носили компромиссный характер, некоторые формулировки были весьма расплывчатыми. В соответствии с этим документом, КПК признавала Гоминьдан в качестве правящей партии, а Гоминьдан, в свою очередь, признавал КПК законной политической силой с равными правами. Обе партии давали обязательство избегать вооруженных столкновений и строить «новый Китай» на основе мира и демократии. В стране вводились основные демократические свободы и должна была произойти легализация всех политических партий. Отдельным пунктом предусматривался созыв Политического консультативного совета – специального органа, включавшего представителей всех ведущих политических партий для обсуждения будущей конституции и проведения реформ. Стороны договорились о сокращении и объединении своих войск в единую национальную армию, хотя конкретный механизм реализации этого пункта так и не был согласован. Однако ряд ключевых вопросов остался нерешенным, что позже привело к возобновлению войны в 1946 году.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Исследованием истории чунцинских переговоров и подписания «Соглашения двойной десятки» занимались ведущие советские и российские китаеведы. К числу наиболее интересных работ по этой теме относится книга одного из самых авторитетных отечественных историков-китаеведов академика С. Л. Тихвинского «Путь Китая к объединению и независимости, 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Энь-

лая» [8], в которой автор подробно описывает ход переговоров, проходивших в Чунцине, и ту роль, которую в них сыграл Чжоу Эньлай. С. Л. Тихвинский убедительно показывает, как во взаимодействии с делегацией Национального правительства во всей полноте раскрылся его талант дипломата-переговорщика. В этой книге и других своих фундаментальных трудах академик С. Л. Тихвинский детально разобрал дипломатическую борьбу в Чунцине, подчеркивая тактическую гибкость лидеров КПК – Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая.

В книгах А. В. Меликсетова [4] и О. Е. Непомнина [6] описание переговоров в Чунцине и подписание соглашения удачно вписывается в общий контекст новейшей истории Китая и китайской революции.

Очень интересна насыщенная фактическим материалом книга дипломата и историка А. М. Ледовского, который, будучи в то время сотрудником посольства СССР в Чунцине, стал свидетелем описываемых событий: «СССР и Сталин в судьбах Китая» [3], являющаяся одной из самых авторитетных отечественных работ по данной теме. Он первым детально на основе архивов МИД СССР описал, каким образом И. В. Сталин лично заставил Мао Цзэдуна поехать на переговоры в Чунцин и как советская дипломатия оценивала ключевые пункты «Соглашения двойной десятки». А. М. Ледовский приходит к выводу, что чунцинское соглашение было результатом давления И. В. Сталина на Мао Цзэдуна, и доказывает, что Мао опасался лететь в Чунцин, считая это ловушкой, но Москва, по сути, не оставила ему выбора. Автор делает вывод, что итоговый документ был временным компромиссом, необходимым в то время Советскому Союзу, чтобы не допустить прямого вступления США в войну на стороне Чан Кайши.

Из новейших отечественных работ по данной теме следует отметить две статьи казанских историков Я. Я. Гришина, М. З. Галиуллина и Р. Р. Кадырова [1], [2], которые, рассматривая переговоры в Чунцине через призму советско-китайских отношений, представляют их как часть сложного геополитического маневра великих держав в конце Второй мировой войны, а не как изолированный внутрикитайский конфликт. Авторы подчеркивают, что переговоры проходили под сильным давлением внешних игроков – СССР и США, которые стремились установить влияние над послевоенным Китаем.

В КНР историки рассматривают «Соглашение 10 октября» как крупную политическую победу КПК и лично Мао Цзэдуна. Они подчеркива-

ют, что КПК искренне стремилась к миру, демократии и единству страны, а Мао Цзэдун проявил поистине великое мужество, отправившись в Чунцин, где мог ожидать любого вероломства со стороны Чан Кайши. Соглашение трактуется как инструмент, который помог сорвать планы руководителей Гоминьдана по немедленно развязыванию гражданской войны. Акцент делается на том, что Гоминьдан был вынужден официально признать КПК равноправной партией, что стало концом периода однопартийной диктатуры.

Профессор Восточно-Китайского университета Ян Куйсун, являющийся одним из самых авторитетных современных исследователей отношений между КПК и Гоминьданом, активно использует архивные данные для анализа того, как Мао Цзэдун в то время балансировал между давлением Сталина и необходимостью завоевать симпатии США. Он утверждает, что ни Гоминьдан, ни КПК не были свободны в своих решениях, и приходит к выводу о том, что Сталин и Трумэн фактически навязали лидерам Китая формат переговоров, исходя из логики раздела сфер влияния в мире после Ялтинской конференции, что «Соглашение 10 октября» было обречено на провал именно потому, что великие державы извне требовали от обеих сторон мира, к которому ни Чан Кайши, ни Мао Цзэдун не были готовы внутренне [12]. Ян Куйсун обращается к записям бесед А. А. Петрова с Чжоу Эньлаем, описывает его встречи с руководством КПК в августе – октябре 1945 года и то, как Петров транслировал «советы» Сталина, которые Мао Цзэдун воспринимал с большой осторожностью.

Другой известный китайский историк Ян Тяньши, основываясь в том числе на записях из дневника Чан Кайши за август 1945 года, в своих работах раскрывает истинные мотивы лидера Гоминьдана и внутреннюю борьбу в партии [13], [14]. Ян Тяньши указывает, что Чан Кайши отправил первые два приглашения лидеру КПК, будучи абсолютно уверенным, что Мао Цзэдун не придет, исключительно для того, чтобы продемонстрировать свою «искренность» перед международным сообществом, особенно перед США, и переложить ответственность за возможную гражданскую войну на коммунистов. Когда 24 августа пришло подтверждение, что Мао Цзэдун готов лететь в Чунцин в сопровождении американского посла Патрика Хёрли, Чан Кайши охватила тревога от того, что ему придется принимать злейшего врага как почетного гостя. Ян Тяньши приводит сведения о том,

что, когда переговоры уже шли, Чан Кайши рассматривал возможность ареста или даже ликвидации Мао Цзэдуна, и подчеркивает, что Чан Кайши отказался от ареста Мао исключительно из-за «международного фактора», так как и в СССР, и в США пристально следили за безопасностью Мао Цзэдуна. Он утверждает, что приглашение было политическим маневром, который сорвался из-за решимости Мао и давления сверхдержав, превратив чунцинские переговоры в сложную дипломатическую игру, где обе стороны понимали неизбежность будущей войны.

Таким образом, по мнению большинства китайских историков, «Соглашение двойной десятки» было не только внутренним компромиссом, но и результатом сложного баланса интересов между КПК, Гоминьданом и великими державами (СССР и США).

БЕСЕДЫ А. А. ПЕТРОВА С УЧАСТНИКАМИ ПЕРЕГОВОРОВ В ЧУНЦИНЕ

А. А. Петров очень внимательно следил за ходом переговоров между представителями КПК и Гоминьдана в Чунцине и их дальнейшими отношениями. Этому способствовали его личные встречи и беседы с видными политическими деятелями. 6 сентября 1945 года он принял у себя Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и Ван Жофэя, которые подробно рассказали ему о ходе переговоров, сделав акцент на том, что Чан Кайши и его партия не желают переходить к демократической форме управления государством, в то время как КПК выступает за немедленный созыв политической конференции с участием в ней представителей КПК, Гоминьдана, Демократической лиги и беспартийных². 7 сентября А. А. Петров сумел переговорить с видным гоминьдановцем – сыном Чан Кайши Цзян Цзинго, который попытался смягчить ситуацию и объяснить позицию Гоминьдана по вопросу сокращения войск и вооружений³.

Наиболее обстоятельная беседа с руководством КПК произошла 10 октября, сразу после подписания «Соглашения двойной десятки», в связи с отъездом Мао Цзэдуна в Яньань, когда посол А. А. Петров пригласил его на обед вместе с другими членами делегации КПК – Чжоу Эньлаем и Ван Жофэем. С советской стороны на обеде присутствовали: советник Посольства Л. М. Миклашевский, военный атташе генерал-майор Н. В. Рошин и первые секретари Н. Т. Федоренко и А. М. Ледовский⁴. На вопрос советского посла, как он оценивает результаты переговоров между Чан Кайши и представителями КПК, Мао Цзэдун ответил: «Нельзя

сказать, чтобы эти результаты были отличными, нельзя сказать, чтобы они были хорошими, но нельзя сказать и того, чтобы они были совершенно плохими»⁵.

Представители КПК говорили о том, что гоминьдановские делегаты взяли курс на затягивание переговоров, к тому же на их ход негативно влияло вмешательство американского посла Хёрли. Очень подробно Мао Цзэдун и его однопартийцы остановились на военной составляющей соглашения, говоря о том, что гоминьдановцы попытались их перехитрить и навязать невыгодное для КПК соотношение воинских формирований, но КПК жестко отстаивает свои позиции. Мао Цзэдун, говоря о внешнеполитических установках Чан Кайши и его правительства, подчеркивал, что ориентироваться целиком на США Чан Кайши не решается в силу растущего международного влияния СССР, но ориентироваться целиком на СССР он тем более не может. Отношение Чан Кайши к КПК, по мнению Мао, определялось следующими факторами: силой КПК, международным весом СССР, положением в Синьцзяне и наличием Красной армии в Маньчжурии.

Очень интересны наблюдения присутствовавшего на этой встрече советского дипломата А. М. Ледовского о том, как вел себя Мао Цзэдун во время беседы с А. А. Петровым. Ледовский пишет о том, что Мао Цзэдун говорил мало, беседе в основном вели Чжоу Эньлай и Ван Жофэй.

«Когда вопрос касался политического характера, Мао Цзэдун медленно поворачивал голову в сторону Чжоу Эньлая и тот излагал ответ. Мао Цзэдун изредка дополнял его своими репликами. Если разговор касался военных проблем, Мао Цзэдун поворачивал голову в сторону Ван Жофэя» [3: 263].

К этому А. М. Ледовский добавляет несколько важных штрихов, касающихся манеры Мао Цзэдуна вести беседу:

«Его движения были очень спокойными, медленными, плавными. Такой же спокойной была и его манера разговаривать. Лицо хладнокровное, напоминающее маску» [3: 263].

Любопытно, что при чтении записей беседы посла создается впечатление, что главным рассказчиком был сам Мао Цзэдун. Очевидно, что в официальном документе нельзя было обращать внимание на те детали, которые можно свободно излагать в мемуарах. Важна была общая оценка переговоров со стороны руководства КПК.

Записи бесед посла начала 1946 года свидетельствуют о том, что военно-политическая обстановка в Китае коренным образом изменилась,

и коммунисты обвиняли в этом Гоминьдан, сорвавший перемирие и перешедший к военным действиям, сменявшимся иногда кратковременным прекращением огня. Об этом, например, свидетельствует беседа посла А. А. Петрова с секретарем ЦК КПК Чжоу Эньлаем о военно-политической обстановке, состоявшаяся 16 января⁶. Чжоу Эньлай рассказал о том, что бои прекратились и он пытается наладить диалог. В политическом плане он отметил, что партия Демократическая лига выступает за строгое выполнение Чан Кайши своих обещаний и постепенно склоняется на сторону КПК. На вопрос А. А. Петрова, какую конкретную программу КПК противопоставляет Гоминьдану, Чжоу ответил, что КПК еще не выдвинула своей программы, хотя основные положения ее ясны: добиться принятия подлинно демократической конституции, рассредоточить политическую и военную власть, ограничить права президента и кабинета министров, добиться самоуправления в провинциальных правительствах, достичь соглашения о 20 пехотных дивизиях КПК.

Через месяц А. А. Петров вновь дважды встречался с Чжоу Эньлаем и имел с ним длительные беседы об итогах Политической консультативной конференции (ПКК) и внутреннем положении в стране. Успехи в проведении ПКК, по мнению Чжоу, были обусловлены тем, что «на Чан Кайши был оказан большой нажим извне»⁷. Кроме того, Чжоу очень подробно рассказал о политической борьбе внутри Гоминьдана и усилении в нем правых группировок, выступающих против перемирия с КПК и критикующих представителей левого крыла или просто реалистически мыслящих политиков, таких как Сунь Фо, Шао Лицзы, Чжан Цюнь и др. «Когда же кто-то сказал, что эти решения одобрены Чан Кайши, то Чжан Даофань и Сяо Тунцзы ответили, что ему нужно тоже «сбрить усы»⁸. Оправдываясь перед правыми, Чан Кайши даже заявил, что уступки КПК со стороны Гоминьдана «сделаны под давлением США»⁹. Во время следующей беседы Чжоу Эньлай предупредил А. А. Петрова о появлении внутри Гоминьдана новой группировки – «Гэсиньпай» («Реформаторы»), которая выступала за развертывание политической борьбы против КПК и даже за ограничение власти Чан Кайши¹⁰.

В итоге посол имел возможность проинформировать советское руководство о том, что в Гоминьдане нарастали правые тенденции, имевшие ярко выраженный антикоммунистический и опосредованно антисоветский характер, усиливалось давление на Чан Кайши и ограничивались

возможности для деятельности представителей левого крыла и ветеранов партии, выступавших за развитие дружественных связей с СССР (Сун Цинлин, Фэн Юйсяна, Сунь Фо)¹¹. В такой ситуации необходимо было понять и проанализировать позицию так называемой третьей силы – небольших демократических партий, стоявших в политическом плане между КПК и Гоминьданом, и для этого А. А. Петров встречался с их руководителями. Показательна его беседа с руководителем чунцинского отделения Демократической лиги Чжан Боцзюнем на обеде в советском посольстве 2 января 1946 года. Чжан подтвердил, что его партия привержена идее демократизации страны и создания коалиционного правительства¹². В дальнейшем Демократическая лига начала активно сближаться с КПК.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение деятельности А. А. Петрова на посту посла СССР в Китае и анализ его бесед с представителями КПК, Гоминьдана и других партий дает возможность оценить как его личный вклад в развитие советско-китайских отношений после Второй мировой войны, так и характер его взаимоотношений с основными политическими силами Китая. Доверительный характер этих бесед демонстрирует уважение, с которым к нему относились многие ведущие государственные лица и политики. Советское руководство, благодаря его скрупулезной работе по сбору политической информации, было хорошо осведомлено о событиях, происходивших в Китае, и о характере противостояния КПК и партии Гоминьдан.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 г. Кн. 2. 1945 г. / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 704 с. (далее – Т. 4); Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. V: Советско-китайские отношения. 1946 – февраль 1950 г. Кн. 1: 1946–1948 гг. / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 520 с. (далее – Т. 5).
- ² Т. 4. С. 230–233.
- ³ Там же. С. 233–235.
- ⁴ Там же. С. 266–269.
- ⁵ Там же. С. 266.
- ⁶ Т. 5. С. 41–45.
- ⁷ Там же. С. 54.
- ⁸ Там же. С. 55.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 60.
- ¹¹ Там же. С. 57, 60.
- ¹² Там же. С. 32.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р. Р. Взаимоотношения СССР и Китайской Республики в первой половине 1945 года: по страницам документов // Наука. Общество. Оборона. 2025. Т. 13, № 1 (42). С. 5–5. DOI: 10.24412/2311-1763-2025-1-5-5
2. Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р. Р. Советско-китайские отношения на этапе завершения Второй мировой войны (вторая половина 1945 года) // Наука. Общество. Оборона. 2025. Т. 13, № 4 (45). С. 29–29. DOI: 10.24412/2311-1763-2025-4-29-29
3. Ледовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999. 344 с.
4. Меликсетов А. В. Победа китайской революции: 1945–1949. М.: Наука, 1989. 181 с.
5. Мясников В. С. Кастальский ключ китаевода: Сочинения: В 7 т. М.: Наука, 2014.
6. Непомнин О. Е. История Китая. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2011. 736 с.
7. Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. М.: Наука, 1970. 416 с.
8. Тихвинский С. Л. Путь Китая к объединению и независимости, 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Эньлая. М.: Восточная литература РАН, 1996. 574 с.
9. 李秀芳。光明中的阴影——国民党军队在大连登陆的失败 // 党史研究与教学。2011。第1期。85–98。(Ли Сюфан. Тени на свету: провал высадки гоминьдановских войск в Далине // Данши яньцзю юй цзяосюэ. 2011. № 1. С. 85–98).
10. 周锦涛。对日受降时期中共与苏联关系考察 // 历史研究。2018年。第6期。91–104。(Чжоу Цзиньтао. Исследование взаимоотношений между КПК и Советским Союзом в период капитуляции Японии // Лиши яньцзю. 2018. № 6. С. 91–104).
11. 周锦涛。战后政权接收视域下国民政府与苏联的关系 // 复旦学报(社会科学版)。2018年。第5期。71–81。(Чжоу Цзиньтао. Отношения между гоминьдановским правительством и СССР в контексте послевоенной передачи власти // Фудань сюэбао. 2018. № 5. С. 71–81).

12. 杨奎松。大国关系与重庆谈判的结局 // 近代史研究。1999。第3期。137–172。(Ян Куйсун. Отношения великих держав и исход переговоров в Чунцине // Цзиньдай ши яньцзю. 1999. № 3. С. 137–172).
13. 杨天石。蒋何以邀毛,毛何以应邀?——美苏两强与重庆谈判的关系(上) // 江淮文史。2014。第6期。40–61。(Ян Тяньши. Почему Чан Кайши пригласил Мао Цзэдуна, и почему Мао принял приглашение? Взаимосвязь отношений двух держав (США и СССР) и переговоров в Чунцине. Часть 1 // Цзянхуай вэньши. 2014. № 6. С. 40–61).
14. 杨天石。蒋何以邀毛,毛何以应邀?——美苏两强与重庆谈判的关系(下) // 江淮文史。2015。第1期。36–55。(Ян Тяньши. Почему Чан Кайши пригласил Мао Цзэдуна, и почему Мао принял приглашение? Взаимосвязь отношений двух держав (США и СССР) и переговоров в Чунцине. Часть 2 // Цзянхуай вэньши. 2015. № 1. С. 36–55).

Поступила в редакцию 25.12.2025; принята к публикации 26.01.2026

Original article

Nikolay A. Samoylov, Dr. Sc. (History), Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1361-0847; n.samoylov@spbu.ru

MEETINGS OF THE SOVIET AMBASSADOR TO CHINA A. A. PETROV WITH REPRESENTATIVES OF THE CHINESE COMMUNIST PARTY AND THE KUOMINTANG IN 1945 AND EARLY 1946

Abstract. The article examines the activities of Apollon Aleksandrovich Petrov, the Soviet Ambassador to the Republic of China, in 1945 and early 1946. It was a complicated period in China's modern history, when, following the end of World War II, a fragile peace was temporarily established in China, with negotiations taking place between the Communist Party of China (CPC) and the Kuomintang on the country's future. The Soviet government at that time sought to prevent a new outbreak of civil war, striving for a unified China and an agreement between the two leading political parties to be reached through mutual concessions. A. A. Petrov, the Soviet Ambassador to the Republic of China and a prominent sinologist, played a crucial role in communicating this position to the Chinese side. He met with the leaders of both the National Government and the CPC and discussed the most pressing issues on the current agenda. The article aims to reconstruct the situation that developed during the negotiations in Chongqing between the CPC and the Kuomintang and after the signing of the peace agreement, as well as to demonstrate the role of Soviet diplomacy and Ambassador A. A. Petrov's personal role in maintaining contacts between the two parties. The novelty of the research stems from the fact that there have been no previous studies investigating the life and work of A. A. Petrov.

Keywords: Soviet-Chinese relations, Soviet Embassy in Chongqing, A. A. Petrov, Communist Party of China, CPC, Kuomintang, Mao Zedong, Chiang Kai-shek

For citation: Samoylov, N. A. Meetings of the Soviet Ambassador to China A. A. Petrov with representatives of the Chinese Communist Party and the Kuomintang in 1945 and early 1946. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):9–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1275

REFERENCES

1. Grishin, Ya. Ya., Galiullin, M. Z., Kadyrov, R. R. Relations between the USSR and the Republic of China in the first half of 1945: by document pages. *Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. 2025;13(1-42):5–5. DOI: 10.24412/2311-1763-2025-1-5-5 (In Russ.)
2. Grishin, Ya. Ya., Galiullin, M. Z., Kadyrov, R. R. Soviet-Chinese relations at the end of World War II (second half of 1945). *Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. 2025;13(4):29–29. DOI: 10.24412/2311-1763-2025-4-29-29 (In Russ.)
3. Ledovsky, A. M. The USSR and Stalin in China's fate. Documents and evidence of a participant in the events: 1937–1952. Moscow, 1999. 344 p. (In Russ.)
4. Meliksetov, A. V. The victory of the Chinese Revolution: 1945–1949. Moscow, 1989. 181 p. (In Russ.)
5. Myasnikov, V. S. The sinologist's Castalian Spring: Collected works in 7 vols. Moscow, 2014. (In Russ.)
6. Nepomnin, O. E. History of China. XX century. Moscow, 2011. 736 p. (In Russ.)
7. Nikiforov, V. N. Soviet historians on the issues of China. Moscow, 1970. 416 p. (In Russ.)
8. Tikhvinsky, S. L. The path of China to unification and independence, 1898–1949: Based on the biography of Zhou Enlai. Moscow, 1996. 574 p. (In Russ.)
9. 李秀芳。光明中的阴影——国民党军队在大连登陆的失败 // 党史研究与教学。2011。第1期。85–98。
10. 周锦涛。对日受降时期中共与苏联关系考察 // 历史研究。2018年。第6期。91–104。
11. 周锦涛。战后政权接收视域下国民政府与苏联的关系 // 复旦学报(社会科学版)。2018年。第5期。71–81。
12. 杨奎松。大国关系与重庆谈判的结局 // 近代史研究。1999。第3期。137–172。
13. 杨天石。蒋何以邀毛,毛何以应邀?——美苏两强与重庆谈判的关系(上) // 江淮文史。2014。第6期。40–61。
14. 杨天石。蒋何以邀毛,毛何以应邀?——美苏两强与重庆谈判的关系(下) // 江淮文史。2015。第1期。36–55。

Received: 25 December 2025; accepted: 26 January 2026

ПЕТР ПАВЛОВИЧ КОТОВ

кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (Сыктывкар, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7641-2437; kotovpetr55@mail.ru

УЧАСТИЕ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И КРЫМСКОЙ ВОЙНАХ

А н н о т а ц и я . Целью статьи является изучение включенности сельских тружеников в борьбу против Наполеона в ходе заграничных походов русской армии в 1813 году и Крымской войны 1853–1856 годов на примере удельных крестьян Вельского и Тотемского уездов Вологодской губернии. После вторжения армии Наполеона в пределы России из крестьян удела великой княгини Екатерины Павловны был сформирован батальон, который участвовал во всех крупнейших сражениях 1813 года в Европе. В этих походах первого в России добровольческого в основе своего военного подразделения приняли участие удельные крестьяне Спасского приказа Тотемского уезда, более трети из которых погибли. Используя опыт 1813 года, в период Крымской войны был создан стрелковый полк, основу которого составили добровольцы из удельных крестьян. Стрелками в полк вступили в том числе и многие удельные поселяне трех удельных приказов Вельского уезда. Стрелковый полк был отправлен на охрану северного Причерноморья против возможного вражеского десанта. Однако в подразделении разразился тиф и многие стрелки умерли. В результате в семьи не вернулись более половины добровольцев из удельных крестьян Вельского уезда. Одновременно со стрелками несколько сотен удельных крестьян Вельского уезда добровольно ушли в ратники, их предполагалось задействовать в случае крупного вторжения англичан и французов на побережье Белого моря. Из ратников в семьи не вернулся каждый двадцатый, что оказалось существенно меньше потерь среди воинов 1813 и 1855–1856 годов. При этом наиболее молодыми были удельные воины в 1813 году, а самыми старшими – стрелки и ратники в 1855–1856 годах.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Вологодская губерния, Вельский уезд, Тотемский уезд, удельные крестьяне, Отечественная война 1812 года, Крымская война, воины-добровольцы, стрелки, ратники

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Котов П. П. Участие удельных крестьян Вологодской губернии в Отечественной и Крымской войнах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 18–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1276

ВВЕДЕНИЕ

Исследование проблем истории крестьянства России является одним из важных приоритетов гуманитарных наук. Среди трех основных групп сельских тружеников конца XVIII – середины XIX века наименее изученной остается удельное крестьянство, хотя оно исследовалось в досоветский¹, советский периоды [1], [4], [15] и исследуется на современном этапе [5], [13]. Изучаются и различные проблемы существования удельной деревни в регионах страны [6], [8], [16]. В какой-то степени история удель-

ных поселян затронута в обобщающих трудах по Европейскому Северу России [7], [9]. Многие вопросы бытования северных удельных поселян активно исследуются в трудах автора данной статьи [10], [11], [12].

Однако ряд проблем истории удельных крестьян остаются недостаточно или почти не изученными. Так, в исторических трудах участие крестьян в отражении иностранных захватчиков в первой половине XIX века практически сводится к освещению партизанских действий помещичьих крестьян в период Отечественной вой-

ны 1812 года в нескольких губерниях западной и центральной частей России. Правда, в работах по истории воинских подразделений иногда затрагиваются и другие сюжеты, связанные с участием крестьян. Например, в трудах по истории «батальона Великой Княгини Екатерины Павловны»² [3], [14], созданного в 1812–1813 годах, и «полка Императорской Фамилии»³ [2], образованного во время Крымской войны, упоминается, что для формирования этих воинских подразделений привлекались удельные крестьяне. Однако, исходя из поставленных задач, в упомянутых трудах основное внимание концентрируется на истории собственно воинских частей, роль удельных поселян упоминается лишь в нескольких предложениях. На наш взгляд, очень важно расширить проблематику исследований по затронутому аспекту.

Целью предлагаемой статьи выступает изучение участия сельских тружеников в отражении вторжений иностранных захватчиков в период Отечественной войны 1812 году и Крымской войны 1853–1856 годов на примере удельных поселян Вельского и Тотемского уездов Вологодской губернии. Задачи исследования состоят в освещении практики формирования добровольческих военных подразделений из северных удельных крестьян в годы двух крупнейших войн первой половины XIX века, анализе возрастного состава добровольцев и выявлении уровня потерь.

Исследование основывается на совокупности источников, выявленных в государственном архиве Вологодской области и Вельском краеведческом музее: материалы VI–VII ревизий по Тотемскому уезду Вологодской губернии⁴ и IX–X ревизий по Вельскому уезду той же губернии⁵. К сожалению, пока не удалось выявить подобные данные по Крымской войне по всем удельным приказам Европейского Севера России. Однако совокупность указанных источников позволяет проанализировать все важные вопросы добровольного участия ряда северных удельных крестьян в защите Отечества в первой половине XIX века. Подобные материалы впервые вводятся в научный оборот. Данные упомянутых архивно-музейных источников подкреплены материалами Российского государственного исторического архива⁶ и рядом законодательных актов, включенных в известные Первое⁷ и Второе⁸ полные собрания законов Российской империи.

СОЗДАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ УДЕЛАМИ

По закону императора Павла I от 5 апреля 1797 года дворцовая собственность в России преобразовывалась в удельную. В результате была создана новая категория сельских жите-

лей – удельные поселяне, которые стали третьей по численности группой крестьянства в стране⁹. Созданные в России удельные владения, соответственно, и удельные крестьяне призваны были обеспечивать денежными средствами членов императорской семьи. Непосредственно управлять уделами ни один из членов царской семьи не имел права. Все управление передавалось в специально созданное министерство уделов и его региональные подразделения. Отметим, что в России это было первое ведомство в ранге министерства и появилось оно за пять лет до создания основных министерств в 1802 году.

Через 11 месяцев после создания удельного ведомства по указу от 10 марта 1798 года были сформированы региональные учреждения удела – 9 удельных экспедиций¹⁰, которым вменялось управление всеми удельными крестьянами в 34 губерниях. Иными словами, каждой удельной экспедиции подчинили удельных поселян нескольких губерний.

Все удельные крестьяне Архангельской и Вологодской губерний изначально были подчинены Архангельской удельной экспедиции, в том числе и купленные в Вологодской губернии в 1804 году помещицы имения [11], [12]. В 1808 году произошло кардинальное изменение в сети региональных удельных учреждений, в ходе которого на Севере были созданы две самостоятельных удельных конторы (имения) – Архангельская и Вологодская¹¹, которые в декабре 1858 года оказались объединены в одно, Вельское удельное имение (контору)¹².

В регионах на низовом уровне создавались удельные приказы и волости, которые функционировали на основе общинного права и крестьянского самоуправления. Вначале территории сформированных удельных приказов не привязывались к границам уездов и губерний, что было исправлено в 1808 году. Отныне приказы и входившие в них волости оформлялись с учетом пределов губерний и уездов [10], [11].

УДЕЛ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ

По закону «Учреждение об Императорской Фамилии» любой член императорской семьи имел право получить выдел из общей удельной собственности. Такой случай за все время существования уделов был один. В 1809 году вышла замуж великая княгиня Екатерина Павловна (1788–1819), любимая сестра императора Александра I. По манифесту последнего от 18 апреля 1809 года муж Екатерины Павловны «принц Георгий Голштейн-Ольденбургский» (1784–1812) получил титул «Императорского Высочества»¹³.

В тот же день по другому указу он назначался генерал-губернатором Новгородским, Тверским и Ярославским¹⁴ с расположением его «главной квартиры» в Твери. Одновременно, еще по одному закону великой княгине Екатерине Павловне выделялась часть удельной собственности с доходом в 300 тыс. руб. ассигнациями в год¹⁵. Однако и в этом случае управление выделенной собственностью великой княгини оставалось за министерством уделов и его подразделениями. При этом доход с указанного фиксированного надела в последующие годы мог как возрасти, так и уменьшиться. В случае повторного брака Екатерина Павловна лишалась половины выделенного удела. Это и случилось спустя четыре года после смерти ее первого мужа. Великая княгиня вторично вышла замуж 12 января 1816 года за двоюродного брата, наследного принца Вюртембергского, который с октября того же года стал королем Вильгельмом I (1781–1864).

Вначале в надел Екатерины Павловны включили 59536 душ мужского пола (далее – душ м. п.) удельных крестьян, учтенных по V ревизии. Эти крестьяне проживали в 12 губерниях страны и были объединены в составе 18 удельных приказов¹⁶. На Европейском Севере в состав указанного надела вошли 3898 душ м. п., составившие Спасский удельный приказ Тотемского уезда Вологодской губернии¹⁷.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ 1813 ГОДА

Вскоре после вторжения армии Наполеона в пределы России великая княгиня Екатерина Павловна попросила у императора разрешение на создание батальона из крестьян ее удела. Для обмундирования и содержания личного состава батальона она выделила личные средства. Весь процесс формирования воинского подразделения возлагался на удельное ведомство¹⁸. Основу нового подразделения, названного позже «Тверской временный егерский батальон имени Ея Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны»¹⁹ [3], предлагалось сформировать из крестьян, входивших в ее удел. Эти крестьяне в источниках именовались «воинами»²⁰. Великая княгиня освобождала воинов от уплаты всех податей и повинностей на весь период службы в батальоне.

Предполагалось включить в батальон один процент от всех ревизских душ м. п. из удела великой княгини. Подчеркнем, что большее число воинов относительно всех мужчин удела великой княгини не планировали призывать даже за счет добровольцев. В случае необходимости состав батальона разрешалось пополнить из ре-

крутов очередного призыва, опять же из крестьян ее удельных владений, что, скорее всего, и произошло. Допускалась возможность пополнения подразделения и за счет добровольцев из других сословий.

Данные табл. 1 свидетельствуют, что установленная норма по комплектованию батальона была выполнена и из учтенных по VI ревизии более 71 тыс. мужских душ удела Екатерины Павловны в воины ушли 712 крестьян. Разница призванных воинов по губерниям объяснялась разницей крестьян, зафиксированных в уделе великой княгини в соответствующей губернии.

Таблица 1

Численность воинов полка великой княгини Екатерины Павловны в период Отечественной войны 1812 года

Table 1

Number of soldiers in the regiment of Grand Duchess Catherine Pavlovna during the Patriotic War of 1812

Губерния	Поступило в батальон					Пожертвования для воинов
	воинов	из них добровольно		из них не вернулось		
		абс.	%	абс.	%	
Владимирская	31	1	3,2	17	54,8	По 10 руб. на каждого
Вологодская	43	16	37,2	17	39,5	«По 30 руб. на охотника и по 25 руб. на остальных»
Вятская	105	100	95,2	41	39,0	По 10 руб. каждому
Костромская	92	3	3,3	46	50,0	Не было
Московская	37	0	0,0	12	32,4	Не было
Нижегородская	80	1	1,3	26	32,5	По 50 руб. каждому
Новгородская	46	4	8,7	30	65,2	По 15 руб. на каждого
Орловская	72	8	11,1	27	37,5	Не было
Пензенская	44	16	36,4	15	34,1	По 10 руб. каждому
Сибирская	39	39	100,0	25	64,1	Не было
Смоленская	77	0	0,0	24	31,2	«Все совершилось в 2 дня, набрали лучших людей»
Тамбовская	46	46	100,0	14	30,4	«По 10 руб. каждому обрабатывать их землю, песчись о их семействах»
Всего	712	234	32,9	294	41,3	

Примечание. Показатели в % подсчитаны от числа всех воинов.

Источники: Языков А. П. Батальон Ея Императорского Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны, герцогини Ольденбургской 1812 года. СПб.: Тип. Эдуарда Метцига, 1868. С. 57–59; ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 9590. Л. 356–798.

Многие удельные крестьяне были настроены достаточно патриотично и поддержали призыв великой княгини. Так, из удела великой кня-

гини 234 крестьянина, или 32,9 % состава всех воинов, оказались добровольцами, доля которых по губерниям различалась. Например, в Вятской губернии добровольцы составили 95,2 % призванных в батальон крестьян. В Симбирской и Тамбовской губерниях добровольцами стали все поступившие воины. Напротив, незначительной оказалась доля добровольцев среди крестьян удела Екатерины Павловны в Орловской (11,1 %) и Новгородской губерниях (8,7 %). В Нижегородской, Владимирской и Костромской губерниях указанная доля была еще ниже, от 1,3 до 3,3 % всех воинов. В Московской и Смоленской губерниях добровольцев из крестьян удела Екатерины Павловны и вовсе не оказалось и пополнение батальона было проведено по нормам рекрутских призывов. Между отмеченными крайними уровнями добровольчества оказались эти показатели в двух губерниях: в Вологодской губернии от всех призванных в полк великой княгини воины-добровольцы составили 37,2 %, в Пензенской – 36,4 % (см. табл. 1).

Отметим, что в некоторых губерниях с крестьян удела Екатерины Павловны были собраны пожертвования в пользу воинов батальона. Так, во Владимирской, Вятской, Пензенской и Тамбовской губерниях на каждого воина собрали по 10 руб., в Новгородской – по 15 руб., в Нижегородской – даже по 50 руб. Более продуманно выдавались пожертвования в Спасском приказе Вологодской губернии, где крестьяне стремились выделить добровольцев. Во всяком случае здесь каждый из 16 добровольцев получил по 30 руб., тогда как остальные 27 воинов – по 25 руб. С другой стороны, в Костромской, Московской, Орловской и Симбирской губерниях пожертвования не собирались, как, вероятно, и в Смоленской губернии, по которой в отношении сборов власти ограничились отметкой: «Все совершилось в 2 дня, набрали лучших людей» (см. табл. 1).

Данные табл. 1 и 2 показывают, что в Спасском приказе в батальон Екатерины Павловны поступило 43 воина, что отразило установленную норму в один процент от 4215 мужчин, учтенных в приказе по VI ревизии. По отдельным волостям в батальон ушло от 0,2 % крестьян в Поцкой волости (далее – вол.) до 1,3 % удельных поселян в Едемской вол. и 1,4 % в Верховской вол. По два мужчины поступило в батальон великой княгини из деревень (далее – дер.) Антипинской (Лохотская вол.), Козминской (Едемская вол.), Мартьяновской (Верховская вол.). Из дер. Сметанинской (Заборовская вол.) батальон пополнился даже тремя добровольцами, один из которых погиб²¹.

Таблица 2

Численность и возраст воинов из Спасского удельного приказа в период Отечественной войны 1812 года

Table 2

Number and age of soldiers from the Spassky Appanage Prikaz during the Patriotic War of 1812

Показатели	Воинов			Возраст воинов на 1812 год, лет								
	все-го	умер-ло	сред-ний воз-раст	16	17–18	19–20	21–22	23–24	25	28	31	
абс.	43	17	21,1	1	10	12	9	4	2	3	2	
%	100,0	39,5		2,3	23,3	27,9	20,9	9,3	4,6	7,0	4,6	

Составлено по: ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 9590. Л. 356–798.

В батальон великой княгини поступали в основном молодые крестьяне. Так, из Спасского приказа в возрасте 17–18 лет в батальон ушло 10 крестьян, или 23,3 % всех воинов, в возрасте 19–20 лет – 12 человек, или 27,9 %, в возрасте 21–22 лет – 9 молодых людей, или 20,9 %. Иными словами, молодые мужчины в возрасте от 17 до 22 лет составили 72,1 % всех воинов из приказа. Средний возраст воинов из Спасского приказа – всего около 21,2 года (см. табл. 2). Средний возраст удельных крестьян Спасского приказа, отданных в рекруты между VI–VII ревизиями, равнялся 22,2 года²², то есть они были старше воинов батальона Екатерины Павловны.

Самым молодым воином из Спасского удельного приказа оказался незаконнорожденный крестьянин дер. Мартьяновской Спасской Верхней вол. 16-летний Гордей Погорелов, который позже погиб в бою²³. Одним из наиболее старших добровольцев стал 31-летний Л. В. Губин (дер. Дементьевская Спасской Верхней вол.), также погибший в бою²⁴. Напротив, его ровесник Г. И. Посников (дер. Сметанинская Заборовской вол.) прошел весь боевой путь и возвратился домой невредимым²⁵.

К осени 1812 года основная часть призванных стала сосредотачиваться под Тверью. Командиром батальона Екатерины Павловны был назначен 32-летний подполковник князь А. П. Оболенский (1781–1855), в апреле следующего года получивший чин полковника. Вначале были сформированы четыре основных роты численностью 712 человек (включая командира батальона). Затем подразделение переместилось на север губернии в уездный центр Весьегонск, граничивший с Вологодской губернией. Здесь не только проводилось обучение воинов, но и была сформирована резервная рота, в основном за счет рекрутов, хотя приток добровольцев из других сословий продолжался. В конечном итоге в батальон набрали 1156 воинов, среди которых насчиты-

валось 964 рядовых, 137 унтер-офицеров и 55 штаб- и обер-офицеров. В Весьегонске батальон получил оплаченное великой княгиней добротное и качественное обмундирование, основу которого составляли темно-зеленый мундир, штаны и шинель. Также за счет княгини воинов вооружили лучшими для своего времени ружьями и штуцерами [4], [5].

Состав основных четырех рот не изменился, и 13 апреля 1813 года они прибыли в действующую армию, тогда как резерв был оставлен в Тверской губернии. Батальон великой княгини был включен в состав 5-й пехотной дивизии и уже через шесть суток после прибытия участвовал в сражении при Лютцене (Саксония, 19–20 апреля), проявил стойкость и потерял до 20 % личного состава. В том же 1813 году в Саксонии воины батальона отличились в сражениях при Бауцене (май), Кульне (29–30 августа) и в «битве народов» под Лейпцигом (16–19 октября). В знак признательности за проявленные военные отличия батальон был причислен к Егерскому корпусу, но в походах 1814 года на Париж участия не принимал. После окончания войны 27 ноября 1814 года было принято решение о расформировании батальона великой княгини Екатерины Павловны. В феврале 1815 года в родные места вернулись 418 человек. Погибли и навсегда остались в чужой земле, умерли от ран и болезней 294 воина, то есть потери без учета резерва составили 41,3 % личного состава четырех основных рот батальона²⁶ [3], [14]. В некоторых губерниях потери оказались более существенными. Так, в Костромскую губернию не вернулись 50 % призванных в батальон крестьян, во Владимирскую – 54,8 %, в Симбирскую – 64,2 %, в Новгородскую – 65,2 %. В остальных девяти губерниях уровень потерь был ниже от средних показателей по уделу Екатерины Павловны (см. табл. 1).

Не вернулись в свои семьи и 17 воинов, или 39,5 % от всех призванных из Спасского удельного приказа (см. табл. 2). При этом их потери по удельным волостям приказа разнились. Так, из трех добровольцев Спасской вол. Верхней половины домой вернулся один, из пяти воинов Едемской вол. остался в живых также один, тогда как в Заборовской вол. из пяти добровольцев в живых осталось четверо, в Верховской вол. из 12 на родину вернулись восемь воинов. В Лохотской вол. в свои семьи возвратились все четверо ушедших в батальон Екатерины Павловны крестьян²⁷.

Заметим, что батальон великой княгини стал первым воинским подразделением в истории нашего Отечества, сформированным с существенной долей добровольцев. В 1813 году в нем прохо-

дил службу С. И. Муравьев-Апостол (1795–1826), в 1814 году переведенный в лейб-гвардии Семеновский полк. Он стал одним из пяти казенных 13 июля 1826 года декабристов.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

Пожалуй, еще более трагичной оказалась судьба многих добровольцев из удельных крестьян во время Крымской войны. В ее начале на волне патриотического подъема, вспомнив опыт создания батальона великой княгини Екатерины Павловны, представители императорского дома выдвинули идею о формировании нового воинского подразделения из удельных крестьян²⁸. Царь Николай I не только поддержал порыв членов своей семьи, но и развил их инициативу, приблизив ее воплощение на практике.

По воле императора был разработан «высочайший рескрипт», подписанный и введенный в действие 25 октября 1854 года. В законе устанавливалось, что создается «Стрелковый полк Императорской Фамилии» только на период войны. Его формирование следовало «производить из добровольцев преимущественно из удельных крестьян Новгородской, Архангельской и Вологодской губернии... где есть много искусных стрелков, занимающихся звериным промыслом». В состав подразделения дозволялось привлекать «желающих добровольно» из других сословий, но только тех, которые не стояли в рекрутской очереди и по разрешению «мирских обществ» (сельских общин). Добровольцев из удельных крестьян следовало называть «стрелками». Они получали по 3 руб. асс. в месяц и солдатский паек, а также право носить бороды. Стрелки освобождались от уплаты податей и повинностей «за следующую, после поступления (в полк. – П. К.) половину года и до окончания той половины, когда вернутся домой». Семьям убитых и раненых предусматривалась выдача «рекрутских квитанций», по которым мужчины освобождались от будущих рекрутских наборов или семьи могли их продать другим удельным крестьянам²⁹.

Первичное формирование 1-го батальона полка происходило в Нижнем Новгороде, 2-го батальона – в Суздале, 3-го батальона – в селе Ям Бронницы Новгородской губернии. В марте 1855 года вместо запланированных 3 тыс. набрали почти 7,2 тыс. добровольцев. Поэтому сформировали резервный 4-й батальон³⁰.

Материалы табл. 3 показывают, что в Верховском удельном приказе Вельского уезда Вологодской губернии добровольно в стрелки записались 42 крестьянина, в Тавренском приказе – 30, в Усть-Вельском приказе – 59 (всего по уезду –

131 удельный крестьянин). В Верховском приказе добровольцы-стрелки составляли 0,6 % от всех душ м. п., учтенных по IX ревизии, в Тавренском приказе – 0,7 %, что было меньше аналогичного показателя по воинам в Спасском приказе Тотемского уезда в период Отечественной войны 1812 года. Напротив, в Усть-Вельском приказе доля добровольцев-стрелков оказалась больше и возросла до 1,1 % от душ м. п., учтенных по IX ревизии³¹. Как и в 1812 году, в Тотемском уезде указанные показатели в период Крымской войны отличались по отдельным частям удельных приказов. Так, в Двиницкой, Жаровской, Погоской и Шелотской вол. Верховского приказа он равнялся 0,2 %, тогда как в Усть-Кулойской вол. – 2,2 %, в Ракульской вол. – 2,5 % (обе из Усть-Вельского приказа)³².

Таблица 3

Средний возраст и смертность стрелков и ратников из удельных приказов Вельского уезда во время Крымской войны

Table 3

Average age and mortality rate of riflemen and warriors from the Velsk Uyezd appanage prikazs during the Crimean War

Приказ	Стрелки				Ратники			
	все-го	из них умерло		средний возраст	все-го	из них умерло		средний возраст
		абс.	%			абс.	%	
Верховский	42	19	45,2	24,5	151	4	2,6	26,3
Тавренский	30	15	50,0	24,5	98	10	10,2	26,2
Усть-Вельский	59	34	57,6	24,1	129	5	4,0	25,9
Всего	131	68	51,9	24,3	378	19	5,1	26,1

Составлено по: ВКМ. № кп 1541, № кп 1548, № кп 1555.

По два стрелка поступило в полк из шести деревень в Верховском удельном приказе, из трех поселений – в Тавренском приказе и из восьми поселений – в Усть-Вельском приказе. В последнем из дер. Пайтовской Судромской вол. ушло в добровольцы три крестьянина, из которых ни один не вернулся живым домой³³.

Данные табл. 4 свидетельствуют, что из удельной деревни Вельского уезда 60 стрелков, или 45,8 %, оказались в возрасте от 21 до 25 лет. Доля стрелков такого возраста варьировалась от 40,0 % в Тавренском приказе до 50,8 % в Усть-Вельском приказе. При этом в последнем число стрелков в возрасте до 20 лет и от 26 до 30 лет совпадало, тогда как в Верховском приказе в указанных интервалах доля более старших стрелков преобладала (23,8 % против 16,7 %), и наоборот, в Тавренском приказе на добровольцев до 20 лет приходилось 26,7 %, от 26 до 30 лет – 20,0 %. Однако во всех случаях доля воинов до 20 лет из Спасского приказа Тотем-

ского уезда в 1812 году была заметно больше, составляя 52,5 % (см. табл. 2 и 4).

Таблица 4

Возраст стрелков и ратников из удельных приказов Вельского уезда во время Крымской войны

Table 4

Age of riflemen and warriors from the Velsk Uyezd appanage prikazs during the Crimean War

Приказы	Интервалы возраста на 1855 год, лет									
	душ					в %				
	до 20	21–25	26–30	31–35	36 и более	до 20	21–25	26–30	31–35	36 и более
Стрелки										
Верховский	7	18	10	2	5	16,7	42,9	23,8	4,8	11,9
Тавренский	8	12	6	2	2	26,7	40,0	20,0	6,7	6,7
Усть-Вельский	12	30	12	4	1	20,3	50,8	20,3	6,8	1,7
Всего	27	60	28	8	8	20,6	45,8	21,4	6,1	6,1
Ратники										
Верховский	12	75	32	17	15	7,9	49,7	21,2	11,3	9,9
Тавренский	20	35	20	10	13	20,4	35,7	20,4	10,2	13,3
Усть-Вельский	17	58	29	13	12	13,2	45,0	22,9	10,1	9,3
Всего	49	168	81	40	40	13,0	44,4	21,4	10,6	10,6
Итого добровольцы										
Верховский	19	93	42	19	20	9,8	48,2	21,8	9,8	10,4
Тавренский	28	47	26	12	15	21,9	36,7	20,3	9,4	11,7
Усть-Вельский	29	88	41	17	13	15,4	46,8	21,8	9,0	6,9
Всего	76	228	109	48	48	14,9	44,8	21,4	9,4	9,4

Составлено по: ВКМ. № кп 1541, № кп 1548, № кп 1555.

На момент поступления в стрелки 18 лет исполнилось из Верховского приказа крестьянину А. Я. Глотову (дер. Анисимовская)³⁴, из Тавренского приказа – М. П. Лужбинину (дер. Захаровская) и М. П. Демидову (дер. Мокиевская)³⁵. Они все умерли и оказались похоронены под Одессой, как и их земляк 17-летний Г. Ф. Никитинский (дер. Алексеевская) из Усть-Вельского приказа³⁶. Живым из всех наиболее молодых стрелков вернулся домой только 18-летний крестьянин дер. Овсянниковской А. М. Зыкин (Усть-Вельский приказ)³⁷. Самыми пожилыми стрелками стали в Верховском приказе 45-летний М. Ф. Цаплин (дер. Арефино) и 41-летний А. О. Воробьев (дер. Щипляевская)³⁸, в Усть-Вельском приказе – 42-летний А. У. Коротяев (дер. Овсянниковская)³⁹, которые все благополучно вернулись в свои семьи.

Средний возраст стрелков варьировался от 24,1 года в Усть-Вельском приказе до 24,5 года

в остальных двух удельных приказах Вельского уезда. Тем самым удельные добровольцы Вельского уезда времен Крымской войны были более возрастными в отличие от своих предшественников из Тотемского уезда времен Отечественной войны 1812 года (см. табл. 2, 4). Стрелки оказались старше и рекрутов 1851–1855 годов, средний возраст которых в Верховском приказе составлял 23,6 года, в Тавренском приказе – 22,5 года, в Усть-Вельском приказе – 21,8 года⁴⁰.

Комплектование и командование новым подразделением русской армии поручили полковнику лейб-гвардии Преображенского полка Д. А. Арбузову (1821–1893). Для начала ему подчинили 22 штаб- и обер-офицеров и 384 младших командиров «из нижних чинов», состав которых в последующее время пополнялся. В июне 1855 года батальоны полка, сосредоточенные в Подмоскovie, выдвинулись к Санкт-Петербургу, где стрелков вооружили штуцерами и провели смотр в Царском Селе. В начале сентября полк по железной дороге перевезли в Москву и отправили пешим порядком на Перекоп. Однако вскоре планы изменились, и «полк Императорской Фамилии» решили использовать для отражения возможной высадки десанта в Причерноморье. Пройдя по маршруту Серпухов – Тула – Орел – Фатеж – Курск – Сумы – Ахтырка – Кременчуг – Кривой Рог, полк в начале декабря 1855 года прибыл в Николаев, откуда через неделю переместился под Одессу. Здесь в колонии Катарджи разместился 1-й батальон, в селении Севериновка – штаб полка и 2-й батальон, а в местечке Большой Буялык – 3-й батальон⁴¹. К этому времени часть стрелков не выдержали изнурительных переходов и умерли. В частности, скончались по шесть стрелков из Верховского и Усть-Вельского приказов и один стрелок из Тавренского приказа (всего 13 человек, или почти 10,0 % стрелков из уделов Вельского уезда)⁴².

Размещая полк не в Одессе, а в окрестностях города, командование не учло опасности эпидемий, которые были довольно частым явлением в тех местах. И беда не заставила себя ждать – уже в конце декабря 1855 года в «Стрелковом полку Императорской Фамилии» разразился тиф. Несмотря на энергичные меры, которые явно запоздали, эпидемия нарастала, и за первые полтора месяца в подразделении скончалось около 800 стрелков. Всего от тифа умерло в полку немногим более 1 тыс. человек⁴³. 25 апреля 1856 года, так и не приняв участия в боевых действиях, полк был отправлен обратно под Москву, и в 1856 году он был причислен к гвардейскому корпусу на правах моло-

дой гвардии. По распоряжению царя от 1 октября 1856 года «Стрелковый полк Императорской Фамилии» был расформирован, но гвардейскую воинскую часть было решено сохранить в виде батальона, в который «впредь нижних чинов» следовало набирать из удельных крестьян в рамках рекрутских наборов⁴⁴. История этого реформированного подразделения продлилась до 1918 года⁴⁵.

Из-за трудности длительных пеших переходов, непривычных условий и пищи, но прежде всего в связи с эпидемией тифа стрелковый полк, как указывалось, понес большие потери. В их числе из Верховского приказа оказалось 19 стрелков, или 45,2 %, из Тавренского приказа – 15 добровольцев, или 50,0 %, из Усть-Вельского приказа – 34 стрелка, или 57,6 % (см. табл. 3). При этом из Доровской и Жаровской вол. Верховского приказа, Нижнеподюжской, Олюшинской и Ширыхоновской вол. Тавренского приказа, Лиходиевской и Пакшинской вол. домой не вернулся ни один доброволец⁴⁶. Напомним, что во время Отечественной войны 1812 года потери участвовавших в кровопролитных сражениях воинов из Спасского приказа не превысили трети (см. табл. 1 и 2).

Подчеркнем, что очень большие небоевые потери среди стрелков нисколько не принижают стремления наших предков защитить Отечество в годы опасности и чистоту их патриотизма. Достаточно ярко это проявилось и в другом эпизоде Крымской войны. Опасаясь нарастающей вероятности высадки англичан и французов на побережье Белого моря, правительство стало формировать так называемые ратнические команды в качестве элемента народного ополчения. История формирования и деятельности подразделений ратников на Европейском Севере не изучена и ждет своего исследователя. Известно, что добровольцы, поступившие в ратники, как и все участники ополчения, освобождались от податей и повинностей, получали рекрутские квитанции и некоторые другие «послабления». В конечном итоге на ратников распространили все льготы, которые имели стрелки.

Из трех удельных приказов Вельского уезда в ратники добровольно записались 378 крестьян (см. табл. 3), что составляло от 2,3 % душ м. п. по IX ревизии в Верховском и Тавренском приказах до 2,4 % душ в Усть-Вельском приказе. При этом, например, в Хмельницкой вол. ратники составили 0,8 % ревизских душ, а в Шеновской вол. – 3,9 % (обе волости из Тавренского приказа)⁴⁷.

В табл. 3 фиксируется, что средний возраст ратников из удельной деревни Вельско-

го уезда равнялся 26,1 года. Он был немного выше этого показателя в Верховском (26,3 года) и Тавренском (26,2 года) приказах, но несколько ниже в Усть-Вельском приказе (25,9 года). При этом ратников в возрасте до 20 лет было заметно меньше, чем стрелков, тогда как в интервалах от 31 до 35 лет и от 36 лет и старше – значительно больше, что наглядно показывают материалы табл. 4.

В целом ратники были более возрастными не только относительно воинов-добровольцев 1812 года из Спасского приказа, но и стрелков из уделов Вельского уезда времен Крымской войны. С другой стороны, в Вельском уезде домой не вернулось только 19 ратников, или 5,1 %. Правда, в Тавренском уезде умер каждый десятый ратник, тогда как в Верховском – 4 % ратников. Таким образом, потери среди ратников оказались несопоставимо более низкими, чем потери среди воинов Спасского приказа в 1813 году и стрелков Вельского уезда в годы Крымской войны (см. табл. 1–4). В частности, в Вельском уезде вернулись в свои семьи 11 из 13 удельных ратников в возрасте старше 41 года⁴⁸, 11 из 12 на момент ухода 19-летних ратника⁴⁹, оба 18-летних ратника⁵⁰ и 17-летний Я. И. Зобнин

из дер. Средней Олюшинской вол. Тавренского приказа⁵¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Удельные крестьяне Вологодской губернии принимали активное участие в борьбе против захватчиков, помимо людей, призванных в рекруты. В частности, добровольцы из Спасского приказа Тотемского уезда в составе батальона великой княгини Екатерины Павловны участвовали в ряде крупнейших сражений 1813 года в Европе, треть из них сложили головы на полях брани. Еще существенно большие потери были среди добровольцев из уделов Вельского уезда в период Крымской кампании, которые входили в состав «Стрелкового полка Императорской Фамилии» и более половины которых не вернулись в свои дома. Значительно меньшие потери были среди ратников еще одной группы добровольцев во время Крымской войны, предназначавшихся для возможного отражения атаки европейских войск на Европейский Север страны. В ходе исследования выявлено, что в целом самыми молодыми оказались удельные добровольцы в 1813 году, более старшими были стрелки и ратники 1855–1856 годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Боголюбов В. А. Удельные крестьяне // Великая реформа: В 6 т. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1911. Т. 2. С. 294–364; История уделов за столетие их существования. 1797–1897: В 3 т. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1901–1902. Т. 1. 733 с.; Т. 2. 581 с.; Т. 3. Приложения и карты.
- ² Языков А. П. Батальон Ея Императорского Высочества Великой Княгини Екатерины Павловны, герцогини Ольденбургской 1812 года. СПб.: Тип. Эдуарда Метцига, 1868. 65 с.
- ³ Богданович Е. В. История 4-го Лейб-гвардии стрелкового императорской фамилии батальона. Стрелки императорской фамилии: Ист. очерк. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. 197 с.
- ⁴ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 388. Оп. 1. Д. 9590. Л. 356–798.
- ⁵ Вельский краеведческий музей (далее – ВКМ). № кп 1541 – Тавренский приказ; № кп 1548 – Усть-Вельский приказ; № кп 1555 – Верховский приказ.
- ⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 515. Оп. 1. Д. 21. Л. 7–9; Оп. 7. Д. 261. Л. 1 об.–12.
- ⁷ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. I–VI. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Ея Императорского Величества Канцелярии, 1830 (далее – ПЗСРИ-1).
- ⁸ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. С 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881 года. Т. I–LV. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Ея Императорского Величества Канцелярии, 1830–1884 (далее – ПЗСРИ-2).
- ⁹ ПЗСРИ-1. Т. XXIV. № 17906. С. 525–569.
- ¹⁰ ПЗСРИ-1. Т. XXV. № 18423. С. 126.
- ¹¹ ПЗСРИ-1. Т. XXX. № 23020. С. 226–258.
- ¹² ПЗСРИ-2. Т. XXXIII. Отделение 2. № 33861. С. 451–452.
- ¹³ ПЗСРИ-1. Т. XXX. № 23591. С. 915–916.
- ¹⁴ ПЗСРИ-1. Т. XXX. № 23592. С. 916.
- ¹⁵ ПЗСРИ-1. Т. XXX. № 23593. С. 916–918.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 21. Л. 7–9; Оп. 7. Д. 261. Л. 1 об.–12.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 261. Л. 3 об.
- ¹⁸ История уделов за столетие их существования. 1797–1897: В 3 т. СПб., 1901. Т. 2. С. 512–513.
- ¹⁹ Языков А. П. Батальон Ея Императорского Высочества... С. 3–5.
- ²⁰ ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 9590. Л. 356–798.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.

- ²³ Там же. Л. 729 об.
²⁴ Там же. Л. 419 об.
²⁵ Там же. Л. 518 об.
²⁶ История уделов... Т. 2. С. 513.
²⁷ ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 9590. Л. 356–798.
²⁸ Богданович Е. В. История 4-го Лейб-гвардии... С. 12–18; История уделов... Т. 2. С. 514.
²⁹ ПСЗРИ-2. Т. XXIX. № 28667. С. 879–880.
³⁰ Там же. Т. XXX. № 29813. С. 671. Богданович Е. В. История 4-го Лейб-гвардии... С. 19–29.
³¹ ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 9590. Л. 356–798.
³² Там же.
³³ ВКМ. № кп 1541, № кп 1548, № кп 1555.
³⁴ ВКМ. № кп 1555. Л. 1027 об.
³⁵ ВКМ. № кп 1541. Л. 59 об., 71 об.
³⁶ ВКМ. № кп 1548. Л. 322 об.
³⁷ Там же. Л. 470 об.
³⁸ ВКМ. № кп 1555. Л. 63 об., 338 об.
³⁹ ВКМ. № кп 1548. Л. 473 об.
⁴⁰ ВКМ. № кп 1541, № кп 1548, № кп 1555.
⁴¹ Богданович Е. В. История 4-го Лейб-гвардии... С. 36–41.
⁴² ВКМ. № кп 1541, № кп 1548, № кп 1555.
⁴³ Богданович Е. В. История 4-го Лейб-гвардии... С. 42–50.
⁴⁴ Там же. С. 59–64; История уделов... Т. 2. С. 518.
⁴⁵ Богданович Е. В. История 4-го Лейб-гвардии... С. 64–175.
⁴⁶ ВКМ. № кп 1541, № кп 1548, № кп 1555.
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ Там же.
⁴⁹ Там же.
⁵⁰ Там же. Л. 179 об., 229 об.
⁵¹ Там же. Л. 173 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатикова Г. И. Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне // Исторические записки. 1958. Т. 63. С. 81–123.
2. Бордунов Н., Шевченко И. Стрелки Императорской Фамилии. Часть 1 (1854–1881) // Старый Цейхгауз. 2010. № 5 (37). С. 26–44.
3. Волкова Н. Е. Егерский батальон великой княгини Екатерины Павловны // Тверские памятные даты на 2012 год. Тверь, 2011. С. 150–152.
4. Гриценко Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (Очерки). Грозный, 1959. 587 с.
5. Дунаева Н. В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.). СПб., 2006. 284 с.
6. Завитаев А. Н. Попечительная политика в удельной деревне Саратовского Поволжья и ее результаты // Казанская наука. 2015. № 6. С. 35–38.
7. История северного крестьянства: В 2 т. Архангельск, 1984. Т. 1. 432 с.
8. Карahanян Т. Н. Промысловые занятия во Владимирской удельной конторе (на примере Ковровского и Судогодского уездов) // Научное пространство: актуальные вопросы теории и практики: Материалы Всероссий. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2020. С. 47–49.
9. Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. Вологда: Северо-западное кн. изд-во, 1976. 416 с.
10. Котов П. П. Отмена крепостного права в удельной деревне по реформе 26 июня 1863 года в русской историографии // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2017. № 4 (32). С. 79–87.
11. Котов П. П. Расширение удельных владений в Вологодской губернии в первой четверти XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616
12. Котов П. П. Характеристика помещичьих имений Вологодской губернии, приобретенных удельным ведомством в 1804 и 1824 годах // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2021. № 4 (50). С. 46–54. DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-46-54
13. Красникова Ю. Н. Удельные крестьяне Северо-Запада России в конце XVIII – первой четверти XIX века: из истории аграрных отношений. СПб., 2014. 199 с.
14. Муравьев Ю. П. Тверской добровольческий батальон // Военно-исторический журнал. 1994. № 8. С. 95–96.
15. Половинкин Н. С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX веков). Тюмень, 1992. 142 с.
16. Шайхисламов Р. Б., Мысляева Н. С. Удельные крестьяне Южного Урала в дореформенный период // Современная научная мысль. 2018. № 6. С. 52–56.

Поступила в редакцию 11.11.2025; принята к публикации 16.01.2026

Original article

Petr P. Kotov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7641-2437; kotovpetr55@mail.ru

PARTICIPATION OF APPANAGE PEASANTS OF THE VOLOGDA PROVINCE IN THE PATRIOTIC WAR AND THE CRIMEAN WAR

Abstract. The article is aimed at studying the participation of rural workers in the struggle against Napoleon during the foreign campaigns of the Russian army in 1813 and the Crimean War of 1853–1856, focusing on the case of the appanage peasants of the Velsk and Totem uyezds of the Vologda Province. After Napoleon's army invaded Russia, a battalion of volunteers was formed from the appanage of Grand Duchess Catherine Pavlovna, which participated in all major battles of 1813 in Europe. Peasants from the Spassky Prikaz of the Totem Uyezd participated in these campaigns of Russia's first volunteer-based military unit, with one-third of them perishing. Building on the experience of 1813, a rifle regiment was established during the Crimean War, consisting primarily of volunteers from the appanage peasantry. Many villagers from the three appanage prikazs of the Velsk Uyezd also served as riflemen in this regiment. The rifle regiment was sent to guard the northern Black Sea region against possible enemy landings. However, typhus broke out in the unit, leading to significant casualties. As a result, more than half of the volunteers from the appanage peasantry of the Velsk Uyezd never returned to their families. Along with the riflemen, several hundred appanage peasants from the Velsk Uyezd volunteered as warriors, who were expected to be deployed in the event of a major British and French invasion of the White Sea coast. The mortality rate among these warriors was one in twenty, which was significantly lower than the losses among the volunteers of 1813 and 1855–1856. Furthermore, the youngest volunteers were the appanage warriors of 1813, while the oldest were the riflemen and warriors of 1855–1856.

Keywords: Vologda Province, Velsk Uyezd, Totem Uyezd, appanage peasants, Patriotic War of 1812, Crimean War, volunteer soldiers, riflemen, warriors

Acknowledgements. The article was written as part of the state project assigned to the Federal Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kotov, P. P. Participation of appanage peasants of the Vologda Province in the Patriotic War and the Crimean War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):18–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1276

REFERENCES

1. Bogatikova, G. I. The reform of 26 June 1863 in appanage villages. *Istoricheskie zapiski*. 1958;63:81–123. (In Russ.)
2. Bordunov, N., Shevchenko, I. Riflemen of the Imperial Family. Part 1 (1854–1881). *Staryy Tseykhgauz*. 2010;5(37):26–44. (In Russ.)
3. Volkova, N. E. The Jaeger Battalion of Grand Duchess Catherine Pavlovna. *Tver memorable dates for 2012*. Tver, 2011. P. 150–152. (In Russ.)
4. Gritsenko, N. P. Appanage peasants of the middle Volga region (Essays). Grozny, 1959. 587 p. (In Russ.)
5. Dunaeva, N. V. Appanage peasants as subjects of Russian Empire law (late XVIII – first half of the XIX centuries). St. Petersburg, 2006. 284 p. (In Russ.)
6. Zavitaev, A. N. Trusteeship policy in appanage villages of the Saratov Volga region and its results. *Kazan Science*. 2015;6:35–38. (In Russ.)
7. History of northern peasantry. In 2 vols. Vol. 1. Arkhangelsk, 1984. 432 p. (In Russ.)
8. Karakhanyan, T. N. Fishing activities in the Vladimir Appanage Office (a case of the Kovrov and Sudogod uyezds). *Scientific space: current issues of theory and practice: Proceedings of the all-Russian scientific and practical conference*. Cheboksary, 2020. P. 47–49. (In Russ.)
9. Kolesnikov, P. A. Northern villages in the XV – first half of the XIX centuries. Vologda, 1976. 416 p. (In Russ.)
10. Kotov, P. P. The abolition of serfdom in villages of the Tsar family by the reform of June 26, 1863 in the Russian historiography. *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2017;4(32):79–87. (In Russ.)
11. Kotov, P. P. Expansion of appanages in the Vologda Province in the first quarter of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616 (In Russ.)
12. Kotov, P. P. Characteristics of the landlords' estates of the Vologda Province obtained by the Appanage Department in 1804 and 1824. *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2021;4(50):46–54. DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-46-54 (In Russ.)
13. Krasnikova, Yu. N. Appanage peasants of the northwestern Russia in the late XVIII – first quarter of the XIX centuries: from the history of agrarian relations. St. Petersburg, 2014. 199 p. (In Russ.)
14. Muravyov, Yu. P. The Tver Volunteer Battalion. *Military Historical Journal*. 1994;8:95–96. (In Russ.)
15. Polovinkin, N. S. Court (appanage) peasants of the Middle Volga region and the Pre-Urals (second half of the XVI – first half of the XIX centuries). Tyumen, 1992. 142 p. (In Russ.)
16. Shaikhislamov, R. B., Myslyayeva, N. S. Appanage peasants of the Southern Urals in the pre-reform period. *Modern Scientific Thought*. 2018;6:52–56. (In Russ.)

Received: 11 November 2025; accepted: 16 January 2026

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
verigin@petrsu.ru

ИЗ ИСТОРИИ КАРЕЛЬСКОГО ПОДПОЛЬЯ: СУДЬБА АНДРЕЯ ЭРТЭ

А н н о т а ц и я . Статья о члене подпольного Петрозаводского горкома КП(б) Карело-Финской ССР Андрее Петровиче Эртэ подготовлена на основе архивных документов из фондов Архива Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Карелия, многие из которых были раскритичены только в 2025 году и впервые вводятся в научный оборот. Основное внимание уделяется заброске группы подпольщиков за линию фронта, аресту Андрея Эртэ и его товарищей финскими солдатами, суду над подпольщиками и отбыванию ими наказания в финских тюрьмах на территории оккупированной Карелии и в Финляндии в 1943–1944 годах. Рассматриваются причины, по которым после возвращения на Родину осенью 1944 года Андрей Эртэ был осужден уже советским судом и отбывал наказание в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа НКВД СССР. На основе тщательного анализа архивных документов автор обосновывает тезис о том, что решающую роль в реабилитации подпольщика и снятии с него обвинений в измене Родине в 1960 году сыграл первый секретарь ЦК ЛКСМ КФССР Ю. В. Андропов. Статья вносит существенный вклад в российскую историографию отечественных спецслужб периода Великой Отечественной войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Андрей Эртэ, подпольщик, Великая Отечественная война, Карельский фронт, советская разведка, финская контрразведка

Д л я ц и т и р о в а н и я : Веригин С. Г. Из истории карельского подполья: судьба Андрея Эртэ // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 28–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1277

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь и судьба Андрея Петровича Эртэ – члена Петрозаводского подпольного горкома КП(б) Карело-Финской ССР (КФССР) – слабо освещена в отечественной литературе [1], [4], [6], [7]. Во многом это объясняется сложными перипетиями его биографии, о некоторых из них пойдет речь в данной статье. Андрей Эртэ родился в 1919 году в многодетной семье финнов-ингерманландцев в дер. Артюшкино Волосовского района Петроградской губернии (сейчас – Ленинградская область)¹. Он имел среднее специальное образование – закончил Ленинградский педагогический техникум, получив квалификацию «учитель физкультуры». В 1936 году Карельским Наркомпросом был направлен учителем в Медвежьегорский район Карелии, затем перешел на комсомольскую работу. В 1939 году в период Советско-финляндской войны (1939–1940) добровольно вступил в РККА и работал по комсомольской линии. К началу Великой Отечественной

войны занимал должность заведующего физкультурным отделом ЦК ЛКСМ КФССР².

ПОДГОТОВКА ПОДПОЛЬЩИКОВ

В начале Великой Отечественной войны Андрей Эртэ был призван в Рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА) и, как многие партийные, советские и комсомольские работники, хорошо владевшие финским языком, направлен в спецшколу ЦК КП(б) КФССР по подготовке кадров разведчиков и подпольщиков. Данная школа первоначально находилась в местечке Шуйская Чула под Петрозаводском. В сентябре 1941 года спецшкола, так же как все государственные и партийные органы Карелии, была эвакуирована в г. Беломорск, который в период войны стал военной столицей республики.

18 февраля 1943 года Андрей Эртэ был направлен в Москву в НКВД СССР на курсы радиостов-десантников. По окончании курсов 27 июня 1943 года вернулся в Беломорск, где вновь продолжил обучение в спецшколе при ЦК КП(б) КФССР. В августе 1943 года он был зачислен

в состав Петрозаводского подпольного горкома КП(б) КФССР, в который кроме него вошли: секретарь горкома Федор Тимоскайнен – бывший заведующий отделом трудовых резервов при СНК КФССР (руководитель группы); Андрей Костин – ответственный работник Прионежского райсовета (заместитель руководителя группы); Дмитрий Луриков – инструктор орготдела ЦК ЛКСМ КФССР; Александр Камилатов – работник типографии им. П. Ф. Анохина; радистка Любовь Туманова³. В подготовке этой группы активное участие принимал первый секретарь ЦК ЛКСМ КФССР Ю. В. Андропов. На случай задержания финнами он подготовил легенды для каждого из подпольщиков и дал им псевдонимы. Эртэ получил псевдоним Рыбкин. Сам Андрей Эртэ рассказал об этом 8 апреля 1960 года на допросе в КГБ при Совете Министров Коми АССР:

«Перед выброской в тыл получил легенду от Ю. В. Андропова на случай задержания финнами. Я являюсь участником истребительного батальона и направляюсь в тыл для сбора сведений о жизни советских людей на оккупированной финнами территории. Должен называться Анатолием Рыбкиным. После задержания финнами два дня придерживался этой легенды, но был разоблачен переводчиком Михаилом Карху, перешедшим ранее на сторону финнов и знавшим меня по комсомольской работе»⁴.

Ю. В. Андропов понимал, что задачи, поставленные перед подпольной группой Ф. Тимоскайнена, связаны с огромной опасностью и риском. Об этом А. П. Эртэ в 1987 году рассказал сотруднику Карельского краеведческого музея (сейчас – Национальный музей Республики Карелия) Михаилу Данкову [5: 66].

ЗАБРОСКА В ТЫЛ ФИННОВ

Вечером 18 июля 1943 года из расположения 7-й армии с секретного полевого аэродрома в направлении Петрозаводска был направлен легкий транспортный самолет У-2 (с 1944 года – По-2), на борту которого находилась группа подпольщиков Петрозаводского горкома КП(б) КФССР, имевшая задание развернуть партийно-массовую работу среди населения на оккупированной территории в районе г. Петрозаводска, а также проводить разведку местности и изучать население с целью создания ячеек резидентуры.

В два захода, с интервалом в час, подпольщики были десантированы в ночь с 18 на 19 июля 1943 года вблизи с. Деревянное у р. Таржеполка, в 12 км от Петрозаводска. На начальной фазе операции произошла трагедия. При приземлении скончался Д. П. Луриков, у которого снесенный

ветром парашют, как отметил А. Эртэ, случайно напоролся на острую, «как карандаш», ель [5: 65]. Между тем контейнеры с продуктами на специальных грузовых парашютах благополучно достигли земли. Этого оказалось достаточно, чтобы на первое время, примерно на «две с половиной недели», подпольщики были обеспечены автономным питанием.

Первоначально спецгруппа действовала довольно успешно. Была установлена связь с надежными людьми, известными по данным информаторов из Шелтозерского и Ведлозерского подполья. Разведчики установили контакт с людьми Н. Ф. Антонова, внедренного НКВД в состав водителей гаража Военного управления Восточной Карелии. Имея запас батарей для радиации, радистка Л. Туманова, меняя место выхода в эфир, установила устойчивый радиомост с Беломорском. В центр регулярно передавались шифровки с разведывательными данными; запрашивались листовки, экземпляры газеты «Голос солдата» политуправления Карельского фронта на финском языке под редакцией Т. В. Лехена для финских офицеров и граждан [5: 66]. Во время одного из последних радиосеансов группы до ее столкновения с финнами Л. Туманова просила выслать новую партию продуктов. И действительно, в оговоренный квадрат леса, южнее с. Деревянное, на грузовых парашютах были сброшены контейнеры с продуктами, среди которых были консервы, сахар, сухари, крупа, сухофрукты и шоколад. Продукты распределили каждому по норме на две с половиной недели. Остальной запас спрятали в земляной схрон.

НЕПРЕДВИДЕННЫЙ ПРОВАЛ

Однако произошло непредвиденное. В свете разведчики не заметили, что при падении один брезентовый продуктовый мешок разорвался и сухари рассыпались «в дорожку». Оплотность оказалась роковой. Через некоторое время к месту сброса контейнера стали слетаться стаи птиц. Этого хватило, чтобы финский армейский патруль вычислил спрятанный под хвостом русский ИЗ. Во время следующего подхода к тайнику с продуктами разведчики нарвались на вооруженную засаду, в результате чего погиб руководитель группы Ф. Ф. Тимоскайнен [5: 68].

После гибели Федора Тимоскайнена группу возглавил его заместитель – Андрей Костин. Из-за отсутствия продуктов и потери двух членов группы Костин принимает решение вернуться на советскую территорию, переправившись на лодке через Онежское озеро в Пудож. Для этого он предложил взять лодку в дер. Ялгубе, ска-

зав, что там живут его родственники. Он разделил группу на две части: сам Костин вместе с Эртэ выдвинулись в район Ялгубы, а Камилатов с Тумановой должны были их ждать и, если подпольщики не вернуться, идти в Суйсарь⁵.

АРЕСТ, СУД И ФИНСКИЙ ПЛЕН

А. М. Костин и А. П. Эртэ в ночь с 18 на 19 августа 1943 года незаметно подошли к Ялгубе, у одной из бань выбрали лодку, отвязали ее и поплыли к другому берегу. Но их заметила финская охрана, открыла стрельбу и задержала разведчиков. На следующий день, 19 августа, Костина и Эртэ отправили в Петрозаводск в финскую полицию. Эртэ отмечает, что спустя четыре дня после их задержания, то есть 23 августа, в полицию был доставлен Камилатов, который рассказал, что в районе дер. Суйсарь они столкнулись с финнами: его задержали, а радистка Л. Туманова застрелилась⁶.

В тюрьме оккупированного финнами Петрозаводска с конца августа до конца октября 1943 года проходило следствие, которое осуществляла финская контрразведка. И здесь же 29 октября состоялся военно-полевой суд над подпольщиками, по которому Андрея Эртэ и Александра Камилатова приговорили к пожизненной каторге, а Андрея Костина – к расстрелу. Сам Эртэ по-разному излагал решение финского суда о расстреле Костина. В беседе с М. Данковым в 1987 году он объяснил это тем, что Костин после гибели Ф. Тимоскайна стал старшим группы, а также потому, что у него при аресте были обнаружены карты и другие документы [5: 69]. Из рассекреченного уголовного дела А. П. Эртэ следует, что на допросе в советской контрразведке 13 февраля 1945 года он заявил следователю, что Костин был расстрелян по решению финского суда потому, что он был по национальности русский⁷.

После приговора финского суда Андрея Эртэ для отбытия наказания перевезли в Центральную финскую тюрьму, которая находилась в дер. Киндасово Пряжинского района (40 км от Петрозаводска). Эта тюрьма отличалась от других мест заключения тем, что в ней содержались «неблагонадежные» для финской власти заключенные – арестованные разведчики, радисты и подпольщики, многие из которых были приговорены к пожизненному тюремному заключению. В этой тюрьме Андрей Эртэ содержался с конца октября 1943 до 20 июня 1944 года, затем в связи с июньским наступлением Красной армии в южной Карелии был эвакуирован в Финляндию, в тюрьму г. Турку, где пробыл до второй половины сентября 1944 года.

ДОПРОСЫ В ОРГАНАХ СОВЕТСКОЙ КОНТРАРАЗВЕДКИ

После выхода Финляндии из войны 19 сентября 1944 года на основании перемирия между СССР, Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией, с другой стороны, из Финляндии в СССР были возвращены все советские граждане (как военнопленные, так и гражданские лица), которые находились в плену. Все военнослужащие проходили проверку в специальных лагерях НКВД СССР (с 20 февраля 1945 года – проверочно-фильтрационные лагеря), в которых сотрудники военной контрразведки выясняли все обстоятельства пребывания советских граждан на оккупированной территории, прежде всего выявляли возможные факты сотрудничества с противником. Архивные документы показывают, что большая часть карельских разведчиков и подпольщиков, возвращенных по репатриации из Финляндии в СССР осенью 1944 года, проходила проверку в освобожденном от финнов г. Петрозаводске в органах карельской контрразведки. А вот Андрея Эртэ и группу разведчиков и подпольщиков, которая возвращалась с ним из Финляндии в СССР, для дальнейшей проверки отправили не в Петрозаводск, а через всю страну, в Грузию, в распоряжение Управления контрразведки (УКР) «Смерш» Закавказского фронта. Возникает вопрос: почему это произошло? Сам Андрей Эртэ в беседе с М. Данковым не ответил на этот вопрос [5: 69].

При анализе сложившейся ситуации можно выдвинуть несколько версий. Первая версия: в органах карельской контрразведки, которая осенью 1944 – весной 1945 года проводила проверку возвратившихся из финского плена карельских разведчиков и подпольщиков, служили сотрудники, многие из которых сами готовили и забрасывали этих же разведчиков и подпольщиков за линию фронта. Для объективной и независимой проверки руководством НКВД СССР было принято решение провести такую проверку в Грузии. Вторая версия: осенью 1944 года через советско-финляндскую границу в районе Выборга из Финляндии в Советский Союз возвращались сотни репатриированных военнослужащих и гражданских лиц, которые требовали проверки органов безопасности. На контрразведчиков, которые работали на северо-западе страны, легла большая нагрузка, поэтому было принято решение провести проверку возвращающихся из Финляндии лиц в УКР «Смерш» Закавказского фронта в Грузии.

Первоначально Андрей Эртэ проходил проверку в отделе контрразведки «Смерш» спецлагеря № 205 НКВД СССР в г. Ткибули. В октябре 1944 – январе 1945 года его допрашивали следователи 4-го отдела УКР «Смерш» Закавказского фронта. На первых допросах Эртэ рассказал о своей довоенной деятельности, призыве в РККА в начале войны, подготовке в спецшколе ЦК КП(б) КФССР в Беломорске и спецшколе НКВД СССР в Москве, заброске группы Ф. Тимоскайнена за линию фронта летом 1943 года⁸. Советских следователей особенно интересовало поведение подпольщика на финском следствии, прежде всего, что он говорил на допросах в финской контрразведке о задании подпольной группы Тимоскайнена в тылу противника. Значительное внимание уделялось также его поведению во время содержания в Киндасовской тюрьме на оккупированной территории Карелии и в Финляндии в тюрьме г. Турку.

5 января 1945 года на очередном допросе в 4-м отделе УКР «Смерш» Закавказского фронта на вопрос следователя капитана Касрадзе: «В чем вы признаете свою виновность», Эртэ ответил, что «признает вину в том, что, находясь в тылу противника, не выполнил задание ЦК КП(б) КФССР»⁹. Однако советская контрразведка не поверила показаниям подпольщика. 10 января 1945 года в спецлагере № 205 НКВД СССР г. Ткибули майор НКВД Алавидзе, ссылаясь на преступную деятельность Эртэ, включающую сомнительную ситуацию с его арестом финнами, антисоветскую пропаганду в Киндасовской тюрьме и другие обстоятельства, подписал «Постановление на арест», предусматривавшее избрать для Эртэ меру пресечения в виде заключения под стражу¹⁰.

Анализ рассекреченного уголовного дела Андрея Эртэ, которое только в 2025 года стало доступно для исследования, показывает, что психологическое давление следователей на непрерывных допросах привело к тому, что Эртэ стал менять свои показания и соглашаться со многими обвинениями в свой адрес. Нельзя исключать, что к Эртэ могли применяться не только угрозы, но и методы физического воздействия. Так, на допросе 16 января 1945 года в г. Тбилиси Эртэ согласился с обвинениями в преступной деятельности во время содержания в Киндасовской тюрьме. Он заявил:

«Находясь в тюрьме в Киндасово, я систематически вел антисоветскую агитационно-пропагандистскую работу, восхвалял немецкую и финскую армии, восхищался условиями жизни трудящихся в Финляндии, говорил, что дисциплина в Финской армии выше, чем в Красной Армии. СССР давно потерпел бы поражение, он дер-

жится только благодаря англо-американской помощи... Выступал с антиколхозными выступлениями, говорил, что в колхозах день и ночь работают, но колхозники умирают от голода. Но я вел эти разговоры не потому, что был против Советской власти, а с целью сохранить свою жизнь»¹¹.

В процессе следствия в Грузии следователи советской контрразведки пытались расширить круг «преступных действий» Андрея Эртэ. На допросе 24 января 1945 года следователь задал вопрос о связях подпольщика с финской полицией. Первоначально Эртэ отрицательно ответил на него, заявив, что никаких связей у него с ней нет. Но по предъявленной фотографии узнал погибшего Реймонда Матсона, с которым учился в спецшколе ЦК КП(б) КФССР¹². На этом же допросе был задан вопрос и о том, какие показания дал Эртэ финнам о спецшколе ЦК КП(б), в которой обучался до переброски в тыл финнов. Подпольщик ответил:

«Я дал правдивые показания о том, что школа была организована при ЦК КП(б) КФССР в августе 1941 г. В ней обучалось около 150 человек, а во время заброски училось 96 человек. Сообщил о преподавателях школы и о дисциплинах, которые мы изучали. Из числа знакомых назвал только участников нашей группы: Костина, Камилатова и радистку Туманову»¹³.

27 января 1945 года в г. Тбилиси на очередном допросе в 4-м отделе УКР «Смерш» Закавказского фронта Андрею Эртэ было предъявлено постановление «О предъявлении обвинения», в котором говорилось о его преступной деятельности и предлагалось привлечь его в качестве обвиняемого по статье 58-1 п. «а» УК РСФСР (измена Родине)¹⁴. На вопрос следователя, признает ли он себя виновным, подпольщик ответил, что признает полностью, только просит учесть, что вел антисоветскую пропаганду не из враждебности к СССР, а из-за желания сохранить свою жизнь. На этом же допросе Эртэ объяснил следователю, почему он на следствии в финской контрразведке признался в том, что является разведчиком. По его словам, финны нашли у Костина дневник, в котором был записан весь путь группы Тимоскайнена¹⁵.

Пять месяцев – с октября 1944 до конца февраля 1945 года – продолжались допросы Андрея Эртэ в Грузии. 28 февраля 1945 года в Тбилиси 4-м отделом УКР «Смерш» было принято постановление «О пересылке следственного дела № 262 А. П. Эртэ». В нем отмечалось:

«...Обвиняемый Эртэ А. П. совершил преступление на территории КФССР. Принимая во внимание целесообразность провести дополнительное расследование по месту совершения преступления, а также учитывая запрос НКГБ КФССР от 26 февраля 1945 г. о пере-

сылке в его распоряжение следственного дела вместе с арестованным, 4-й отдел УКР «Смерш» Закавказского фронта постановил переслать следственное дело в Петрозаводск в НКГБ КФССР одновременно с этапированием арестованного»⁶.

2 апреля 1945 года Андрея Эртэ из Тбилиси перевели в Петрозаводск и поместили во внутреннюю тюрьму НКГБ КФССР, а следственное дело передали из УКР «Смерш» Закавказского фронта в ведение НКГБ КФССР¹⁷. В Петрозаводске следственное дело было принято к производству с задачей провести ряд дополнительных следственных действий. Допросы Андрея Эртэ продолжились, только теперь их вели уже карельские контрразведчики. 18 мая 1945 года нарком госбезопасности КФССР А. М. Кузнецов утвердил «Обвинительное заключение (по следственному делу по обвинению А. П. Эртэ по ст. 58-1 «а» УК РСФСР)», в котором говорилось:

«Преступная деятельность Эртэ выражалась в том, что заброшенный за линию фронта со специальным заданием, Эртэ был задержан финской контрразведкой и расшифровал себя как советского агента, выдал всех членов группы, переброшенных вместе с ним. Он рассказал о спецшколе ЦК КП(б) КФССР и высшей спецшколе НКВД СССР, в которых обучался в 1942–1943 гг., установил контакт с представителями финской контрразведки и по представленным фотографиям выдал известных ему советских агентов Матсона и Попова. Отбывая наказание финского суда в Киндасовской тюрьме на оккупированной территории Карелии, проводил антисоветскую агитацию среди заключенных. По существу предъявленных ему обвинений Эртэ А. П. полностью признал себя виновным. На основании статьи 58-1 «а» УК РСФСР назначить меру наказания в виде 10 лет лишения свободы с отбыванием в ИТЛ НКВД СССР и направить дело для рассмотрения в ОСО при НКВД СССР»¹⁸.

Затем следственное дело было рассмотрено военным прокурором войск НКВД КФССР Смирновым, который принял решение: 1. Следственное дело по обвинению Эртэ А. П. направить на рассмотрение ОСО при НКВД СССР; 2. Меру наказания Эртэ Андрею Петровичу определить 10 лет лишения свободы с отбыванием наказания в ИТЛ НКВД СССР¹⁹. В конечном итоге следственное дело было передано в Москву в Особое совещание (ОСО) при НКВД СССР.

ИЗ ФИНСКОГО ПЛЕНА В СОВЕТСКИЙ ЛАГЕРЬ

26 декабря 1945 года прошло ОСО при НКВД СССР, которое рассмотрело дело Андрея Эртэ и вынесло решение на основании статьи 58-1 «а» УК РСФСР (измена Родине) приговорить его к 10 годам лишения свободы с отбыванием наказания в ИТЛ НКВД СССР²⁰. Андрей Эртэ от-

бывал первоначально свое наказание в ИТЛ № 1 МВД КФССР в г. Петрозаводске. До января 1949 года он работал на восстановлении Онегского завода. Сразу после вынесения приговора Эртэ начинает борьбу если не за его отмену, то за снижение срока заключения.

26 ноября 1946 года, отбывая наказание в ИТЛ № 1 г. Петрозаводска, он обращается с письмом на имя Генерального прокурора СССР. В нем он подробно излагает свою биографию до момента ареста финнами в августе 1943 года. Что касается финского заключения, то Эртэ выделяет главное – он пытался сохранить свою жизнь и не раскрыть себя как работника ЦК ЛКСМ КФССР. Он отвергает обвинение в его хорошем отношении к финнам²¹. В ответе прокуратуры было указано, что нет оснований отменить принятое ранее решение, и Эртэ было отказано в этой просьбе. Здесь же, в Петрозаводске, по его словам, он написал письмо Ю. В. Андропову и попытался объяснить сложившуюся ситуацию, но ответа не получил. Однако вскоре в инструментальном цехе Онегского завода, где трудился Эртэ, состоялась их случайная встреча, в ходе которой Эртэ обратился за помощью к Андропову [5: 69].

Но Ю. В. Андропов в 1949 году не мог оказать помощь Эртэ. Во-первых, Эртэ был осужден по обвинению в измене Родине. Любой человек, защищавший обвиненного по этой статье, сам мог быть обвинен как пособник изменнику Родины. Во-вторых, в 1949 году начинает разворачиваться кампания по подготовке «Ленинградского дела»²², угроза нависла над первым секретарем ЦК(б) КФССР Г. Н. Куприяновым, выходцем из ленинградской партийной организации. Ю. В. Андропов, бывший в то время вторым секретарем ЦК КП(б) КФССР (по существу, заместителем Куприянова), также находился в «зоне внимания». Самого Андропова от ареста спас председатель Президиума Верховного Совета КФССР О. В. Куусинен, занимавший тогда по совместительству высокий пост заместителя председателя Президиума Верховного Совета СССР. В 1951 году при содействии Куусинена Андропов был переведен на работу в Москву в аппарат ЦК ВКП(б) [3].

В 1949 году А. Эртэ для отбывания наказания был переведен из ИТЛ № 1 г. Петрозаводска в ИТЛ в пос. Инта Коми АССР. Он стал работать на шахтах комбината «Интауголь» Печорского угольного бассейна. Здесь он продолжал обращаться в высокие инстанции с просьбой пересмотреть несправедливо вынесенный, по его мнению, приговор. 7 октября 1954 года Андрей

Эртэ написал письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову. В нем он подробно рассказал о выполнении летом 1943 года группой Ф. Тимоскайнена боевого задания за линией фронта, о том, что был захвачен группой финских моряков, предстал перед финским судом и получил наказание в виде пожизненного заключения. Вернувшись на Родину, был осужден ОСО НКВД СССР 26 декабря 1945 года на 10 лет лишения свободы в ИТЛ. Эртэ пишет:

«Если и были ошибки в моих действиях, то они не настолько значительны, чтобы получить столь суровое наказание. Прошу Вас дать указание о пересмотре дела и моей реабилитации. Сейчас работаю на шахтах Интинского комбината Печерского бассейна, выработка составляет 120–130 %»²³.

Судимость с Андрея Эртэ была снята после выхода 17 сентября 1955 года Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». К этому времени он уже отсидел почти полный срок: из 10 лет лишения свободы в ИТЛ – 9 лет и 8 месяцев. После снятия судимости Эртэ ставит задачу добиться реабилитации – полного снятия с него необоснованных, по его мнению, обвинений. Так, 22 декабря 1956 года он обращается с письмом к Военному прокурору Северного военного округа (СВО), в котором отмечает, что свое дело не читал, но ему известно, что в нем фигурируют показания трех свидетелей: один плохо о нем не говорил, а двое заявили, что он восхвалял Финляндию. Эртэ пишет, что может предоставить показания не двух, а в несколько раз больше свидетелей, которые подтвердят его безупречное поведение. А что касается следствия, то он подписывал все, лишь бы скорее закончились непрерывные допросы²⁴.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Решающую роль в процессе реабилитации подпольщика А. Эртэ сыграл первый секретарь ЦК ЛКСМ Карелии в годы Великой Отечественной войны, один из руководителей подпольного и партизанского движения в республике Ю. В. Андропов. В январе 1960 года из г. Инта (пос. Инта получил статус города в 1957 году) Коми АССР машинист подъема шахты № 2 комбината «Интауголь» Андрей Петрович Эртэ направил письмо в Москву заведующему отделом ЦК КПСС Ю. В. Андропову, в котором писал:

«Прошу Вас помочь мне в реабилитации. Я известен Вам по совместной работе в аппарате ЦК ЛКСМ КФССР.

Вы лично отправляли меня на спецзадание в июне 1943 г... Меня обвинили в антисоветской деятельности, но я говорил, что в Финляндии неплохие дороги, крестьяне имеют подсобное хозяйство и др. ... Меня необоснованно осудили на 10 лет лишения свободы...»²⁵.

Ю. В. Андропов не в силах был помочь в реабилитации Эртэ в условиях сталинского режима в конце 1940-х годов, но он смог это сделать в 1960 году. Во-первых, в стране изменилась ситуация: в период хрущевской оттепели, особенно после XX съезда КПСС, шел процесс реабилитации жертв политических репрессий, пересматривались десятки тысяч дел невинно репрессированных людей; во-вторых, и сам Андропов был уже не одним из региональных руководителей, а занимал важный пост в центральном аппарате ЦК КПСС.

Роль Андропова в реабилитации Эртэ подтверждается событиями, произошедшими сразу после письма подпольщика в его адрес. Само письмо Эртэ было направлено Андропову в январе 1960 года, а уже в начале февраля этого года Следственное управление КГБ при Совете Министров (СМ) СССР начинает проверку «Уголовного дела А. П. Эртэ». Оно направляет это дело в Петрозаводск в КГБ при Совете Министров Карельской АССР (КАССР). Кроме того, в апреле 1960 года к процессу проверки «Уголовного дела А. П. Эртэ», которую в Петрозаводске проводил КГБ при СМ КАССР, был подключен и КГБ при СМ Коми АССР. Дело в том, что Андрей Эртэ в это время проживал в г. Инта. 8 апреля 1960 года он был вызван в г. Сыктывкар на допрос в КГБ при СМ Коми АССР, на котором показал, что перед выброской в тыл финнов получил от Ю. В. Андропова легенду на случай задержания. После ареста финнами два дня придерживался этой легенды, но был разоблачен переводчиком Михаилом Карху, перешедшим ранее на сторону финнов и хорошо знавшим его по комсомольской работе. Также на допросе Эртэ заявил, что на финском следствии он рассказал о его заброске в тыл финнам только по линии ЦК КП(б) КФССР, а показаний по спецшколе НКВД СССР (Москва) и спецшколе ЦК КП(б) КФССР он не давал. В силу этих обстоятельств Эртэ просил пересмотреть следственное дело и реабилитировать его²⁶.

В течение марта – апреля 1960 года следователи следственного отделения КГБ при СМ КАССР провели тщательную проверку архивно-следственного дела № 5286 А. П. Эртэ. В ходе нее было установлено, что А. П. Эртэ обвинялся в том, что, будучи направленным 19 июля 1943 году в составе группы из шести человек

со специальным заданием ЦК КП(б) КФССР за линию фронта и оказавшись в руках врага, на допросах в финской контрразведке назвал всех участников группы, сообщил финнам о спецшколах ЦК КП(б) КФССР и НКВД СССР. Находясь в финском заключении, выдал известные ему данные о советских разведчиках Попове и Матсоне, которых опознал по фотографиям, а также в Киндасовской тюрьме систематически проводил антисоветскую агитацию. Все эти обвинения были основаны на показаниях самого Эртэ, данных в ходе предварительного расследования, и частично на показаниях свидетелей – Яухопя Павла Ивановича, Лейно Реймонда Александровича, Вяйсанена Альберта Викторовича, Хаатая Тауно Михайловича, Сундфорса Хуго Хуговича, Вешкельской Александры Ивановны, Камилатова Александра Васильевича и других. При этом именно Александр Камилатов дал самую важную информацию следователям, так как лучше всех знал Андрея Эртэ. Он познакомился с ним в январе 1943 года в спецшколе ЦК КП(б) КФССР, они вместе были заброшены за линию фронта в группе Федора Тимоскайнена, оба были арестованы финнами и осуждены финским судом к пожизненному заключению, вместе сидели в Киндасовской тюрьме на оккупированной финнами территории Карелии, а затем были отправлены в Финляндию в тюрьму г. Турку. Камилатов и Эртэ также вместе возвратились из Финляндии в СССР и проходили проверку в органах советской контрразведки.

Проверкой было установлено, что в ходе предварительного расследования в 1945 году в органах советской контрразведки Эртэ утверждал, что на следствии у финнов умалчивать о себе, о составе группы и ее задачах он считал бесполезным, так как финнам все было известно из дневника, изъятого у Костина, которого задержали вместе с Эртэ. Это утверждение нашло подтверждение в показаниях Камилатова, который в своем отчете в ЦК КП(б) КФССР сразу после возвращения из плена указал: «О нашей группе финнам было известно из дневника, который вел Костин. Там у него было все записано от начала подготовки до момента, когда его поймали»²⁷. В рамках проверки следователями следственного отделения КГБ при СМ КАССР было установлено, что одно из обвинений в отношении Эртэ заключалось в том, что он, находясь в плену, установил связь с финской контрразведкой и выдал известных ему разведчиков – Матсона и Попова, опознав их по фотографиям. Данное обвинение было основано на показаниях двух свидетелей – Т. М. Хаатая и В. И. Вайнио. Прав-

доподобность этих показаний, по мнению следователей, вызывает сомнения. На допросах в качестве обвиняемого по своему делу Хаатая показаний в отношении Эртэ не давал. Вайнио по делу Эртэ вообще не допрашивался, а будучи арестованным по другому делу, также никаких показаний о нем не давал. Никаких других доказательств о выдаче Эртэ финнам советских разведчиков в материалах дела не имеется. Сам Эртэ на допросах в настоящее время свою связь с финской контрразведкой не подтвердил²⁸.

Одним из главных обвинений в отношении подпольщика была его антисоветская деятельность среди заключенных в Центральной финской тюрьме в дер. Киндасово Пряжинского района. В рамках проверки были допрошены свидетели по уголовному делу А. П. Эртэ, которые вместе с ним отбывали наказание в Киндасовской тюрьме. Но во время проверки одни свидетели (Хуго Хугович Сундфорс, Александра Ивановна Вешкельская, Альберт Викторович Вяйсанен) заявили, что вообще не знают и не помнят Андрея Эртэ, другие (Павел Иванович Яухопя и Реймонд Александрович Лейно) показаний против Эртэ не дали, а Александр Васильевич Камилатов вообще дал ему положительную характеристику²⁹. На допросах, проведенных во время проверки А. Эртэ, он не подтвердил антисоветскую деятельность во время своего пребывания в Центральной финской тюрьме в дер. Киндасово Пряжинского района.

На основании материалов проверки, проведенной следственным отделением КГБ при СМ КАССР, 4 мая 1960 года Председатель КГБ при СМ КАССР К. М. Обухов утвердил «Заключение по архивно-следственному делу № 5286 А. П. Эртэ», в котором было отмечено, что Эртэ был осужден без достаточных доказательств, подтверждающих его вину. К. М. Обухов принял решение возбудить ходатайство перед Главным военным прокурором СССР А. Г. Горским о внесении протеста на предмет отмены постановления ОСО при НКВД СССР от 26 декабря 1945 года в отношении А. П. Эртэ и прекращении на него дела на основании ст. 204 п. «б» УПК РСФСР³⁰. Военный прокурор СССР поддержал это ходатайство и внес в Военный трибунал Московского округа Протест (в порядке надзора) по делу А. П. Эртэ. В нем он просил постановление ОСО при НКВД СССР от 26 декабря 1945 года в отношении А. П. Эртэ отменить и дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления³¹. Последнюю точку в длительном процессе борьбы А. П. Эртэ за снятие с него обвинений и полной реабилитации поставил Во-

енный трибунал Московского военного округа. 14 мая 1960 года он принял «Определение», в котором отмечалось:

«...Ссылаясь на материалы уголовного дела Эртэ А. П. и осуществленной по нему проверки, Главный военный прокурор СССР пришел к выводу о необоснованности репрессий в отношении Эртэ А. П. Проверив материалы дела и соглашаясь с протестом Главного военного прокурора СССР, Военный трибунал Московского военного округа определил: Постановление ОСО при НКВД СССР от 26 декабря 1945 г. в отношении Эртэ А. П. отменить и дело о нем прекратить на основании отсутствия в нем состава преступления»³².

Справедливость наконец-то восторжествовала. Однако, чтобы ее добиться, Андрею Петровичу Эртэ пришлось пройти долгий и тяжелый путь, отбывая наказание сначала в финском плену, а затем в советских ИТЛ.

ДВА ЭРТЕ

В современной литературе, посвященной разведывательно-диверсионной и подпольной деятельности на оккупированной финнами территории Карелии в годы Великой Отечественной войны, существует путаница с фамилией Эртэ. Иногда подпольщика Андрея Петровича Эртэ путают с бойцом спецотряда НКВД КФССР Александром Петровичем Эрте(э). Александр Эрте в годы войны в составе спецгрупп НКВД КФССР совершил несколько боевых ходок в тыл финских войск, в том числе и в спецгруппах легендарного разведчика Алексея Михайловича Орлова в оккупированный финнами Заонежский район [2: 18].

Полученный боевой опыт работы в тылу противника Александр Эрте с успехом использовал в мае – июне 1944 года, когда он в составе спецгруппы «Дублеры» (в нее также входила боец спецотряда НКВД КФССР Мария Котчиева, ставшая впоследствии женой и верной подругой Александра Петровича) был заброшен в оккупированный финнами Ведлозерский район республики [8: 152]. Почти два месяца группа поставляла разведбату Карельского фронта ценную информацию о финских подразделениях на территории Ведлозерского района. Однажды разведчики оказались на грани провала и лишь случайность спасла Александра Эрте и Марию Котчиеву от ареста финнов.

Жизнь и судьба сотрудника НКВД КФССР Александра Эрте, в том числе и его деятельность в годы Великой Отечественной войны, подробно освещается в книге ветерана МВД Карелии А. В. Печникова «Я – ингерманландец: о бойце спецподразделения НКВД Карело-Финской ССР Александре Петровиче Эрте» [8]. Автор книги выдвигает гипотезу, что у Александра Петро-

вича Эрте был второй дублер. В качестве ее подтверждения он ссылается на исследование финского военного историка Хельге Сеппяля «Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах» (журнал «Север». 1995. № 4, 5, 6), а также на информацию одной из архивно-справочных служб, которая выдала ему справку: «Эрте Александр Петрович, 1921 г. р., уроженец Ленинградской области, боец спецотряда НКВД КФССР с февраля 1943 года был пленен, возвратился из плена в июле 1944 года» [8: 143].

На основании этого Анатолий Печников выдвигает две версии:

«Первая – это не однофамильцы. Полные установочные данные бойца спецотряда НКВД КФССР А. П. Эрте могли стать кодом для другого разведчика. Это был дублер настоящего Эрте. Вторая – это был реальный человек – другой Эрте. Однако это сути не меняет. Бесспорно одно – дублер был» [8: 143].

Анализ фактического материала показывает несостоятельность аргументов А. В. Печникова. Во-первых, Хельге Сеппяля в своей работе, говоря о заброшенной разведгруппе в район Петрозаводска в июле 1943 года, не указывает имя и отчество Эрте. Документально установлено, что это был не разведчик НКВД Александр Петрович Эрте, а подпольщик Андрей Петрович Эртэ. Во-вторых, в выданной архивной справке допущены серьезные ошибки. Александр Петрович Эрте в плену не был и, тем более, не мог возвратиться из плена в июле 1944 года, когда еще шла война с Финляндией. В данном случае речь идет о двух разных людях: подпольщике Андрее Петровиче Эртэ и разведчике Александре Петровиче Эрте(э).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность подпольной группы Федора Тимоскайнена в тылу финских войск отражает суть подпольного движения на оккупированной территории Карелии. Подпольщики демонстрировали героизм и мужество в борьбе с серьезным противником, но и несли тяжелые потери. Член этой группы Андрей Эртэ испытал все сложности подпольной деятельности: тяжелая работа за линией фронта, арест и осуждение финским судом на пожизненное заключение, финский плен. После возвращения в СССР он был осужден уже советским судом за измену Родине на десять лет исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирован был только в 1960 году. Несмотря на все трудности, Андрей Эртэ проявил стойкость, преодолел все невзгоды судьбы, перешагнул несправедливость и обиды и остался патриотом своей Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Карелия (далее – Архив УФСБ России по РК). Ф. 8.2. Д. П – 10041. Уголовное дело Эртэ А. П. Л. 5 об., 6.
- ² Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 95.
- ³ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 18 об.
- ⁴ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 118 об., 119.
- ⁵ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 12.
- ⁶ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 12 об., 13.
- ⁷ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 33.
- ⁸ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 9–12.
- ⁹ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 13–13 об.
- ¹⁰ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 1, 1 об.
- ¹¹ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 14.
- ¹² Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 16.
- ¹³ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 17.
- ¹⁴ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 21.
- ¹⁵ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 31 об., 32.
- ¹⁶ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 57, 57 об.
- ¹⁷ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 57.
- ¹⁸ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 67, 68.
- ¹⁹ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 74.
- ²⁰ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 147.
- ²¹ Лейно Реймонд Александрович и Яухоя Павел Иванов на предварительном следствии выступили свидетелями по делу Эртэ.
- ²² «Ленинградское дело» – серия судебных процессов в СССР в конце 1940-х – начале 1950-х годов против партийных и государственных руководителей, в основном связанных с г. Ленинградом и ленинградскими областным и городским комитетами ВКП(б).
- ²³ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 79–80.
- ²⁴ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 89 об.
- ²⁵ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 98.
- ²⁶ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 118, 119.
- ²⁷ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 149.
- ²⁸ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 149, 150.
- ²⁹ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 102–112.
- ³⁰ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 151.
- ³¹ Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 154.
- ³² Архив УФСБ России по РК. Ф. 8.2. Д. П – 10041. Л. 156.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев С. С. Два Эртэ – подпольщик и разведчик (историографический обзор) // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: Материалы IX науч. конф., посвящ. 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (18–19 сентября 2025 г., Петрозаводск). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2026. С. 241–249.
2. Авдеев С. С. Деятельность советских спецслужб на Карельском фронте в тылу противника (1941–1944 гг.) // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы республиканской науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2001. С. 9–22.
3. Васильев Ю. А. Андропов на пути к власти. М.: Вече, 2018. 416 с.
4. Веригин С. Г. Противостояние: борьба советской контрразведки против финских спецслужб 1939–1944. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 279 с.
5. Данков М. Я – Андрей Эртэ // Север. 2021. № 9–10. С. 64–71.
6. Парфенов Ж. П., Ю. В. Андропов и Г. Н. Куприянов – кто руководил подпольем Карело-Финской ССР? // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 8. С. 112–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1117
7. Парфенов Ж. П. Деятельность спецшколы ЦК КП(б) КФССР в годы Великой Отечественной войны // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: Карелия в годы Второй мировой войны: на встречу 75-летней годовщине освобождения Карелии: Сб. докладов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию образования карельской государственности (7–8 июня 2019 г., Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. С. 181–186.
8. Печников А. В. Я – ингерманландец: о бойце спецподразделения НКВД Карело-Финской ССР Александре Петровиче Эрте. Петрозаводск: Периодика, 2020. 152 с.

Поступила в редакцию 12.01.2026; принята к публикации 09.02.2026

Original article

Sergei G. Verigin, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
verigin@petrsu.ru

FROM THE HISTORY OF KARELIAN UNDERGROUND: THE FATE OF ANDREI ERTE

Abstract. This article about Andrei Petrovich Erte, a member of the underground Petrozavodsk City Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic, is based on archival documents from the Archives of the Directorate of the Federal Security Service of Russia for the Republic of Karelia, many of which were declassified only in 2025 and introduced into scholarly circulation by the author for the first time. The main focus is on the infiltration of a group of underground fighters behind front lines, the arrest of Andrei Erte and his comrades by Finnish soldiers, the trial of the underground fighters, and their serving of sentences in Finnish prisons in occupied Karelia and in Finland during 1943 and 1944. The article examines the reasons why, after returning to his homeland in the fall of 1944, Andrei Erte was convicted by a Soviet court and served his sentence in the GULAG correctional labor camps of the NKVD of the USSR. Based on a thorough analysis of archival documents, the author substantiates the thesis that Yury Vladimirovich Andropov, First Secretary of the Central Committee of the Leninist Young Communist League of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War, played a decisive role in the rehabilitation of this underground activist in 1960 and the acquittal of treason charges against him. The article makes a significant contribution to the Russian historiography of domestic intelligence services during the Great Patriotic War.

Keywords: Andrei Erte, underground fighter, Great Patriotic War, Karelian Front, Soviet intelligence, Finnish counterintelligence

For citation: Verigin, S. G. From the history of Karelian underground: the fate of Andrei Erte. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):28–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1277

REFERENCES

1. Avdeev, S. S. Two Ertes – an underground fighter and an intelligence officer (historiographic review). *Historical Readings on Andropov Street, 5. The history of security agencies: Proceedings of the IX scientific conference dedicated to the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 (18–19 September 2025, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk, 2026. P. 241–249. (In Russ.)
2. Avdeev, S. S. Activities of Soviet special services on the Karelian Front in the enemy's rear (1941–1944). *Karelia in the Great Patriotic War of 1941–1945: Proceedings of the republican scientific and practical conference dedicated to the 55th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War*. Petrozavodsk, 2001. P. 9–22. (In Russ.)
3. Vasilyev, Yu. A. Andropov on his way to power. Moscow, 2018. 416 p. (In Russ.)
4. Verigin, S. G. Confrontation: the struggle of Soviet counterintelligence against Finnish special services, 1939–1944. Petrozavodsk, 2018. 279 p. (In Russ.)
5. Dankov, M. I. Andrei Erte. *Sever*. 2021;9-10:64–71. (In Russ.)
6. Parfenov, Zh. P. Who led the resistance movement in the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic – Yury Andropov or Gennady Kupriyanov? *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(8):112–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1117 (In Russ.)
7. Parfenov, Zh. P. The activities of the Special School of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War. *Karelia – a border region of Russia in the XX and XXI centuries: Karelia during World War II: approaching the 75th anniversary of the liberation of Karelia: Proceedings of the international scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the formation of Karelian statehood (7–8 June 2019, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk, 2020. P. 181–186. (In Russ.)
8. Pechnikov, A. V. I am an Ingrian: about Alexander Petrovich Erte, a member of the NKVD special unit of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic. Petrozavodsk, 2020. 152 p. (In Russ.)

Received: 12 January 2026; accepted: 9 February 2026

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА БАУЭР

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-6572-2758; taty-lis@yandex.ru

ПЕТРОЗАВОДСК В ПРОЕКТЕ «100 СИМВОЛОВ КАРЕЛИИ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА

А н н о т а ц и я . На основе выявления в материалах проекта «100 символов Карелии» устойчивых вербально-смысловых образований, соотносимых с карельской столицей, воссоздается образ Петрозаводска. Актуальность исследования связана с попыткой осмысления проблем, сопряженных с конструированием образа столицы Карелии в публичном пространстве и формированием локальной идентичности, что поможет выявить перспективные направления развития Петрозаводска. Город рассматривается как социокультурный конструкт, в создании которого участвуют не только СМИ, но и представители различных слоев регионального сообщества. Показано, что пространственная идентификация и репрезентация образа Петрозаводска заняли в проекте весьма достойное место. Образ города, транслируемый в проекте, можно охарактеризовать как конвенциональный. Он базируется на нескольких основных семиотических коллизиях и характеристиках, таких как «столица (центр края)» / «провинция», «город» / «деревня», «культура» / «природа»; северная сдержанность в архитектурных решениях, камерность, плотность коммуникативного поля, чистота, «европейскость», в частности финский «флер», и др. Отмечается, что образ города показан в проекте в динамике, и противопоставление образов города в прошлом и настоящем проходит прежде всего по линии «промышленный – культурный», а также «деревня – настоящий, современный город». В связи с задачей брендинга территории в проекте делается акцент на уникальных чертах города и его лидерстве в разных сферах. В выводах намечаются отдельные перспективы, связанные с конструированием притягательного имиджа Петрозаводска, способствующего развитию его туристического потенциала: акцент на карельский и севернорусский колорит, а также популяризация новых культурных пространств и «изнаночной стороны» города. В связи с логикой развития города важным представляется также продвижение Петрозаводска как научно-образовательного центра.

К л ю ч е в ы е с л о в а : городская антропология, образ города, Петрозаводск, локальная идентичность, брендинг территории

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бауэр Т. В. Петрозаводск в проекте «100 символов Карелии»: конструирование и репрезентация образа // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 38–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1278

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на несколько критическое отношение к понятию «пространственный поворот», имеющему скорее метафорическое значение, нельзя не согласиться с позицией исследователей, утверждающих, что в социогуманитарных науках начиная с 1970-х годов не только растет

количество публикаций, уделяющих внимание пространству при изучении различных социальных феноменов, но и меняются подходы к пониманию данной категории, в частности наблюдается сдвиг в сторону признания внутренней сложности пространства [5]. В фокусе внимания оказывается и связанное с пространством поня-

тие локальной идентичности, которое в рамках данной статьи трактуется вслед за А. Мюллером и М. Шаде как отношение к месту, чувство принадлежности к нему. Анализируя роль символов в формировании идентичности на примере немецкого города Бремен, авторы сосредотачиваются на функциональных аспектах идентичности, рассматривая ее как основу для брендинга территории [21]. Подобный практический подход представляется весьма уместным в отношении Петрозаводска как провинциального города, столицы региона, который в период работы над проектом «100 символов Карелии» входил в число депрессивных субъектов Российской Федерации, одной из основных болевых точек которого до сих пор является проблема депопуляции, в связи с чем город нуждается не только в продвижении среди внешних целевых групп, но и в дополнительных стимулах формирования локальной идентичности, выполняющей внутри сообщества интегрирующую, стабилизирующую и мотивационную функции.

Город рассматривается нами как социокультурный конструкт, в создании которого участвуют не только СМИ, но и представители различных слоев регионального сообщества, включая простых жителей. Идея о конструируемости места имеет длительную исследовательскую традицию, что демонстрирует, в частности, обзор работ, проведенный И. И. Митиным [16: 68–73]. В соответствии с данной традицией место и, в частности, город трактуется как «осмысленный и означенный участок пространства», конструируемый «посредством репрезентаций (образов, мифов, идентичностей)» [4: 35–36].

Особую значимость в контексте нашего исследования имеют также идеи Ю. М. Лотмана о полисемантической и противоречивости образа любого города, что обусловлено «семиотическ[им] полиглотизм[ом]», то есть смешением гетерогенных и разноустроенных текстов и кодов, состыковка которых порождает «разнообразные гибридизации, перекодировки и семиотические переводы», при этом «синхронное соположение разнородных семиотических образований» осложняется диахронной изменчивостью, и «прошлое <...> получает возможность соположаться с настоящим», находя отражение в планировке города, архитектуре, городской топонимике, обрядности и т. п. [14: 35–36]. С этими идеями перекликается и осмысление города как палимпсеста, то есть

«многослойной структуры, подчеркивающей существование множественных слоев (“реальностей”) в результате воздействия различных культур на культурный ландшафт» [15: 113],

что влечет за собой противоречивость образов и смыслов.

Несмотря на устойчивый интерес, демонстрируемый специалистами в отношении провинциальных городов как объектов изучения в рамках социогуманитарных наук, проблемы формирования городской идентичности, а также конструирования и репрезентации образов городов, расположенных на территории Республики Карелии, крайне редко оказывались в фокусе внимания исследователей. Счастливым исключением является статья И. А. Разумовой, посвященная реконструкции образа Петрозаводска на материалах литературных и устных текстов [17], а также работа коллектива исследователей Карельского научного центра РАН, предметом которой является идентичность жителей таких арктических моногородов, как Костомукша и Сегежа [9]. Стоит также отметить, что существуют многочисленные исследования образов северных городов арктической и субарктической зон за пределами Карелии [1], [2], [3], [6], [7], [8], [10], [11], [18], [19], [20] и др.

Целью нашего исследования является воссоздание образа Петрозаводска, представленного в проекте «100 символов Карелии». Для достижения данной цели в материалах проекта выявлялись устойчивые вербально-смысловые образования, соотносимые с образом карельской столицы. Лексемами-ориентирами, позволяющими выявить ключевые характеристики города в материалах проекта, являлись топонимы *Петрозаводск*, *Петровская слобода*, а также катойконим *петрозаводчане* и прилагательное *петрозаводский*.

Представляется, что осмысление проблем, связанных с конструированием и репрезентацией образа карельской столицы в публичном пространстве и формированием локальной идентичности, поможет понять логику развития города как сложной социокультурной системы, выявить перспективные направления этого развития и при необходимости пересмотреть некоторые положения, скорректировав их с учетом текущей ситуации. В перспективе важно также понимать, соответствует ли политика идентичности потребностям локального сообщества на современном этапе.

Переходя к характеристике источниковой базы исследования, стоит отметить, что инерция сакрального числа, символизирующего подведение итогов столетия, послужила стимулом к созданию ряда культурно-просветительских программ, одной из которых стал проект «100 символов Карелии», инициированный информационным агентством «Республика Карелия» в феврале 2019 года. Его результаты воплотились в репортажах, показанных на телеканале

«Сампо ТВ 360°», опубликованных на сайте «Республика» и на страницах общественно-политической газеты «Карелия», то есть проект предусматривал максимально возможный охват аудитории, прежде всего с ориентацией на региональное сообщество. Кроме того, данная инициатива предполагала активное участие в ней жителей республики, которых редакция привлекала к конструированию образа Карелии на этапе формирования перечня символов через обсуждение проекта в социальной сети «ВКонтакте». Примерные рамки этого перечня были заданы редакцией: «Люди, места, события, природа, кухня, традиции – всё, чем мы с вами гордимся, что мы ценим, что мы хотим сохранить. Всё, о чем, по вашему мнению, стоит рассказать»¹. Уже из данного списка понятно, что пространственная идентификация должна была занять в проекте весьма достойное место, что подтвердили результаты проведенного И. Г. Лиманом и Е. Н. Шестаковой исследования. Авторы на основе представленных в репортажах символов выделили 12 смысловых групп и определили, что «Места» по частоте упоминаний в списке символов оказываются на четвертом месте, наряду с «Видами деятельности» [13: 317–318].

* * *

Петрозаводск не становится в проекте предметом специального репортажа, что вполне понятно в силу широты подобной темы, однако он упоминается в подавляющем большинстве статей, и его образ воссоздается на материале ряда репортажей, посвященных прежде всего расположенным на его территории объектам, а также знаковым личностям, внесшим вклад в развитие города. По количеству упоминаний в сравнении с другими городами Карелии Петрозаводск занимает лидирующее положение, причем с большим отрывом.

Образ города, транслируемый в проекте, базируется на нескольких традиционных семиотических коллизиях, нашедших отражение в устных текстах и литературе, таких как «столица (центр края)» / «провинция», «город» / «деревня», «культура» / «природа» [17: 324]. Однако отдельные характеристики особым образом преломляются в рамках проекта и приобретают определенную специфику либо нивелируются. Представляет интерес, как и в связи с чем при формировании образа карельской столицы расставляются акценты в рамках проекта, с одной стороны, подводящего итоги столетия республики, а с другой – намечающего перспективы ее развития.

В проекте подчеркивается, что на протяжении трехсотлетней истории образ города меня-

ется и определяет его доминирующая сфера развития. Противопоставление в рамках оппозиции «прошлое – настоящее» проходит по линии «промышленный – культурный». Образ Петрозаводска XVIII века (изначально Петровской слободы), транслируемый в проекте, – это «место, где ковалась слава Российской империи». Данная метафора неслучайна: образ поселения в этот период представлен сквозь призму истории «дав[его] городу имя» Петровского (позднее Александровского) завода, специализировавшегося на выпуске пушек и снарядов – продукции, которая стала основой победы в Северной войне и последующих военных кампаниях: «На пушках Петровского завода стоит не то что слава Российской империи, а сама империя»; «Петрозаводск делал замечательные пушки, благодаря которым Россия побеждала».

Уникальность города, фиксируемая в лексеме «единственный», подчеркивается уже на уровне этимологии топонима: «Петрозаводск – единственный в России город, названный в честь Петра Первого».

Стоит отметить, что при описании образа города используется прием антропоморфизации, и в символической анатомии Петрозаводска завод / заводской молот выполняет функцию сердца, главного органа, задающего ритм городской жизни:

«...в XIX веке <...> двигателем жизни в городе был Александровский пушечный завод» – «...сердц[е] промышленного края²»; «...сердце Петрозаводска – заводской молот, отбивающий новый ритм жизни».

Промышленный статус города сохраняется и в советский период, а завод становится «одной из главных опор карельской экономики». Первостепенную важность данной сферы в одном из нереализованных проектов планировки центра послевоенного Петрозаводска предполагалось символически подчеркнуть за счет ориентации фасада Дома правительства – центрального здания, расположенного на пл. Кирова, «в сторону Зареки – района, который был самым перспективным для развития города». В проекте озвучиваются планы развития промышленного потенциала Петрозаводска. Так, возрождение былой славы Онежского завода связывается с инвестором из Беларуси, причем подчеркивается преимущество в сотрудничестве двух городов – Петрозаводска и Минска, из которого «так же, как 63 года назад <...> пришли оборудование, люди и технологии, позволившие создать один из крупнейших в мире тракторных заводов»³.

Именно наличие градообразующего предприятия изначально придавало городу особую зна-

чимость, нивелируя его провинциальность: «Благодаря заводу Екатерина считала Петрозаводск не просто провинциальным городишком, которым он в то время был, а настоящим городом». Кроме того, завод позиционируется как уникальное предприятие, где работали «сливки европейской металлургии».

Как отмечает И. А. Разумова,

«обычно провинциальный город избирает себе ориентир и образец в виде столичного или более крупного (нередко – иноземного) города. Для Петрозаводска таковым со дня основания являлся Петербург» [17: 328].

В проекте делается акцент на том, что изначальные параллели с будущей столицей России подчеркивались за счет архитектурных решений, что обеспечивало осмысление Петрозаводска как уменьшенной копии северной столицы, «маленьк[ого] Петербург[а] на берегах Онега»: более компактная фортеция становится «младш[им] брат[ом] Петропавловки», так как очертаниями напоминает крепость на Заячьем острове, деревянный собор Петрозаводска уподобляется первому деревянному храму Петербурга, а дворец Петра I строится «похожим на дом шведского сановника Конау, в котором в первые годы после основания Петербурга поселился Петр I». Все это автоматически повышало статус будущего города и края в целом, служило формой своеобразной компенсации: «...что есть в имперской столице, то есть и в провинции <...>. Это, конечно, повышает реноме – уже и не провинция у нас». Стоит отметить, что проекцию петербургского мифа на Петрозаводск Т. В. Клубкова и П. А. Клубков связывают с «административной умышленностью» города, то есть приданием поселению статуса города по воле правительства и в связи с административной надобностью [12: 26]. При этом экстраполяция монументальных столичных объектов, как и в целом строительство крупногабаритных зданий, за исключением правительственных, с учетом компактности Петрозаводска воспринимались как неуместные:

«Были и другие проекты, один из них предложил знаменитый Монферран, который в то время как раз соорудил Исаакиевский собор <...>. Но этот проект не прошел: посчитали, что для Петрозаводска такой храм будет слишком большим, дорогим и пышным»; «...даже в центральных районах Петрозаводска не следует создавать обширных площадей с застройкой крупными зданиями. Это было бы немасштабно для Петрозаводска. Лишь отдельные центральные правительственные и общественные здания своей монументальностью должны создавать достойную республиканской столицы представительность».

Подобные тексты призваны подчеркнуть свойственную северянам сдержанность в архитектурных решениях и такое качество Петрозаводска,

как камерность. Стоит отметить, что параллели с северной столицей в репортажах встречаются гораздо чаще, нежели с Москвой. Редким примером упоминаемой проекции московской архитектуры на «тело» нашего города является Святодуховский собор, построенный «по типовому проекту архитектора Константина Тона» и фактически являвшийся «уменьшенной копией московского храма Христа Спасителя». Кроме того, в архитектуре Петрозаводска воплощаются и античные идеалы. Так, аллюзией к античной архитектуре, по замыслу скульптора Сергея Коненкова, является здание Музыкального театра:

«...свою мечту я осуществил в Петрозаводске, работая над скульптурным оформлением здания республиканского музыкального театра. Не раз в эти дни я воскрешал в своей памяти безупречный афинский Парфенон как образец синтеза архитектуры и скульптуры».

Провинциальность города, как правило, приобретает в проекте позитивные коннотации либо воспринимается нейтрально, в то время как в литературных и особенно в устных текстах эта свойственная Петрозаводску черта может оцениваться в том числе и негативно, демонстрируя провинциальную точку зрения с акцентом на «скудость существования» [17: 329]. С опорой на устные тексты данная характеристика в проекте осмысливается в ироничном ключе:

«С середины 1970-х стало ухудшаться обеспечение мясо-молочными продуктами. Поезд Петрозаводск – Ленинград в народе начали называть “колбасным”: на нем ездили в Северную столицу за продуктами».

Имеет место и идеализация как самого города, так и жизни в республике в целом, представленная сквозь призму художественного творчества, то есть фокус внимания в проекте смещается с мотива «скудости существования» на мотив удовлетворенности жизнью:

«Уж и прекрасен же городок Петрозаводск / на красивом берегу озера Онега. / Люди в Карелии хорошо живут, / жизнью всегда довольны» (куплет из песни «Peetroskoi» карельской фолк-рок-группы «Myllärit», ставшей «...главным саундтреком конца двадцатого века в Карелии»).

При сопоставлении со столицей отсутствие широкого спектра рекреационных услуг компенсируется блестящими возможностями для реализации аффилиативных потребностей, в сравнении с которыми коммерциализированный досуг отстает на второй план: «Да, Петрозаводск – не Москва. Там – индустрия развлечений, здесь – роскошь человеческого общения». Хотя столичный статус города «подтачивают» его небольшие размеры («Петрозаводск – респу-

бликанский центр, но город он небольшой)), в сопутствующей противопоставлению столицы и провинции оппозиции «малый – большой» «малое» также осмысливается в позитивном ключе: «Всё маленькое, всё родное», причем именно компактность города обеспечивает плотность коммуникативного поля: «От своего дома на Первомайке до театра на Кирова я доходил за полчаса. <...> Пока идешь, всех встретишь, все новости узнаешь, всех на спектакль пригласишь».

Провинциальный город, возникший на месте мельницы и рыбацкой хижины, тих и немногочислен, его жизнь вообще может замедляться, особенно в определенные временные промежутки суточного цикла, в связи с чем в отношении его употребляется эпитет «сонный», в нем даже в послевоенные годы преобладают деревянные дома, дороги не асфальтированы, что в оппозиции «город – деревня» соотносимо с образом последней, кроме того, присутствуют и другие атрибуты деревенской жизни, в частности огороды, домашний скот: при Марке Пименове

«...губернск[ая] столиц[а] <...> была застроена в основном деревянными домами»; о послевоенном Петрозаводске: «Наш дом построили немецкие военнопленные, вокруг него были другие двухэтажные маленькие домики <...>. Вокруг домов – частные огороды. <...>. Здесь долгое время не было асфальта – настоящая деревня».

Присущие Петрозаводску «деревенские» характеристики часто отражают предполагаемую или реальную точку зрения людей, имевших опыт жизни в большом городе, и подразумевают контрастность восприятия:

«Представьте себе жизнь в Петрозаводске после блистательного Эдинбурга <...>. Да, город уже девять лет как губернская столица. Но... всего 3200 жителей. Сонный, заснеженный, домишки деревянные»; «Я приехал в этот город после окончания ГИТИСа в июле 1978 года. Вышел с раннего поезда – народу никого. Тишина, чистота, а внизу озеро блестит»; «Валентина Андриановна Трипецкая приехала в Петрозаводск по распределению из Ленинградского техникума пищевой промышленности в 1952 году. Молодого специалиста поразили деревянные здания и тротуары в столице республики. Старое здание завода тоже было деревянным».

При этом требованием властей, обеспечивающим своего рода доказательство городского статуса, было строительство каменных зданий в центре Петрозаводска, который описывается, как и в случае с заводом, с использованием антропоморфной метафоры в материально-физиологическом контексте. Так, на набережной, изначально воспринимаемой как

«сам[ая] глав[ая] улиц[а]», «строили самые красивые и основательные дома. Это было лицо города. В свое время власти просто не разрешали возводить здесь деревянные постройки – дома должны были быть

обязательно каменными»; «После войны новым озерным фасадом города стала улица Пушкинская <...>. Лицо города должны были украшать достойные здания Национальной библиотеки, филиала Академии наук, Дома физкультуры».

В последнем примере стоит обратить внимание на перечень объектов, призванных подчеркнуть культурную суть карельской столицы.

Примером удовлетворения потребности в повышении статуса Петрозаводска и республики в целом может служить также оформление центра города и строительство нового здания вокзала в послевоенные годы:

«Карело-Финской ССР, шестнадцатой сестре в хороводе союзных республик, было необходимо подтверждение статуса, в частности, в оформлении центра столицы и ее главных ворот. Старое деревянное здание вокзала на улице Шотмана, там, где сейчас конечная остановка троллейбуса № 6, построенное в стиле пролетарского классицизма, не соответствовало значению Петрозаводска».

В проекте подчеркиваются персональные заслуги в благоустройстве города и появлении на его карте важных городских объектов Марка Пименова, Эдварда Гюллинга, Ивана Сенькина и Дмитрия Масленникова, однако отмечается, что Петрозаводск обретает облик настоящей, столичного города, то есть становится современным, каменным и многоэтажным, при Павле Сепсякове. Благодаря ему появляются

«три десятка школ и больше сотни детсадов, тысячи домов и целая железная дорога»; «в районе Октябрьского проспекта, где люди выращивали картошку» строятся современные многоэтажки; при нем появляется «первый настоящий генплан», обеспечивавший планомерность застройки в течение двух десятков лет после его ухода. Кроме того, подчеркивается, что «многие идеи для благоустройства <...> Павел заимствовал в Европе, куда ездил с официальными визитами». Так, например, «в Германии Сепсякову понравились небольшие мостики, перекинутые в парке через реку. Скоро такие же появились в пойме Лососинки».

Стоит отметить, что для повышения статуса города в проекте неоднократно подчеркивается не только формальное положение Петрозаводска как республиканского центра, но и его лидерство в разных сферах:

«Первая железная дорога в России появилась именно в Петрозаводске – между цехами Александровского завода, при Чарльзе Гаскойне»; в 1999 году «в Петрозаводске проходит первый Фолк-марафон, организатором которого стали Myllärit. <...> На целое десятилетие Петрозаводск становится столицей фолка в стране»; «...Петрозаводск в последние годы (стал. – Т. В.) главным в России центром строительства исторических судов»; «В Петрозаводске по решению горисполкома <...> решили создать учебно-производственный комбинат (УПК) – один из первых в СССР» и др.

Несмотря на изначальное преобладание промышленного колорита, уже начиная с дореволюционного периода городу присущи такие характеристики, как «интеллигентность» и «культурность», ставшие в настоящем доминирующими:

«В царские времена в России проводилось исследование, и звание самого интеллигентного города получил Петрозаводск»; «...в небольшом городке, который столько раз пытались разжаловать из губернских, в зале дворянского собрания ставились пьесы, давались блестящие концерты» (см. также отдельные репортажи, посвященные Национальному и Музыкальному театрам).

В данном контексте можно упомянуть и об одной из целей визитов в карельскую столицу: «Многие в Петрозаводск приезжали за книгами. <...> Первым делом с поезда все бежали в магазин покупать книги, сумками их увозили».

Как в прошлом завод, являвшийся одной из важнейших точек на карте города, с которой, собственно, и связана урбанистическая тема, придавал ему промышленный колорит, так сегодня университет обеспечивает ему статус образовательного и научного центра, средоточия интеллигентности, экстраполируемой и на республику, точки притяжения студентов не только из разных регионов России – «от Калининграда до Чукотки», но из разных стран:

«Университет <...> дает нашему городу и республике в целом серьезное понимание того, что мы интеллигентная республика, интеллигентный город. <...> Петрозаводск – город, в котором много студентов, в котором высшее образование – не пустой звук, в котором наука продолжает существовать»; «Сейчас, мне видится, мы тоже можем претендовать на такого рода звание (звание самого интеллигентного города в России. – Т. Б.)».

При этом если завод уподоблялся сердцу города, то образ университета создается уже с помощью идейно-личностной антропоморфной метафоры: «Хочется сказать, что это сердце, но я скажу, что это ум нашей республики».

Как отмечает И. А. Разумова, изначально образу Петрозаводска была свойственна некоторая «холодность», связанная с обстоятельствами рождения города из завода и изначальным составом его населения, включающим прежде всего чиновничество и рабочих, что нашло отражение в литературных и устных текстах, зафиксировавших уважительно-холодное отношение к городу, исключаящее в некоторых случаях любовь [17: 327]. Что касается материалов проекта, то эта характеристика нивелируется, и образ города обретает притягательность прежде всего за счет располагающихся на его территории культурных объектов, вызывающих эмоционально теплое отношение: «...каждый из них (архитекторов и историков. – Т. Б.) признался,

что относится к этому месту (набережной Петрозаводска. – Т. Б.) с большой любовью».

Стоит отметить, что конструирование привлекательного для молодежи с точки зрения образовательных возможностей образа города и оценка университета как «стратегическ[ого] объект[а] Карелии» соответствует одной из задач проекта, обусловленной проблемой депопуляции региона, и задает тон развитию республики в будущем. Создание привлекательного имиджа карельской столицы за счет акцента на уникальные достопримечательности ориентировано прежде всего на туристов, поскольку развитие туристической отрасли расценивается авторами проекта как залог успешного развития города и республики в целом. Как справедливо отмечают И. Г. Лиман и Е. Н. Шестакова, в данном случае «происходит формирование даже не символов, а брендов Карелии», что в дальнейшем обеспечивает дополнительные коммерческие возможности их использования [13: 320].

Отмечаемая И. А. Разумовой наделенность Петрозаводска чертами природности [17: 324] находит концентрированное выражение в представлении о карельской столице как о городе у воды. Оно же является природной ландшафтной доминантой, и в проекте подчеркивается, что именно озеру Петрозаводск обязан своим существованием. Особое прибрежное расположение помещает город в узкую категории схожих по данному признаку объектов, что подчеркивает его своеобразие:

«Петрозаводск – один из немногих городов в России, “кучковавшийся” на нижней горизонтали, вдоль береговой полосы Онежского озера. <...>. Наш город не прирастал вверх и вглубь, а растягивался вдоль. За какие-нибудь 300 метров от берега Онежского озера начиналась настоящая тайга».

Открывавшаяся взгляду перспектива на озеро обеспечивала, с точки зрения авторов проекта, и особый образ мыслей: «...в районе набережной <...> люди работали, молились и наблюдали широкую гладь озера, приучаясь и на прочие вещи смотреть широко и свободно». Кроме того, расположение Петрозаводска у воды создавало у приезжих впечатление города-курорта: «Добрался до набережной, свернул направо. <...> И я себя чувствовал, как на курорте». Поскольку по мере своего разрастания город удалялся от воды, на момент создания проекта «тема приближения к воде» виделась как актуальная и перспективная и с архитектурной, и с экономической точки зрения. В этом были заинтересованы в том числе и зарубежные партнеры⁴. Кроме того, если говорить о колористике, то самым частотным цветом, связанным с образом Петрозавод-

ска, является зеленый, что также отсылает нас к его «природности».

Еще одна черта города, транслируемая в проекте и обеспечивающая Петрозаводску особый колорит, отличающий его от прочих периферийных городов, определяется изначальным влиянием на него Европы, близость которой оказывала воздействие на всю республику. Вообще, как отмечают исследователи, после проведения Екатериной Великой губернской реформы «каждый город становится для своей губернии <...> “окном в Европу”» [12: 27], и эта ориентация найдет впоследствии отражение в городском пространстве и в повседневной жизни петрозаводчан. Так, благодаря двуязычным вывескам и табличкам (на русском и финском языках), маркирующим объекты городского пространства, в том числе улицы и учреждения, в советский период Петрозаводск воспринимался гостями карельской столицы как «европейский город», выделявшийся на фоне «обычных городов русской глубинки». Вывески обеспечивали Петрозаводску статус «настоящей столиц[ы] национальной республики» и создавали эффект выезда за рубеж: «Мы-то к ним привыкли, а туристам казалось, что они приехали за границу». Сами по себе вывески презентуются как типичные для национальных регионов, таких как Эстония, Татарстан и Карелия, однако использование именно финского (а не карельского) языка являлось уникальной чертой города, обусловленной как отсутствием письменности на карельском языке и сложной диалектной ситуацией, так и финским влиянием в период становления государственности. Уже на этом этапе, согласно замыслам Э. Гюллинга, Петрозаводск должен был стать «витриной для западного мира», демонстрирующей превосходство советской экономической системы, то есть служить своего рода инструментом идеологической пропаганды.

Маркерами «европейскости», в частности «финск[ого] флера», обусловленного прежде всего влиянием финских иммигрантов, считались наряду с вывесками чистота, аккуратность, большое количество зеленых насаждений, воспитанность и вежливость жителей, следование правилам, вплоть до соблюдения правил дорожного движения:

«...это был чистый, зеленый, воспитанный, вежливый город»; «Туристы в советском Петрозаводске страшно удивлялись тому, что у нас люди не перебегают дорогу на красный свет, как это было заведено во многих других городах в 1960–70-х годах».

Стоит, однако, отметить, что данные характеристики упоминаются и безотносительно к финнам как проводникам культуры:

«При Сепсякове столица Карелии четыре раза получала переходящее Красное Знамя СССР за благоустройство: Петрозаводск четырежды признавался лучшим во всей стране – самым чистым городом огромного Союза».

Кроме того, финское влияние проявлялось в развитии спорта, театрального искусства, моды, в особенностях повседневной жизни города, в частности в досуговых и коммуникативных практиках: «Петрозаводск и рабочие поселки танцуют фокстрот и чарльстон, слушают джаз»; «В 1970–80-е годы финская речь звучала на улицах Петрозаводска».

Исчезновение двуязычных вывесок в 1990-е годы – одна из примет утраты «финск[ого] флера»: «Сейчас <...> “финский” Петрозаводск – это уходящая реальность, сопряженная с массовым отъездом финнов из Карелии и с процессами глобализации». Однако эта утрата не означает отказ от национального, а лишь смещение акцентов – с финского на карельский:

«Сейчас история делает очередной оборот, и вот уже речь идет о том, чтобы названия магазинов, учреждений и дорожные указатели изготавливать не только на русском, но и на карельском языках»; «Сейчас столица Карелии, мне кажется, должна обращаться к тому, что могло бы отличать ее от других городов. Пусть карельский стиль появлялся бы в городской скульптуре, в граффити, стрит-арте».

«Финскость» продолжает расцениваться как уникальная черта, но уже не в масштабах всего города, а как маркер конкретных объектов: «Вывеска (магазина на улице Дзержинского. – Т. В.) делает улицу уникальной». При этом реставрация подобных артефактов и возможный возврат Петрозаводску финского облика посредством вывесок расцениваются как «знак сохранения памяти и уважения к прежней городской культуре» и своего рода бонус гостям из Финляндии. Следует также отметить, что акцент на национальных особенностях в облике города, как финских, так и карельских, рассматривается как ресурс для развития в будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, образ Петрозаводска выстраивается в проекте в большей степени с опорой на традиционные характеристики, нашедшие отражение в устных текстах и в художественной литературе. Однако некоторые черты обусловлены велением времени и не столь устойчивы. И если транслируемые в проекте надежды на возврат визуализации на финском языке выглядят с учетом геополитической обстановки весьма утопично, то акцент на карельский и севернорусский колорит предстает как вполне уместный. Кроме того, для создания притягательного имиджа Петрозаводска, способствующего развитию

его туристического потенциала, что является одной из основных целей проекта, при конструировании образа города представляется достаточно перспективным сосредоточиться на популяризации новых культурных пространств, таких, например, как «Слюдариум», а также на изна-

ночной стороне города, презентуя гостям те объекты, которые в экскурсионных программах обычно подаются под рубрикой «Неизвестный Петрозаводск». В связи с логикой развития города важным является также продвижение Петрозаводска как научно-образовательного центра.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее (если не указано иное) цитируются материалы проекта: 100 символов Карелии // Республика: информационно-аналитический портал Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rk.karelia.ru/category/special-projects/100-simvolov-karelii/> (дата обращения 26.11.2025).
- ² В данном случае имеет место гиперболизация статуса Карелии в XIX веке как промышленного края, поскольку в тот период его можно охарактеризовать скорее как аграрно-промысловый. Стоит отметить, что такая «плавающая» локализация завода как сердца то в «теле» города, то в «теле» края в рамках проекта призвана подчеркнуть и в случае с региональной привязкой как бы расширить роль предприятия, однако в других интернет-источниках завод практически всегда выступает как сердце Петрозаводска. В одном из материалов информагентства «Республика» за рамками данного проекта Онежский завод со ссылкой на одноименные очерки К. Паустовского называется сердцем города: «Индустриальный город, чьё сердце воплотилось в заводе – таким Петрозаводск предстал перед советским читателем» (Бутенева Д. Онежский завод Константина Паустовского // Республика: информационно-аналитический портал Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rk.karelia.ru/promo/onezhskij-zavod-konstantina-paustovskogo/> (дата обращения 26.11.2025)). Метафора сердца, вложенная в уста старого инженера, мечтавшего о реконструкции завода в период индустриализации, действительно встречается в произведении: «Несколько лет завод был на шаг от гибели. Мы превратились в фельдшеро́в. Он умирал, и все наши силы были направлены к тому, чтобы не дать остановиться сердцу», однако здесь прием антропоморфизации работает не в отношении города, а применительно к заводу, притом что планы инженера относительно будущего предприятия, если судить по первому очерку в этой серии, были гораздо амбициознее и связывались с жизнью республики и даже страны (Паустовский К. Г. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Пьесы, очерки, статьи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://traumlibrary.ru/book/paustovskiy-ss06-06/paustovskiy-ss06-06.html#s002001004> (дата обращения 26.11.2025)).
- ³ Здесь стоит отметить, что через три недели после выпуска репортажа белорусский холдинг «Амкодор», специализирующийся на производстве дорожно-строительной и лесозаготовительной техники, начал свою работу на второй площадке Онежского тракторного завода («Амкодор» обещает собрать первую лесозаготовительную машину в Петрозаводске уже в мае // Республика: информационно-аналитический портал Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rk.karelia.ru/social/amkodor-obeshhaet-sobrat-pervuyu-lesozagotovitelnuyu-mashinu-v-petrozavodske-uzhe-v-mae/> (дата обращения 26.11.2025)). Причем интересно (хотя это и отмечается за рамками проекта, в том числе и после выхода репортажей), что на современном этапе «промышленное» сердце города вступает в конкуренцию с «культурным», поскольку площадки завода становятся своего рода арт-пространством (см., например, Михайлова А. Сердце города: музей недавней истории появится в Петрозаводске этим летом // Республика: информационно-аналитический портал Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rk.karelia.ru/social/culture/serdtse-goroda-muzej-vedavnej-istorii-rojavitsya-v-petrozavodske-etim-letom/> (дата обращения 26.11.2025); Гриневич А. «Заводь. Искусство на заводе»: в Петрозаводске пройдет экспериментальный фестиваль, соединяющий и производство, и его интерпретацию в культуре // Республика: информационно-аналитический портал Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rk.karelia.ru/social/culture/zavod-iskusstvo-na-zavode-v-petrozavodske-projdet-eksperimentalnyj-festival-soedinyayushhij-i-proizvodstvo-i-ego-interpretatsiyu-v-kulture/> (дата обращения 26.11.2025) и др.). Возможно, авторы проекта не сосредотачивают внимание на этой тенденции в силу того, что подобная перспектива развития карельской столицы вызывает неоднозначную общественную реакцию, поскольку утрата Петрозаводском промышленного статуса делает его будущее в глазах горожан достаточно неопределенным.
- ⁴ Сейчас данная идея создания комфортной среды реализована, в частности, в жилом комплексе «Талоярви».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдрашитова М. О. Особенности репрезентации образа Томска как фрагмента субкультурной картины мира горожанина в современном фольклорном дискурсе // Вестник науки Сибири. 2015. № 1 (16). С. 46–54.
2. Алисов Д. А., Гефнер О. В., Золотова Т. Н., Хилько Н. Ф. Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма. М., 2019. 98 с.
3. Антропология города. Вып. 2. Северный город: культурное пространство и идентичность в арктических и субарктических городах / Под ред. Ю. П. Шабаева, И. Л. Жеребцова, М. А. Омарова. М.; Сыктывкар, 2020. 218 с.
4. Бабурина Е. А., Митин И. И., Михайлов А. А., Хазиахметова Д. Д. В поисках локальной идентичности Басманного района Москвы: от неуловимого к множественному // Городские исследования и практики. 2024. Т. 9, № 1. С. 34–54. DOI: 10.17323/usp91202434-54

5. Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Клиценко М. В., Ламашева Ю. А., Лебедева М. М., Леонтьева Э. О., Малкова Н. Ю., Украинский В. Н., Ярулин И. Ф., Ячин С. Е. «Пространственный поворот» и его интерпретация в российской науке и институциональной практике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 46–59. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-2/46-59
6. Бодрова О. А. «С потрясающим видом на озеро, горы и город»: к вопросу о нейминге и территориальном брендинге // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 4. С. 52–60. DOI: 10.37614/2949-1185.2023.2.4.004
7. Волосникова Е. А. Северный город: жизнедеятельность социальных общностей. Екатеринбург, 2010. 244 с.
8. Давыдова А. С. Сакральное и профанное в пространстве арктических городов // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9, № 11-15. С. 24–32.
9. Джиошвили Э. А., Кривоноженко А. Ф., Литвин Ю. В., Яловицына С. Э. Историко-культурные традиции и идентичность жителей моногородов «Карельской Арктики»: Сегежа и Костомукша // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 7–25. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/7-25
10. Дранникова Н. В., Разумова И. А. Образ Архангельска в современном фольклоре // Живая старина. 2011. № 1. С. 34–37.
11. Змеева О. В. Оленегорск в истории и памяти жителей // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. Т. 2, № 9. С. 5–18.
12. Клубкова Т. В., Клубков П. А. Русский провинциальный город и стереотипы провинциальности // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000. С. 20–30.
13. Лиман И. Г., Шестакова Е. Н. Проект «100 символов Карелии» // Альманах североевропейских и балтийских исследований: Международный научный электронный журнал. 2021. Вып. 6. С. 316–322. DOI: 10.15393/j103.art.2021.1821 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1821&ysclid=mlgj19ха6с469164731> (дата обращения 26.11.2025).
14. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту, 1984. С. 30–45.
15. Митин И. И. Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. Т. 49, № 1. С. 108–125. DOI: 10.31249/chel/2022.01.06
16. Митин И. И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. 2011. № 1. С. 62–73.
17. Разумова И. А. «...Как близко от Петербурга, но как далеко»: Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX вв. // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000. С. 324–334.
18. Разумова И. А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. Социально-антропологические очерки. СПб., 2009. 160 с.
19. Стась И. Н. Сургут: образы и пространства «нефтяного города» // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 1. С. 18–27.
20. Шаббаев Ю. П., Поляков Ю. В., Шарапов В. Э. Символические пространства современного российского северного города в контексте городской антропологии // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 124–166.
21. Mueller A., Schade M. Symbols and place identity: A semiotic approach to internal place branding – case study Bremen (Germany) // Journal of Place Management and Development. 2012. Vol. 5, № 1. P. 81–92. DOI: 10.1108/17538331211209068

Поступила в редакцию 28.11.2025; принята к публикации 16.01.2026

Original article

Tatiana V. Bauer, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-6572-2758; taty-lis@yandex.ru

PETROZAVODSK IN THE PROJECT “100 SYMBOLS OF KARELIA”: IMAGE CONSTRUCTION AND REPRESENTATION

Abstract. The article aims to identify stable verbal-semantic formations associated with the Karelian capital in the materials of the project “100 Symbols of Karelia” in order to recreate the image of the city of Petrozavodsk. The relevance of the study stems from an attempt to understand the problems associated with constructing the image of the capital of Karelia in public space and the formation of a local identity, which will help identify promising areas for the development of Petrozavodsk. The city is viewed as a sociocultural construct created not only by the media but also by representatives of various segments of the regional community. Spatial identification and representation of the image of Petrozavodsk is shown to occupy a prominent place in the project. The image of the city conveyed through the project can be characterized as conventional. It is based on several key semiotic collisions and characteristics, such as “capital (regional center) / province”, “city / village”, “culture / nature”; as well as northern restraint in architectural solutions,

intimacy, density of the communicative field, purity, “Europeanness”, in particular, the Finnish “flare”, etc. It is noted that in the project the image of the city is shown in its dynamics, and the contrast between the images of the city in the past and in the present is primarily built along the vectors of “industrial – cultural”, as well as “village – real modern city”. In connection with the task of territory branding, the project emphasizes the unique features of the city and its leading role in various fields. The conclusions outline specific prospects for developing an attractive image for Petrozavodsk, contributing to the development of its tourism potential, with an emphasis on Karelian and northern Russian flavors, as well as the popularization of new cultural spaces and the city’s “underside”. The logic of the city’s development also suggests the importance of promoting the image of Petrozavodsk as a scientific and educational center.

Key words: urban anthropology, city image, Petrozavodsk, local identity, territorial branding

Acknowledgements. The research was funded from the federal budget as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Bauer, T. V. Petrozavodsk in the project “100 Symbols of Karelia”: image construction and representation. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):38–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1278

REFERENCES

1. Abdrashitova, M. O. Features of the representation of the image of Tomsk as a fragment of the subcultural world picture of a city dweller in modern folklore discourse. *Vestnik nauki Sibiri*. 2015;1(16):46–54. (In Russ.)
2. Alisov, D. A., Gefner, O. V., Zolotova, T. N., Khilko, N. F. Cultural landscapes of a Soviet city: Siberian cities of late socialism. Moscow, 2019. 98 p. (In Russ.)
3. Anthropology of the city. Issue 2. Northern city: cultural space and identity in Arctic and Subarctic cities. (Yu. P. Shabayev, I. L. Zherebtsov, M. A. Omarov, Eds.). Moscow; Syktyvkar, 2020. 218 p. (In Russ.)
4. Baburina, E. A., Mitin, I. I., Mikhaylov, A. A., Khaziakhmetova, D. D. In search of local identity of Basmany District in Moscow: from the elusive towards the multiple. *Urban Studies and Practices*. 2024;9(1):34–54. DOI: 10.17323/usp91202434-54 (In Russ.)
5. Blyakher, L. E., Dem’yanenko, A. N., Kireev, A. A., Klitsenko, M. V., Lamasheva, Yu. A., Lebedeva, M. M., Leont’eva, E. O., Malkova, N. Yu., Ukrainskij, V. N., Yarul’lin, I. F., Yachin, S. E. “Spatial turn” and its interpretation in Russian science and institutional practice. *Oikumena. Regional Researches*. 2021;2:46–59. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-2/46-59 (In Russ.)
6. Bodrova, O. A. “Great views of lake, mountains and town”: on the naming and territorial branding. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*. 2023;2(4):52–60. DOI: 10.37614/2949-1185.2023.2.4.004 (In Russ.)
7. Volosnikova, E. A. Northern city: life of social communities. Ekaterinburg, 2010. 244 p. (In Russ.)
8. Davydova, A. S. Sacral and the profane elements in the space of Arctic towns. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS*. 2018;9(11-15):24–32. (In Russ.)
9. Dzhioshvili, E. A., Krivonozhenko, A. F., Litvin, Yu. V., Yalovitsyna, S. E. Cultural traditions and identity of single industry towns’ residents in the “Karelian Arctic”: Segezha and Kostomuksha. *Herald of Anthropology*. 2023;3:7–25. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/7-25 (In Russ.)
10. Drannikova, N. V., Razumova, I. A. The image of Arkhangelsk in modern folklore. *Zhivaya starina*. 2011;1:34–37. (In Russ.)
11. Zmeeva, O. V. The town Olenegorsk in history and memory. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS*. 2012;2(9):5–18. (In Russ.)
12. Klubkova, T. V., Klubkov, P. A. The Russian provincial town and stereotypes of provinciality. *Russian province: myth – text – reality*. Moscow; St. Petersburg, 2000. P. 20–30. (In Russ.)
13. Liman, I. G., Shestakova, E. N. The project “100 Symbols of Karelia”. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2021;6:316–322. DOI: 10.15393/j103.art.2021.1821. Available at: <https://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=1821&ysclid=mlgj19xa6c469164731> (accessed 26.11.2025). (In Russ.)
14. Lotman, Yu. M. The symbolism of Saint Petersburg and the problems of the city’s semiotics. *Works on sign systems*. Issue 18. Tartu, 1984. P. 30–45. (In Russ.)
15. Mitin, I. I. City as palimpsest: from a metaphor within historical geography towards a semiotic model of place management. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2022;49(1):108–125. DOI: 10.31249/chel/2022.01.06 (In Russ.)
16. Mitin, I. I. Towards imaginary geography: two turns, three spaces. *Topos*. 2011;1:62–73. (In Russ.)
17. Razumova, I. A. “...How close to Saint Petersburg, but how far”: Petrozavodsk in literary and oral texts of the XIX and XX centuries. *Russian province: myth – text – reality*. Moscow; St. Petersburg, 2000. P. 324–334. (In Russ.)
18. Razumova, I. A. Cultural landscapes of the Kola North: cities near the “Big Water” and the Khibiny. Social and anthropological essays. St. Petersburg, 2009. 160 p. (In Russ.)
19. Stas’, I. N. Surgut: images and spaces of the “oil city”. *Kul’turnaya i gumanitarnaya geografiya*. 2013;2(1):18–27. (In Russ.)
20. Shabaev, Yu. P., Poliakov, Yu. V., Sharapov, V. E. Symbolic spaces of a modern Russian northern city in the context of urban anthropology. *Human. Culture. Education*. 2021;4:124–166. (In Russ.)
21. Mueller, A., Schade, M. Symbols and place identity: A semiotic approach to internal place branding – case study Bremen (Germany). *Journal of Place Management and Development*. 2012;5(1):81–92. DOI: 10.1108/17538331211209068

Received: 28 November 2025; accepted: 16 January 2026

ВЯЧЕСЛАВ ОЛЕГОВИЧ ТЕРЕНТЬЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, политологии и социологии
Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2567-5560; terehv@mail.ru

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СТЫКЕ ОПЕРАТИВНЫХ ГРУПП ЦВЕТАЕВА И АНТОНЮКА НА ОЛОНЕЦКО-ПЕТРОЗАВОДСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В 1941 ГОДУ

А н н о т а ц и я . Проанализированы малоизвестные события, которые имели место на стыке двух оперативных соединений 7-й армии РККА в августе – сентябре 1941 года и привели к прорыву финских войск на Олонецком направлении, последующему отходу советских войск к реке Свирь и, наконец, к падению Петрозаводска. Исследований, посвященных этим событиям, не существует, поскольку как советская, так и российская историография опиралась (и в значительной степени опирается до сих пор) на документы стратегического и фронтового, реже – армейского уровня, а источники такого рода не дают полноценной картины событий, о которых идет речь. Настоящее исследование выполнено на базе архивных документов, с одной стороны, соединений и частей РККА из Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), а с другой – финских войск из Национального архива Финляндии (Kansallisarkisto). В результате анализа выявлены этапы концентрации войск и атак 17-й пехотной дивизии Финляндии на участке Гушкала – Нинисельга северо-восточнее Сяндебы, где шли упорные бои финских войск с ленинградскими ополченцами. Командование 7-й армии недооценило важность этого направления; в результате участок медленно насыщался слабыми отрядами РККА. Тем не менее их героическое сопротивление долгое время сдерживало превосходящие силы противника, заставляя финнов перебрасывать все новые войска для организации прорыва. Действия кронштадтских моряков и ленинградских ополченцев на три недели задержали наступление VI армейского корпуса Финляндии. Только 3–5 сентября 1941 года финские войска при подавляющем превосходстве прорвали оборону Красной армии на участке Торосозеро – Коткозеро, перерезали рокаду Олонец – Петрозаводск и вышли в тыл опергруппе Цветаева, что в свою очередь привело к крушению обороны и отходу советских войск к Свири. Проведенное исследование приоткрыло одну из неизвестных страниц военной истории Карелии, которая между тем была важной причиной поражения Красной армии на Олонецком направлении.

Ключевые слова: Вторая мировая война, СССР, Финляндия, Советско-финляндская война, Карелия, морская пехота, 7-я армия, 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения

Для цитирования: Терентьев В. О. Боевые действия на стыке оперативных групп Цветаева и Антонюка на Олонецко-Петрозаводском направлении в 1941 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1279

ВВЕДЕНИЕ

Боевые действия в Карелии летом – осенью 1941 года характеризуются последовательным введением финнами полноценных соединений, особенно на стыках советских группировок, и энергичным маневрированием моторизованными боевыми группами при поддержке крупных сил артиллерии. В свою очередь оборона РККА была построена на прикрытии важных оперативных магистралей небольшими сборными отрядами, зачастую не имеющими общего командования. Не имея разведанных,

артиллерийского и авиационного прикрытия, боевого и тылового обеспечения, без организованного управления и взаимодействия, эти небольшие группы и отряды сдерживали превосходящие силы противника, тормозя упорное методичное продвижение финских войск.

Важной магистралью взаимодействия Петрозаводской оперативной группы генерал-лейтенанта М. А. Антонюка и Южной оперативной группы генерал-лейтенанта В. Д. Цветаева было шоссе Лодейное Поле – Олонец – Петрозаводск. В случае его перехвата войска 7-й армии генерал-

лейтенанта Ф. Д. Гореленко оказались бы расчленены на две части, резко упали бы возможности по снабжению действующих опергрупп и управление ими. Диверсионные группы финнов численностью в 10–30 человек еще в конце июля пытались выйти к шоссе, но были перехвачены бойцами местных истребительных батальонов и разгромлены [4: 86–87].

В ходе ожесточенных августовских боев 1941 года под Сяндебой 3-й Ленинградской дивизией народного ополчения (ЛДНО) были остановлены основные силы 5-й пехотной дивизии (ПД) финнов, предназначенные для флангового обхода группы Цветаева и захвата Олонца. Командование VI финского армейского корпуса из-за ощутимых потерь и упорных атак советских войск отказалось от дальнейшего проведения операции. Практически на месяц финское продвижение на Подпорожье и Петрозаводск было задержано [5]. В этот период финны начинают прощупывать участок стыка между Петрозаводской и Южной опергруппами. Выдвижение передовых отрядов происходило на направлении Гушкала – Торосозеро. На это направление началась переброска частей полнокровной 17-й финской ПД с артиллерией усиления общей численностью до 20 тысяч человек. Особенностью этой дивизии было то, что 2/3 ее состава было укомплектовано шведскими добровольцами или шведскоязычными финнами из приморских регионов, а также то, что 61-й пехотный полк являлся частью ВМС Финляндии для десантных операций.

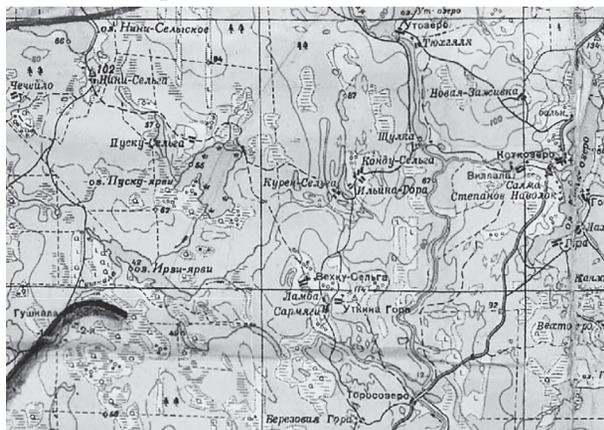

Рис. 1. Фрагмент топографической карты 1941 года района боевых действий. Из сети Интернет (свободный доступ)

Figure 1. Fragment of a 1941 topographic map of the combat zone (collage based on the Internet materials)

Каких-либо резервов для воспрепятствования этим планам у командующего 7-й армией РККА не было. В распоряжении Ф. Д. Гореленко был один из комплектовывающихся морских батальонов

из 3-й бригады моряков КБФ (МБР). Сама бригада с середины июля вела бои в составе группы Цветаева, а 4-й (Кронштадтский) батальон с 26 июля и до середины августа находился в состоянии формирования в Лудейном Поле. По уровню подготовки и дисциплины в бригаде его называли «дисциплинарным», поскольку он состоял из кронштадтских резервистов, арестантов морских гауптвахт и провинившихся бойцов из других батальонов. 10 августа пулеметная рота и все 50-мм минометы 4-го батальона по решению комбрига были переданы в передовые боевые батальоны. 17 августа батальон численностью около 500 человек был переформирован в трехротный и перешел в непосредственное подчинение командующего 7-й армией¹. Батальонном командовал участник Гражданской войны капитан П. А. Спиридонов [1]. Комиссаром батальона был старший политрук В. Е. Приставко.

К этому времени боевая группа Хагельберга (13-й пехотный полк, 19-й легкий батальон с дивизионом 8-го тяжелого артполка) из 17-й финской ПД уже вступила в бой с частями опергруппы Антонюка в районе Тигвери и Сорочьей Горы. Для предотвращения проникновения финских войск на тридцатикилометровом пространстве между 272-й стрелковой дивизией (СД) опергруппы Антонюка и 3-й ЛДНО опергруппы Цветаева 13 августа Пуску-Сельга (здесь и далее сложные топонимы даны по топографическим картам РККА 1941 года) была занята вооруженным отрядом 12-го отдельного дорожно-строительного батальона ГУСШОСДОРа НКВД (укомплектован заключенными из Московского региона, приговоренными к исправительно-трудовым работам без содержания под стражей, и местными жителями). До подхода основных сил 17-й ПД коммуникации группы Хагельберга охраняла рота 22-го пехотного полка с приданной батареей 8-го артполка. К утру 18 августа финны сформировали три батальонные группы: на основе 2-го батальона 13-го пехотного полка (II/JR.13²), усиленного саперами, противотанковой артиллерией, а также батареей 122-мм трофейных гаубиц 8-го артполка в Нини-Сельге; на основе 19-го легкого батальона (Kev.Os.19 – группа Лескинена) с приданной 39-й артбатареей в лагере на северо-западном берегу оз. Ирзи-ярви; на основе 3-го батальона 61-го пехотного полка (III/JR.61), усиленного саперами и противотанковой артиллерией, а также батареей 84-мм английских пушек 8-го артполка в Гушкале³. Так, против 200 плохо вооруженных стройбатовцев финны развернули группировку из 3,5 тысячи отлично подготовленных и мотивированных бойцов при поддержке 22 стволов артиллерии, включая три тяжелых гаубицы.

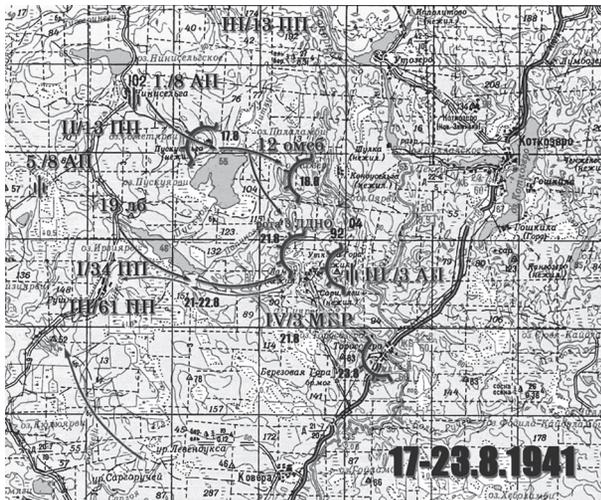

Рис. 2. Карта боевых действий 17–23 августа 1941 года.
Авторская работа на основе советской
топографической карты 1985 года

Figure 2. Map of the fighting on 17–23 August 1941
(drawn by the author based on a 1985 Soviet topographic map)

18 августа разведка стройбата обнаружила выдвигающуюся из Нини-Сельги на Пуску-Сельгу группу II/JR.13. Около суток 12-й ОДСБ вел бой за Пуску-Сельгу, после чего в ночь на 19 августа отошел за оз. Ретча. До 23 августа на участке Курен-Сельга – Ильина Гора строители сдерживали атаки II/JR.13⁴. Вдоль оз. Ирзи-ярви на Сармяги выступила группа Лескинена. На следующий день батальон Спиридонова получил распоряжение Цветаева на ликвидацию финского отряда в районе озера Ирзи-ярви⁵. 20 августа батальон на автомобилях прибыл в Сармяги. Ему на усиление были направлены пять броневых автомобилей, две противотанковые пушки и 3-й артдивизион 3-й ЛДНО (шесть 76-мм горных пушек обр. 1909) [7].

В 6:00 21 августа 4-й морской батальон был выдвинут в район Гушкалы 3-я (оз. Ирзи-ярви). В 10:00 батальон из Сармяги достиг реки и озера Су-ярви. Разведгруппа (усиленный взвод) достигла озера Ирзи-ярви у высоты 52,4, где вступила в бой с финнами. В 13:00 к северному берегу озера для обхода противника была выдвинута усиленная рота⁶. Авангард 4-го батальона в районе южного побережья оз. Ирзи-ярви атаковал группу Лескинена, окружил и уничтожил до 100 финских солдат и захватил в бою одного пленного, 90 велосипедов, восемь автомашин, четыре пулемета, 60 винтовок и миномет⁷. Капитан Лескинен был тяжело ранен, а его группа отброшена за р. Гушкала и отошла к дороге на Нини-Сельгу. Авангард морского батальона преследовал противника почти до шоссе. На помощь Кев. Ос.19 были ускоренно выдвинуты два батальона III/JR.61 и I/JR.34. Попытка дальнейшего про-

движения моряков натолкнулась на упорное сопротивление противника⁸. В Вехку-Сельгу на помощь стройбату прибыла рота ополченцев.

На следующий день утром на моряков обрушился огонь трех артиллерийских батарей, три усиленных финских батальона контратаковали кронштадтцев⁹. Авангард моряков отошел к высоте 52,4, где развернулся весь батальон. Здесь, отбив несколько контратак, батальон вновь перешел в наступление по западному берегу оз. Ирзи-ярви. Передовая рота во главе с комбатом прорвалась в тыл противника (высота 41,7), где была отсечена артиллерией и превосходящими силами финнов. По наступающему батальону финны открыли артиллерийский огонь, применив тяжелую дальнбойную артиллерию. Потери моряков достигли 50 человек убитыми и ранеными. Командир батальона капитан П. А. Спиридонов погиб¹⁰. В 12:00 финны тремя батальонами при поддержке артиллерии перешли в контрнаступление. Лишившись командования, 4-й морской батальон стал отходить, под влиянием панических настроений большая масса моряков вернулась в Сармяги. Здесь батальон погрузился на автомашины и ушел в район Торосозера, где занялся подготовкой оборонительного рубежа. В командование батальоном вступил заместитель командира батальона старший лейтенант А. И. Смирнов. Небольшая группа кронштадтцев сутки сражалась в районе высоты 52,4, задержав наступление превосходящих финских войск и создав видимость присутствия всего батальона¹¹.

В помощь морякам из Левендуксы на Гушкалу выступил разведотряд 3-й ЛДНО. В районе Гушкалы с финской группой III/JR.61 произошел бой, в ходе которого разведотряд вынужден был отойти в район Левендуксы [3].

24 августа для исправления ситуации с морским батальоном и обеспечения стыка с опергруппой Антонюка в район Шулка – Конду-Сельга – Сармяги был направлен резерв Южной группы – истребительный батальон капитана НКГБ Н. А. Алмазова. Днем моряки по приказу Цветаева были возвращены в Сармяги. Вместе с батальоном Алмазова они провели разведку боем в направлении Гушкалы (сводная рота 4-го батальона) и Пуску-Сельга (рота батальона Алмазова при поддержке 3-го артдивизиона (АДН)). В ходе разведки моряки были контратакованы финскими группами I/JR.34 с фронта и III/JR.61 с фланга и отошли в направлении Сармяги. Вечером боевая группа I/JR.34 при поддержке тяжелых орудий и нескольких танков из бронероты атаковала Уткину Гору, но была отбита моряками. В ходе боев на дороге Гушкала – Сармяги погиб командир 3-го АДН техник-интендант 2-го ранга П. Т. Борисов.

Рис. 4. Карта боевых действий 3–5 сентября 1941 года.
Авторская работа на основе советской топографической карты 1985 года

Figure 4. Map of the fighting on 17–23 September 1941
(drawn by the author based on a 1985 Soviet topographic map)

Перксало превосходящими силами при поддержке всей артиллерии Раурамо атаковала позиции ополченцев и овладела Ильиной Горой и Конду-Сельгой. Финский батальон вышел к Шулке. Сюда был срочно переброшен последний резерв группы Антониюка – 359-й разведбат 272-й СД. После отхода ополченцев к Уткиной Горе финны с двух направлений атаковали позиции моряков и ополченцев. В первой половине дня группа Перксало неоднократно штурмовала позиции советского отряда, смогла овладеть Вехку-Сельгой и Уткиной Горой, но в Сармягах все атаки были отбиты. Потеряв несколько танков, финны отошли в район Уткиной Горы. Во второй половине дня в районе Сармяги финны ввели в бой Кев.Ос.19. Батальон III/JR.34 по лесу обошел позиции советских войск и вышел на дорогу Олонек – Петрозаводск в районе развилки дорог южнее Торосозера. 2-й батальон ополченцев при поддержке двух броневых автомобилей в ходе контратаки отбросил финнов на 1,5 километра западнее, к Березовой Горе, где занял оборону и отразил несколько атак противника. В это время оказавшийся в полуокружении 4-й батальон моряков и 3-й артдивизион в ходе атаки трех батальонов финнов вынуждены были оставить Сармяги и отойти к Березовой Горе и Торосозеру. Так, к исходу 4 сентября на стыке опергрупп Цветаева и Антониюка сложилась угрожающая ситуация и исправить ее было нечем. Боеприпасы закончились. Командиры вышли из строя. В 4-м батальоне осталось 40 человек¹⁷.

Весь день 5 сентября моряки и ополченцы вели упорные бои за Березовую Гору и Торосозеро, сдерживая превосходящие силы группы Перк-

сало. К вечеру финны овладели Торосозером¹⁸. Остатки батальона моряков отошли за Олонку, а артдивизион прорвался в Березовую Гору. В тыл ополченцам вышел по шоссе свежий батальон II/JR.13, и Березовая Гора оказалась в окружении. Финнами была объявлена охота на «неуловимую легкую батарею». Несколько легких и разведывательных отрядов получили задачу на ее поиск и уничтожение, все орудия финской группировки готовились открыть огонь по данным финских разведчиков. В ходе отчаянного маневрирования при столкновении с врагом дивизиону удалось сохранить всю матчасть, хотя финские снайперы и пулеметчики нанесли большие потери расчетам. В качестве ответного удара 3-й АДН шрапнелью и последними осколочно-фугасными снарядами буквально в упор уничтожил засаду финнов в районе Березовой Горы, позволив выйти из окружения батальону ополченцев [2]. Несмотря на принятые меры, в ходе боя с превосходящими силами противника ополченцы оставили село и отошли на 1,5 км южнее, за Олонку. Врагу удалось прорваться к шоссе Олонек – Петрозаводск, перерезать коммуникации Южной и Петрозаводской групп и выйти к Коткозеру, где в бой с финнами вступила 3-я рота разведбата 272-й СД.

Рис. 5. Фрагмент оригинальной карты боевых действий.
ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 122

Figure 5. Fragment of the original combat map
(CAMD RF, F. 340, Op. 5372, D. 122)

С 6 сентября отряд РККА, прикрывавший стык опергрупп Цветаева и Антониюка, фактически перестал существовать. Остатки ополченцев под ударами превосходящих сил финнов влились в состав родной 3-й ЛДНО и после выхода из окружения сражались на юго-западных подступах к Петрозаводску в составе 49-й стрелковой дивизии генерал-майора Ф. П. Судакова [6]. Моряки двумя группами долго выходили из окружения по лесам, участвовали в боях на Кировской железной дороге и на реке Свирь [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из главных причин поражения советских войск в южной Карелии стала недооценка командованием участка взаимодействия оперативных групп 7-й армии и рокадного шоссе Олонец – Петрозаводск. Мобильность и высокая маневренность финских соединений способствовали быстрой концентрации крупных сил на слабых участках обороны РККА. Таким участком стал стык флангов опергрупп Цветаева и Антонюка. Прикрывая его отдельными слабыми отрядами, советское командование не смогло обеспечить защиту от превосходящих сил финнов. Важную роль в успехе группы Перксало сыграло значительное преимущество в артиллерии и ее мобильности. Кроме того, командование 7-й армии не создало здесь единого руководства войсками, не организовало его боевого и тылового обеспечения, не воспользовалось недельной передышкой для укрепления участка, умалчива-

ло нарастающую проблему концентрации войск противника и усиления боев в ежедневных докладах и донесениях штабам фронта и направления.

Героизм и самоотверженное сопротивление небольших отрядов моряков, артиллеристов и ополченцев позволили на три недели задержать наступление превосходящих ударных сил противника. За 22–26 августа VI финский корпус понес потери 790 человек только убитыми¹⁹. С учетом того что в этот период самые активные бои шли именно у оз. Ирзи-ярви, можно говорить, что именно ленинградцы и кронштадтцы нанесли врагу наиболее тяжелые потери (до 2 тыс. человек убитыми и ранеными). Краснофлотцы 4-го батальона 3-й МБР, артиллеристы 3-го АДН и ополченцы 2-го батальона 2-го полка 3-й ЛДНО с честью выполнили свой долг, несмотря на ошибки и просчеты командования 7-й армии РККА.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦАМО РФ. Ф. 1767. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–16.
- ² По финским обозначениям: II/JR.13 – 2-й батальон 13-го пехотного полка, I/KTR.8 – 1-й дивизион 8-го артиллерийского полка, а Кев.Ос.19 – 19-й легкий отряд (аналог разведывательного батальона).
- ³ Kansallisarkisto: Sotapäiväkirjat (kokoelma) / Arkisto: Sotapäiväkirjat-kokoelma – Sarjat / Sarja: Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat / Sotapäiväkirjat: 6238 17 Divisioonan esikunta. Operatiivinen osasto 17.6.1941 – 24.12.1941. Т. 17.
- ⁴ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 356. Л. 1; Kansallisarkisto: 6238 17 Divisioonan esikunta. Tykistokomentaja. Т. 150.
- ⁵ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 251. Л. 350–351.
- ⁶ ЦАМО РФ. Ф. 1767. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–25.
- ⁷ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 251. Л. 350–351.
- ⁸ ЦАМО РФ. Ф. 1767. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–25; Kansallisarkisto: 6238 17 Divisioonan esikunta. Operatiivinen osasto 17.6.1941 – 24.12.1941. Т. 18–19.
- ⁹ Kansallisarkisto: 4592 VI Armeijakunnan esikunta. Operatiivinen osasto. 17.8.1941 – 3.9.1941. Т. 68, 74; Kansallisarkisto: 6238 17 Divisioonan esikunta. Operatiivinen osasto 17.6.1941 – 24.12.1941. Т. 19–20.
- ¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 1767. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–25.
- ¹¹ Kansallisarkisto: 4592 VI Armeijakunnan esikunta. Operatiivinen osasto. 17.8.1941 – 3.9.1941. Т. 77, 80, 94.
- ¹² Kansallisarkisto: 4592 VI Armeijakunnan esikunta. Operatiivinen osasto. 17.8.1941 – 3.9.1941. Т. 115.
- ¹³ ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 64. Л. 43.
- ¹⁴ Там же. Л. 109.
- ¹⁵ Kansallisarkisto: 4592 VI Armeijakunnan esikunta. Operatiivinen osasto. Т. 235–238; 5460 5. Divisioonan esikunta. Osasto 2. Т. 58–63.
- ¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 36. Л. 11.
- ¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 64. Л. 160.
- ¹⁸ Kansallisarkisto: 4592 VI Armeijakunnan esikunta. Operatiivinen osasto. Т. 235–238
- ¹⁹ Kansallisarkisto: 4592 VI Armeijakunnan esikunta. Operatiivinen osasto. 17.8.1941 – 3.9.1941. Т. 150.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Е. П., Лукин Г. Г. Боевые действия 3-й ОБРМП и 3-й ДНО в южной Карелии. Июль – август 1941 г. // Новые исторические перспективы. 2020. № 1 (18). С. 5–14.
2. Богданов Д. В., Терентьев В. О. Из истории боевых действий 3-го арtpолка 3-й ЛДНО // ХLI неделя науки СПбГПУ: Материалы междунар. науч.-практ. конф. 3–8 декабря 2012 года. Ч. XXI. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2012. С. 16–21.
3. Дубаренко К. А., Терентьев В. О., Панов Р. А. 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения (Фрунзенского района). 49-я стрелковая дивизия РККА (2-го формирования, с 24.09.1941): Историческая хроника боевого пути, тактический обзор боевых действий. СПб.: Полторак, 2011. 84 с.
4. Карелия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1975. 452 с.
5. Панов Р. А., Терентьев В. О. Третья Ленинградская дивизия народного ополчения в битве за Ленинград // Клио. 2012. № 8 (68). С. 102–104.
6. Терентьев В. О. 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения генерала Судакова в обороне Петрозаводска // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: Карелия в годы Второй миро-

вой войны: навстречу 75-летней годовщине освобождения Карелии: Сб. докл. междунар. науч.-практ. конф (7–8 июня 2019 г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. С. 78–84.

7. Терентьев В. О. Артиллерия Южной группы генерала В. Д. Цветаева при обороне Олонца // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 87–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1011
8. Терентьев В. О. Стабилизация фронта на Свирском направлении в октябре 1941 года: фактор ленинградских ополченцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 69–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.854

Поступила в редакцию 10.11.2025; принята к публикации 16.01.2026

Original article

Vyacheslav O. Terentev, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2567-5560; terehv@mail.ru

COMBAT OPERATIONS AT THE JUNCTION OF THE OPERATIONAL GROUPS OF TSVETAEV AND ANTONYUK IN THE OLONETS-PETROZAVODSK AREA IN 1941

Abstract. The article analyzes little-known events that took place at the junction of two operational formations of the 7th Army of the RKKA in August–September 1941 and led to a series of consequences, including the breakthrough of the Finnish troops in the Olonets direction, the subsequent withdrawal of the Soviet troops to the Svir River and, finally, the fall of Petrozavodsk. No previous research of these events has been conducted due to the fact that both Soviet and Russian historiographies have historically relied on sources covering strategic and operational levels (and less frequently, the army level), and through such kind of sources the events in question are not visible. This study is based on archival documents from two primary sources: the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMD RF), which contains materials related to the Red Army formations and units, and the National Archives of Finland (Kansallisarkisto), which holds Finnish military records. The analysis of the historical evidence resulted in revealing of the stages of concentration of troops and attacks of the 17th Infantry Division of Finland in the Gushkala – Niniselga sector to the North-East of Syandeba, where the Finnish troops fought hard with the Leningrad militia. The command of the 7th Army underestimated the importance of that direction. Consequently, the area was only slowly saturated with weak Red Army detachments. However, their heroic resistance held back the superior enemy forces and made the Finns transfer more and more troops to organize a breakthrough. The actions of the Kronshadt sailors and the Leningrad militia delayed the offensive of the VI Army Corps of Finland for three weeks. On 3–5 September 1941, the Finnish troops with deciding superiority broke through the Red Army's defenses in the Torosozero – Kotkozero sector and cut the Olonets – Petrozavodsk combat belt road. Thus they gained the rear of Tsvetaev's Operational Group, which led to the collapse of the defensive line and to the withdrawal of the Soviet troops to the Svir River. The research conducted by the author of the article revealed one of the pages of the military history of Karelia which, however little-known, proved to be an important reason for the defeat of the Red Army in the Olonets direction.

Key words: World War II, USSR, Finland, Soviet-Finnish War, Karelia, Marine Corps, 7th Army, 3rd Leningrad Division of the People's Militia

For citation: Terentev, V. O. Combat operations at the junction of the operational groups of Tsvetaev and Antonyuk in the Olonets-Petrozavodsk area in 1941. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1279

REFERENCES

1. Abramov, E. P., Lukin, G. G. Combat operations of the 3rd Separate Marine Brigade and the 3rd Division of People's Militia in South Karelia. July – August 1941. *Novyye istoricheskiye perspektivy*. 2020;1(18):5–14. (In Russ.)
2. Bogdanov, D. V., Terentev, V. O. From the history of the combat operation of the 3rd Artillery Regiment of the 3rd LDNO. *The XLI Science Week of St. Petersburg State Polytechnic University: Proceedings of the international scientific and practical conference, 3–8 December 2012*. Part XXI. St. Petersburg, 2012. P. 16–21. (In Russ.)
3. Dubarenko, K. A., Terentev, V. O., Panov, R. A. The 3rd Leningrad Division of the People's Militia (Frunzensky District). The 49th Rifle Division of the Red Army (2nd formation, since 24 September 1941): Historical chronicle of the combat path, tactical review of the fighting. St. Petersburg, 2011. 84 p. (In Russ.)
4. Karelia during the Great Patriotic War. 1941–1945: Documents and materials. Petrozavodsk, 1975. 452 p. (In Russ.)
5. Panov, R. A., Terentev, V. O. The Third Leningrad Division of the People's Volunteer Corps in the battle for Leningrad. *Klio*. 2012;8(68):102–104. (In Russ.)
6. Terentev, V. O. The Third Leningrad Division of the People's Militia of General Sudakov in the defense of Petrozavodsk. *Karelia – a border region of Russia in the XX–XXI centuries: Karelia during the Second World War: approaching the 75th anniversary of the liberation of Karelia: Proceedings of the international research and practice conference (7–8 June 2019, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk, 2019. P. 78–84. (In Russ.)
7. Terentev, V. O. The artillery of General V. D. Tsvetayev's Southern Group in the defense of Olonets. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):87–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1011 (In Russ.)
8. Terentev, V. O. The role of the Leningrad militia in the stabilization of the Svir sector of the Soviet-Finnish front in October 1941. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):69–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.854 (In Russ.)

Received: 10 November 2025; accepted: 16 January 2026

ЕКАТЕРИНА АНАТОЛЬЕВНА ТЕРЕНТЬЕВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков Института истории Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2254-858X; e.a.terenteva@spbu.ru

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЙ КОНФЛИКТ И ИСКЛЮЧЕНИЕ СССР ИЗ ЛИГИ НАЦИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1939 ГОДА

А н н о т а ц и я . Советско-финляндский конфликт 1939–1940 годов обострил и яснее обозначил уже существовавшие тенденции освещения советской международной политики, а исключение СССР из Лиги Наций дополнительно усилило интерес СМИ к СССР и Финляндии, породив новый виток осуждения советской политики и позиции. В то же время в современной науке отсутствуют исследования освещения французскими периодическими изданиями этих событий. Цель настоящей статьи – анализ реакции французской прессы на исключение СССР из Лиги Наций в декабре 1939 года, а также динамики публикаций, посвященных советско-финляндскому конфликту, в предшествующие и последующие месяцы. Исследование построено преимущественно на анализе оцифрованного массива франкоязычных периодических изданий, размещенных на портале «Retronews.fr», созданном Французской национальной библиотекой. Исключение СССР из Лиги Наций стало поводом для усиления риторики, связанной с изображением СССР как агрессора, питающего захватнические намерения в отношении европейских стран, с одной стороны, и Финляндии как маленькой героической страны, готовой отстаивать свою свободу, – с другой. Представитель Финляндии в Лиге Наций Р. Холсти стал символом этого события, причем анализ иллюстративного материала демонстрирует имплицитное акцентирование поддержки Финляндии со стороны лидеров Лиги Наций – Великобритании и Франции. Статья вносит вклад в исследование истории развития французской периодической печати в период Второй мировой войны, а также в сферу имагологии, показывая особенности изображения противоборствующих сторон в периодической печати. Проведенное исследование демонстрирует стабильность ряда клише в изображении СССР и характеристиках его политики в истории европейской (и шире – западной) журналистики, которые не утратили актуальности уже в отношении России в постбиполярную эпоху. Результаты работы могут быть использованы не только историками, но и политологами, журналистами и специалистами по международным отношениям.

К л ю ч е в ы е с л о в а : имагология, Вторая мировая война, французская пресса, история журналистики, анти-советская пропаганда, Лига Наций, Зимняя война

Д л я ц и т и р о в а н и я : Терентьева Е. А. Советско-финляндский конфликт и исключение СССР из Лиги Наций во французской периодической печати 1939 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 55–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1280

ВВЕДЕНИЕ

Особенности освещения событий, связанных с СССР, во французской прессе первой половины прошлого столетия остаются практически не изученной темой в современной исторической науке, как зарубежной, так и отечественной. Между тем исследования в области истории европейской журналистики демонстрируют стабильность целого ряда клише, касающихся внешнеполитических целей и международной политики СССР, сформировавшихся в европейской прессе в межвоенные десятилетия и сохраняв-

шихся в период Второй мировой войны. Многие из них активно использовались и при выстраивании образа России в медийном дискурсе глобального Запада уже в постбиполярную эпоху. Особенно любопытный в этом смысле материал дают публикации, посвященные советско-финляндскому конфликту 1939–1940 годов и исключению СССР из Лиги Наций, поводом для которого стало начало Зимней войны и объявление СССР агрессором.

В настоящей статье проанализированы материалы более ста центральных и региональ-

ных периодических изданий Франции за период с октября по декабрь 1939 года, что позволило выявить не только особенности освещения указанных событий, но и динамику публикаций, им посвященных, в осенние и зимние месяцы 1939–1940 годов. Речь идет только о тех органах печати, которые публиковали материалы, связанные с советско-финляндским конфликтом и исключением СССР из Лиги Наций. Использовался массив оцифрованных изданий, размещенных на ресурсе «Retronews» (www.retronews.fr), созданном в 2012 году Французской национальной библиотекой и содержащем наиболее полную из существующих коллекций газет и журналов, которая постоянно пополняется. Использование оцифрованных копий газет и журналов позволило применять количественные и статистические методы исследования, а также контент-анализ и иные методы анализа текстов.

* * *

Как известно, начало Советско-финляндской войны стало причиной исключения СССР из Лиги Наций, которое состоялось 14 декабря 1939 года на XX сессии ее Ассамблеи в Женеве, спустя пять с небольшим лет после вступления СССР в эту организацию [1], [2], [3], [4]. На телеграфный запрос генерального секретаря Лиги Наций Жозефа Аvenoля 4 декабря 1939 года Наркоминделом был дан ответ, согласно которому СССР не находился в состоянии войны с Финляндией, так как 2 декабря был заключен договор о взаимопомощи и дружбе с правительством Финляндской Демократической Республики, а предыдущее правительство Финляндии считалось утратившим свои полномочия¹.

14 декабря 1939 года на XX сессии Ассамблеи Лиги Наций был принят проект резолюции (разработанный «комитетом тринадцати» по финляндскому вопросу) об исключении СССР из Лиги Наций за «действия, направленные против Финляндского государства», то есть развязывание войны с Финляндией. Из сорока государств – членов Лиги Наций «за» проголосовали двадцать восемь (из них пять британских доминионов и две французские подмандатные территории), из четырнадцати членов Совета – семь: Великобритания, Франция, Бельгия, Доминиканская Республика, Боливия, Египет и Южно-Африканский Союз (последние три члена были избраны в Совет за сутки до голосования); из оставшихся четыре воздержались (Греция, Югославия, Китай, Финляндия), а трое отсутствовали (Перу, Иран и СССР – в соответствии с заявлением, что в случае созыва Совета и Ассамблеи для рассмотрения обращения постпреда

Финляндии в ЛН Э. Р. Холсти² советские представители в них участвовать не будут [5]).

Конечно, это событие привлекло внимание прессы по всему миру. Финляндия до осени 1939 года находилась вне сферы интересов французской прессы, упоминания о ней были ситуативными и нерегулярными, если не сказать эпизодическими, но в любом случае – краткими [8]. Советско-финляндский конфликт 1939–1940 годов вызвал взрывообразный всплеск интереса к региону в целом и Финляндии в частности, разумеется, в контексте взаимоотношений «красного великана» и «маленькой героической страны» [9]. С самого начала оценка этого противостояния была крайне эмоциональной.

Это был период «странной войны», когда французские СМИ еще были единообразны и лишь номинально разделялись на группы в соответствии со спектром политических либо религиозных взглядов [12]. На специфику освещения международных событий, особенно связанных сначала с Советской Россией, а затем с СССР, это влияния не оказывало – все французские газеты и журналы выказывали единодушие в оценке происходящего на востоке Европы. В 1930-е годы можно смело говорить об антисоветской истерии, включая панические статьи об агрессивных планах СССР и красном натиске на Европу, как о постоянной тенденции в публикациях более подробных, чем рубрика коммюнике [7], [10], [11].

Еще за октябрь – ноябрь 1939 года французские газеты сформировали образ СССР как агрессора, обходясь в основном общими словами о бесперспективности переговоров, о жесткой позиции Москвы и готовности финнов, с одной стороны, принять «две трети» ее требований³, а с другой – единодушно защищать свою независимость⁴ [8]. В передовицах газет «Бургонь Републикен» (*La Bourgogne Républicaine*) и «Уэст-Эклер» (*L'Ouest-Éclair*) за 5–6 ноября 1939 года речь шла о близящемся разрыве между СССР и Финляндией, о сосредоточении советских войск на границе, о том, что независимость финляндского народа под угрозой. «Финляндия против красного великана» была любимой метафорой французских СМИ в этот период, которая повторялась неоднократно. Как это обычно происходило, когда начинался всплеск интереса к малоизвестному для большинства читателей региону мира, такие публикации сопровождалась картами-схемами региона.

Однако именно в последние дни ноября и в декабре 1939 года во французской периодике произошел настоящий «финляндский бум», который повторится только в феврале 1940 года в связи

с прорывом линии Маннергейма [6], [8]. С этого момента началось систематическое приравнение политики СССР и нацистской Германии, а также фигур Сталина и Гитлера – пока только в форме текстов. Позднее, сразу после исключения СССР из Лиги Наций, эта тема нашла отражение в богатой карикатурной традиции, вообще характерной для французской прессы этого времени⁵ (рис. 1). Одновременно получила развитие уже затрагивавшаяся ранее тема «предательства кремлевским правительством своего народа» в результате «сговора с гитлеровской Германией»⁶ и высказывалась мысль о том, что скандинавские страны находятся под двойной угрозой – советской и гитлеровской⁷. Наконец, известный едкими политическими карикатурами «Же сюи парту» (Je suis partout) 15 декабря, как только стало известно об исключении СССР из Лиги, мгновенно отреагировал помещением рисунка Сталина и Гитлера на фоне карт Польши, Финляндии и Румынии с соответствующим диалогом: «Не забудем французский фронт! – Не бойся, Адольф, у меня есть люди во Франции»⁸ (рис. 2). Это был очередной экспромт на тему германо-советского союза и европейских захватнических устремлений СССР, которая также станет одним из лейтмотивов в освещении советско-финляндского конфликта (а потом и в эпоху Великой Отечественной войны) [7], [8], [9], [10], [11].

5 декабря 1939 года газеты заговорили об участии Лиги Наций в попытках урегулирования советско-финляндского конфликта,

сообщая о событиях, произошедших накануне, 4 декабря (речь шла о запросе Аvenoля). Однако это не было вынесено на первые страницы, тем более в передовицы⁹. В этот момент, несмотря на то что общая антисоветская тенденция уже сложилась, описания ситуации в Лиге Наций оставались относительно сдержанными. Наиболее эмоциональным было использование оборота «СССР осмеливается утверждать, что в Финляндии есть только одно правительство – то, что в его распоряжении». Там же сообщалось, что министр иностранных дел Аргентины телеграфировал в Лигу Наций с запросом об исключении из нее СССР¹⁰.

Затем наступил довольно длительный перерыв в публикациях на эту тему, который завершился в начале второй декады декабря. Пик сообщений о событиях, связанных с Лигой Наций в контексте советско-финляндского конфликта, пришелся на период со среды, 13, по воскресенье, 17 декабря, отчасти продолжившись до следующей среды, 20 декабря. И именно это определяет взлет упоминаний Лиги Наций в декабре за весь период осени 1939 – весны 1940 года.

13 декабря все центральные и основные региональные газеты буквально взорвались броскими заголовками и опубликовали даже не по одной, а по несколько статей, включая передовицы, посвященные событиям в Женеве как отражению ситуации на севере Европы, а также позициям сторон. Накануне сессии Ассамблеи французские СМИ акцентировали внимание на отказе

Рис. 1. Карикатура из газеты «Пти паризьен» от 14 декабря 1939 года. «У гангстеров»

Figure 1. Political caricature “At the gangsters” from *Le Petit Parisien*, 14 December 1939

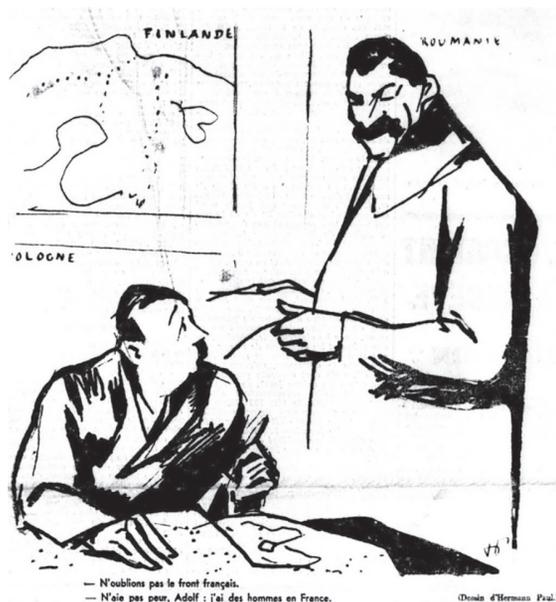

Рис. 2. Карикатура из газеты «Же сюи парту» от 15 декабря 1939 года (рисунок Э. Поля)

Figure 2. Political caricature from *Je suis partout*, 15 December 1939 (by H. Paul)

СССР от переговоров: «Москва отвергает мирное предложение Лиги Наций»¹¹; «Россия отвечает “нет” Лиге Наций <...> Возможное исключение СССР»¹², – и задавались вопросом, «исключит ли Лига Наций СССР?»¹³ Сообщалось о том, что комитет Ассамблеи Лиги Наций должен был собраться вечером 12 декабря для обсуждения юридических последствий нарушения СССР границ Финляндии. Кроме того, напоминалось о поддержке, высказываемой по отношению к Финляндии другими странами – от Италии и Дании до США¹⁴.

Однако, помимо повторной публикации уже знакомых французскому читателю заявлений, в этот момент газеты начали подчеркнута драматизировать события. Так, «Уэст-Эклер» написала об «изгнании СССР из Женевы», хотя в тексте статьи под этим заголовком речь шла только о приглашении, которое Молотов отверг, ссылаясь на ответ СССР на обращение Аvenoля от 4 декабря¹⁵. Одновременно возобновились публикации разрушенных бомбардировками домов с неизменным указанием на мирных жителей, женщин и детей (рис. 3)¹⁶. В этот же момент, помимо корреспондентов, активизировались газетные аналитики и одновременно начались спекуляции относительно целей СССР, в числе которых называется желание СССР «отрезать Финляндию от Швеции»¹⁷ (впрочем, через неделю появятся еще более яркие утверждения).

14 декабря сообщалось о выдвинутом накануне требовании Аргентины исключить СССР из Лиги Наций, более-менее подробно описывалось обсуждение вопроса и предложение, выдвинутое Уругваем¹⁸. Газеты пестрили традиционными тезисами о суровом осуждении СССР и требованиях Аргентины и Уругвая, причем СССР назывался агрессором: «Женева судит агрессора»¹⁹, в заголовках – «исключение СССР из Лиги Наций»²⁰. Звучали призывы «материально помочь Финляндии»²¹. Подчеркивался отказ СССР от переговоров и прекращения огня²² и его противопоставление мировому сообществу: «Своей агрессией против Финляндии СССР бросил вызов всему миру»²³. Говорилось о «сталинском милитаризме»²⁴, о союзе между СССР и гитлеровской Германией: «...поведение СССР подчеркивает формирование германо-советской оси»²⁵. Более того, проводились параллели между политикой в отношении Финляндии Сталина и императорской России: «Сталин – наследник царей или Маркса? – Для финнов это одно и то же»²⁶. В статье речь шла о стремлении советского лидера присоединить Финляндию, как это было сделано во времена императорской России.

Рис. 3. Фотография из газеты «Уэст-Эклер» от 13 декабря 1939 года. «Дом в Хельсинки, разрушенный бомбой, сброшенной с советского самолета»

Figure 3. Photo “A house in Helsinki destroyed by a bomb dropped from a Soviet plane” from *L'Ouest-Eclair*, 13 December 1939

14 и особенно 15 декабря возросло количество иллюстративного материала к статьям на эту тему. Публикации, связанные с исключением СССР из Лиги Наций, реже сопровождались фотографиями, чем публикации о военных действиях в Финляндии. Однако риторика их была вполне выразительной и продолжала логику предшествующих публикаций: «...вчерашний русский ответ не вызвал в Женеве никакого удивления»²⁷.

14–15 декабря лицом публикаций о мнении международной общественности и деятельности Лиги Наций стал Рудольф Холсти, представитель Финляндии в Лиге Наций. Его рисовали, перепечатавались фотографии Холсти, произносящего речь перед Ассамблеей²⁸. Популярным решением была публикация изображений Холсти на одной или соседних фотографиях с лидерами Лиги Наций, прежде всего представителями Великобритании и Франции. Так, «Фигаро» (*Le Figaro*) разместила совместную фотографию делегата Великобритании Р. Батлера и финляндского Р. Холсти²⁹, появились фотографии вестибюля здания Лиги Наций³⁰ и зала заседаний, непременно с Холсти в кадре³¹.

В этот же момент можно говорить о некотором увеличении скорости публикации новостей:

обыкновенно они печатались на следующий день после события, но в течение дня 14 декабря оперативность публикаций увеличилась – печатались новости, переданные корреспондентами по телефону, с обещанием, что к вечеру решение об исключении СССР будет принято: «Сегодня ассамблея Лиги Наций утвердит исключение Советов»³², «...теперь это точно: сегодня СССР будет осужден в Женеве»³³. Разумеется, речь идет только о центральных и крупных изданиях. Некоторые газеты и 14 декабря еще публиковали сообщения со вчерашними новостями такого же содержания³⁴.

Настоящий бум произошел в СМИ 15 декабря: все крупные и даже мелкие региональные издания (более двадцати) с воодушевлением откликнулись на сообщение об исключении СССР из Лиги Наций³⁵. «СССР изгнан из Наций»³⁶ – этот тезис стал лейтмотивом всех сколько-нибудь заметных изданий. Более того, свершившийся факт послужил поводом для прогнозов на будущее: начались робкие рассуждения, означало ли это разрыв дипломатических отношений между Москвой и державами, присутствовавшими на Ассамблее³⁷. Однако заголовки этих дней были менее эмоциональны, хотя и размещались на первой полосе крупным шрифтом.

Интересно, что новость об исключении СССР из Лиги Наций в некоторых случаях шла в паре с призывом борьбы с «внутренними предателями»³⁸ во Франции. Журналисты саркастически рассуждали на тему определения агрессора, предложенного в свое время Литвиновым и послужившего основой для вынесения решения на Ассамблее. «Кто такой агрессор? – По определению Литвинова, Молотов», – саркастически усмеялась «Овр» (*L'Œvre*)³⁹.

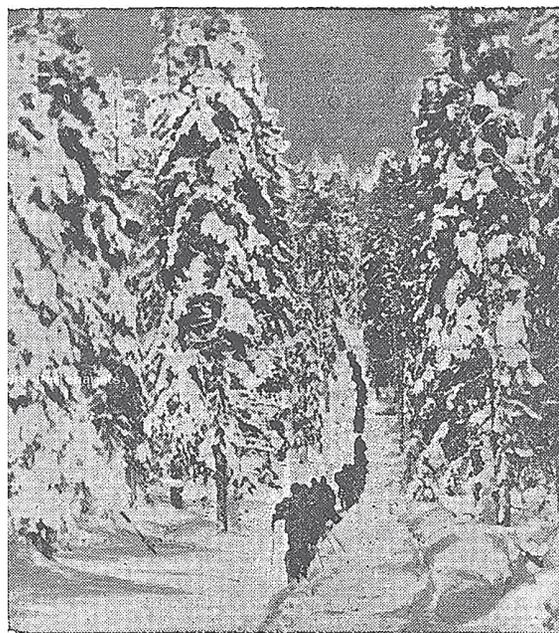
При очевидной эмоциональной окрашенности новости, однако, излагались без очевидного искажения или умалчивания. Так, указывалось, что четыре государства воздержались при голосовании, однако не были упомянуты ни отсутствие трех членов Совета, ни другие особенности состава голосовавших. Зато были сделаны неожиданные и тенденциозные выводы и комментарии, самым ярким из которых стало заявление «Курьер де Саон-е-Луар» (*Le Courrier de Saône-et-Loire*): «Голосование прошло единодушно, позиция воздержавшихся Греции, Югославии, Китая и Финляндии рассматривается как одобрение»⁴⁰. С сообщениями и подробными аналитическими статьями выступили и многие другие газеты⁴¹, причем некоторые из них критически отзывались о реакции на решение Ассамблеи советских СМИ: «Приговор Лиги

Наций осудил СССР»; «атаки советского радио на Лигу Наций»⁴².

Второй важной и регулярно повторявшейся темой в контексте советско-финляндского конфликта 15 декабря стала помощь Финляндии со стороны мировой общественности – от Франции до Соединенных Штатов («Уэст-Эклер» даже опубликовала фото приема в доме посланника Финляндии в Париже с добровольцами Красного Креста⁴³), к которой с новым энтузиазмом обратились почти все печатные издания Франции.

Третьей особенностью этого этапа стала новая волна публикаций фотографий разрушенных бомбардировками зданий в Хельсинки⁴⁴ и доказательств жертв среди мирного населения и лишений, переживаемых финским народом.

С 16 декабря новость об исключении СССР отошла на второй план. Об этом говорили уже не все газеты, хотя эта новость оставалась на первых полосах⁴⁵. Зато французские газеты с новым энтузиазмом обратились к теме готовности Финляндии «драться», в очередной раз восхваляя успехи финских войск и стремление всего финского общества подняться на защиту родины: «Светловолосые валькирии: прекрасные финки способствуют героизму защитников страны»⁴⁶. Кроме того, во множестве стали публиковаться карты и типичные пейзажи Финляндии с заснеженными елями и лыжниками в камуфляже⁴⁷ (рис. 4, 5).

Une colonne d'infanterie finlandaise traversant à skis une forêt sous la neige (30.277)

Рис. 4. Фотография из газеты «Овр» от 16 декабря 1939 года. «Колонна финской пехоты на лыжах пересекает заснеженный лес»

Figure 4. Photo "A column of Finnish infantry on skis crosses a snow-covered forest" from *L'Œvre*, 16 December 1939

Рис. 5. Фотография из газеты «Пари-Сюар» от 17 декабря 1939 года. «Лыжный патруль на заснеженной дороге»

Figure 5. Photo "Ski patrol on a snow-covered road" from *Paris-Soir*, 17 December 1939

Завершающим аккордом в этом всплеске публикаций о Финляндии стала очередная статья об агрессивных намерениях большевизма. 19 декабря «Матен» (*Le Matin*) сообщила, что большевики стремятся захватить Финляндию, потому что рвутся к Атлантике; была опубликована соответствующая карта, где стрелками демонстрировались векторы вероятного движения «Советов»: речь шла о полной аннексии Финляндии⁴⁸ (рис. 6).

Затем начался постепенный спад публикаций о советско-финляндском конфликте, а новость об исключении СССР из Лиги Наций совершенно пропала со страниц газет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этот небольшой по времени всплеск публикаций наглядно демонстрирует основные тенденции, характерные для освещения французской прессой советско-финляндского конфликта, основные темы, которые поднимались в этом контексте, и в целом риторику еще свободных французских СМИ относительно Советского Союза. Продолжалось последовательное формирование образа СССР как агрессора, причем этот образ становился все более эмоционально насыщенным, для чего использовались карикатуры и постоянное противопоставление размеров и мощи противоборствующих сторон: СССР представлялся гигантом, нападающим на маленькую, но стойкую и решительно настроенную отстаивать свою свободу Финляндию. Цели СССР обрисовывались как откровенно захватнические, причем зачастую – вполне фантастические, такие как выход к Атлантическому океану, что составляло прямую угрозу другим европейским державам. Одновременно все активнее про-

LE BOLCHEVISME VOUDRAIT PASSER PAR LA FINLANDE

POUR ATTEINDRE L'ATLANTIQUE

Mais la porte ne s'ouvre pas facilement et pourrait bien se refermer brutalement sur les doigts qui l'entr'ouvrent

Pierre le Grand en fondant Pétersbourg disait qu'il perçait une fêture sur l'Europe.

Il y a un an à peine, dans une conversation privée, Staline qui, paraît-il, — et tout en témoigne: livres, films et pièces de théâtre soviétiques — admire Pierre le Grand, aurait dit que Kousinen serait appelé à transformer cette « fêture » en « porte cochère » du bolchevisme.

Kousinen est cet ivrogne, bon à tout faire, gâté par les Soviets après la défaite de 1918 dans une des innombrables organisations soviétiques, assis ensuite sur les bancs du Komintern et ressorti comme l'armée rouge en-

Рис. 6. Карта-схема из газеты «Матен» от 19 декабря 1939 года. «Большевизм хотел бы пройти через Финляндию, чтобы достичь Атлантики»

Figure 6. Schematic map "Bolshevism would like to pass through Finland to reach the Atlantic" from *Le Matin*, 19 December 1939

водились аналогии между политикой Гитлера и Сталина, говорилось о перспективе формирования союза между ними. С другой стороны, Финляндия изображалась как жертва, готовая идти на уступки во время переговоров, но намеренная защищать свои территории от притязаний СССР. Ни в одной из публикаций не упоминалось ни об изменении границ Финляндии в составе Российской империи за счет Выборгской губернии, ни об образовании независимой Финляндии в 1917 году.

Собственно же исключение СССР из Лиги Наций оценивалось как логичное и справедливое воздаяние, которое демонстрировало общую позицию международной общественности и сулило изоляцию СССР и помощь Финляндии со стороны стран всего мира, включая самые отдаленные. Для достижения максимального эффекта французские печатные СМИ использовали одновременно соответствующие риторические приемы, карикатуры, а также подбор иллюстративного материала, который отражал основные идеи, изложенные в текстах статей и заголовков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ответ советского правительства на телеграмму Генерального секретаря Лиги Наций господина Авенюля с отказом от участия в обсуждении финляндского вопроса // ФГБУ «Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/1316932> (дата обращения 23.10.2025).

- ² Обращение постоянного представителя Финляндии в Лиге Наций Э. Р. Холсти к членам Совета Лиги Наций в связи с началом советско-финляндского конфликта // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/1316926?ysclid=mfr3dxlzl1558226435> (дата обращения 19.09.2025).
- ³ Le Progrès de la Côte-d'Or. 05.11.1939. № 309. P. 1.
- ⁴ La Bourgogne Républicaine. 03.11.1939. № 305. P. 1.
- ⁵ Le Matin. 29.11.1939. № 20338. P. 2; Le Petit Parisien. 01.12.1939. № 22920. P. 1; L'Évre. 20.12.1939. P. 1.
- ⁶ Excelsior. 14.12.1939. № 10590. P. 3.
- ⁷ L'Intransigeant. 14.12.1939. P. 1.
- ⁸ Je suis partout. 15.12.1939. № 473. P. 1.
- ⁹ L'Ouest-Éclair. 05.12.1939. P. 3.
- ¹⁰ L'Ouest-Éclair. 05.12.1939. P. 3.
- ¹¹ Le Petit Journal. 13.12.1939. № 28068. P. 1.
- ¹² L'Ouest-Éclair. 13.12.1939. № 15537. P. 1.
- ¹³ Le Petit Journal. 13.12.1939. № 28068. P. 1.
- ¹⁴ Le Petit Journal. 13.12.1939. № 28068. P. 1, 3.
- ¹⁵ L'Ouest-Éclair. 13.12.1939. № 15537. P. 1.
- ¹⁶ L'Ouest-Éclair. 13.12.1939. № 15537. P. 1.
- ¹⁷ L'Ouest-Éclair. 13.12.1939. № 15537. P. 3.
- ¹⁸ Journal des débats politiques et littéraires. 14.12.1939. № 298. P. 2; Excelsior. 14.12.1939. № 10590. P. 1; L'Ère nouvelle. 14.12.1939. № 7959. P. 1; La Croix. 14.12.1939. № 17449. P. 1; Journal des débats politiques et littéraires. 14.12.1939. № 298. P. 1; Journal des débats politiques et littéraires. 14.12.1939. № 298. P. 2; Le Progrès de la Somme. 14.12.1939. № 21999. P. 1; La France de Bordeaux et du Sud-Ouest. 14.12.1939. P. 1; La Petite Gironde. 14.12.1939. № 24613. P. 2; L'Aube. 14.12.1939. № 2230. P. 1, 2; Le Jour. 14.12.1939. P. 1.
- ¹⁹ L'Aube. 14.12.1939. № 2230. P. 1, 2.
- ²⁰ La Petite Gironde. 14.12.1939. № 24613. P. 2.
- ²¹ Le Jour. 14.12.1939. P. 1.
- ²² Le Temps. 14.12.1939. № 28580. P. 1.
- ²³ Le Petit Journal. 14.12.1939. № 28087. P. 1.
- ²⁴ Excelsior. 14.12.1939. № 10590. P. 3.
- ²⁵ L'Évre. 14.12.1939. № 28580. P. 3.
- ²⁶ L'Évre. 14.12.1939. № 28580. P. 1.
- ²⁷ Journal des débats politiques et littéraires. 14.12.1939. № 298. P. 2.
- ²⁸ Le Petit Journal. 13.12.1939. № 28068. P. 1; Le Progrès de la Somme. 14.12.1939. № 21999. P. 1; L'Intransigeant. 14.12.1939. P. 1; L'Ouest-Éclair. 14.12.1939. № 15538. P. 1.
- ²⁹ Le Figaro. 14.12.1939. № 348. P. 1; L'Intransigeant. 14.12.1939. P. 1.
- ³⁰ L'Ouest-Éclair. 14.12.1939. № 15538. P. 1.
- ³¹ Le Petit Parisien. 14.12.1939. № 22933. P. 1.
- ³² Le Matin. 14.12.1939. № 20353. P. 1, 3.
- ³³ Le Petit Journal. 14.12.1939. № 26104. P. 1; Le Populaire. 14.12.1939. № 6144. P. 1.
- ³⁴ Le Petit Provençal. 14.12.1939. № 22940. P. 1.
- ³⁵ Expulsion of the USSR from the League of Nations. Council of the League of Nations, Resolution. 14 December 1939 // League of Nations, Official Journal. 1939. Part II (November-December 1939). P. 506; Expulsion of the USSR from the League of Nations. Assembly of the League of Nations, Resolution. 14 December 1939 // League of Nations, Official Journal. 1939. Part II (November-December 1939). P. 540.
- ³⁶ Excelsior. 14.12.1939. № 10590. P. 1.
- ³⁷ Excelsior. 15.12.1939. № 10591. P. 1.
- ³⁸ L'Émancipation nationale. 15.12.1939. № 181. P. 1.
- ³⁹ L'Évre. 15.12.1939. № 28581. P. 1.
- ⁴⁰ Le Courrier de Saône-et-Loire. 15.12.1939. № 2902. P. 1.
- ⁴¹ Journal des débats politiques et littéraires. 15.12.1939. № 299. P. 1–2.
- ⁴² La Croix. 15.12.1939. № 17450. P. 1.
- ⁴³ L'Ouest-Éclair. 13.12.1939. № 15537. P. 1.
- ⁴⁴ L'Ouest-Éclair. 13.12.1939. № 15537. P. 1; Le Courrier de Saône-et-Loire. 15.12.1939. № 2902. P. 1.
- ⁴⁵ Le Petit Provençal. 16.12.1939. № 22942. P. 1; L'Évre. 16.12.1939. № 28582. P. 1.
- ⁴⁶ Excelsior. 16.12.1939. № 10592. P. 1.
- ⁴⁷ Excelsior. 16.12.1939. № 10592. P. 1; L'Évre. 16.12.1939. № 28582. P. 1; La Depeche du Berry. 17.12.1939. № 297. P. 1; Paris-Soir. 19.12.1939. № 5936. P. 1, 4.
- ⁴⁸ Le Matin. 19.12.1939. № 20358. P. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. 336 с.

2. Зимняя война 1939–1940. Кн. I: Политическая история / Отв. ред. О. А. Ржешевский, О. Вехвиляйнен. М.: Наука, 1998. 382 с.
3. От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. / Отв. ред. В. Н. Барышников. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 452 с.
4. Протопопов А. С. СССР, Лига Наций и ООН. М.: Мысль, 1968. 167 с.
5. Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М.: Высш. шк., 1992. 302 с.
6. Терентьев В. О. Бои за предполье линии Маннергейма. 1939 г. Участок L-ryhmä // Военная история России XIX–XX веков: Материалы XII Междунар. военно-ист. конф. СПб., 22–23 ноября 2019 г. СПб.: СПбГУПТД, 2019. С. 618–642.
7. Терентьева Е. А. Арктические конвои в освещении французской прессы 1941–1945 гг. // Ленд-лиз и арктические конвои: от регионального сотрудничества к глобальной коалиции: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию прихода в Архангельск первого союзного конвоя «Дервиш» / Сост., науч. ред. М. Н. Супрун. Архангельск: САФУ, 2021. С. 307–322.
8. Терентьева Е. А. Зимняя война в освещении французской прессы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1012
9. Терентьева Е. А. Маленькая героическая европейская страна против русского великана: риторика освещения советско-финляндского конфликта на страницах французских газет 1939–1940 гг. // Подготовка профессиональных кадров в магистратуре для цифровой экономики (ПКМ-2023). СПб.: СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, 2023. С. 441–445.
10. Терентьева Е. А. Освобождение северной Финляндии и Норвегии осенью 1944 г. в освещении французской прессы // Вестник гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. 2019. № 11. С. 222–229.
11. Терентьева Е. А. «Свои» и «Чужие»: советские войска в сражениях Великой Отечественной войны глазами французских журналистов // «Свой» / «чужой» в кросскультурных коммуникациях стран Запада и России: Коллективная монография. СПб.: Алетейя, 2019. С. 471–490.
12. Histoire générale de la presse française / Sous dir. de C. Bellanger, J. Godechot, P. Guiral, F. Terrou. En 5 vols. Tome III. De 1871 à 1940. Paris: Presses Universitaires de France, 1972. 688 p.

Поступила в редакцию 10.11.2025; принята к публикации 16.01.2026

Original article

Ekaterina A. Terenteva, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-2254-858X; e.a.terenteva@bk.ru

THE SOVIET-FINNISH CONFLICT AND THE EXCLUSION OF THE USSR FROM THE LEAGUE OF NATIONS IN THE FRENCH PRESS (1939)

Abstract. The Soviet-Finnish conflict of 1939–1940 outlined the existing trends in the coverage of Soviet international politics, while the exclusion of the USSR from the League of Nations increased media interest in the USSR and Finland, giving rise to a new round of condemnation of Soviet policy. However, no research has been made in modern science on the coverage of these events by French periodicals. The purpose of this article is to analyze the features of coverage of the exclusion of the USSR from the League of Nations in December 1939, as well as the dynamics of publications on the Soviet-Finnish conflict in the preceding and subsequent months. The research is based on the analysis of the digitized array of French-language periodicals posted on the Retronews.fr portal created by the French National Library. The exclusion of the USSR from the League of Nations was the reason for the intensification of rhetoric related to the image of the USSR as an aggressor harboring aggressive intentions towards European countries, on the one hand, and Finland as a small heroic country ready to defend its freedom, on the other. Rudolf Holsti, the representative of Finland in the League of Nations, became a symbol of this event, and the analysis of the illustrative material demonstrates the implicit emphasis on Finland's support from the leaders of the League of Nations – Great Britain and France. The article contributes to the study of the history of the development of the French periodical press during the Second World War, as well as to the field of imagology, demonstrating the features of the images of both opposing sides in the French press. The paper shows the stability of a number of clichés in depicting the Soviet Union and characterizing its policy in the history of European (and, more widely, Western) journalism, which are still relevant regarding Russia in post-bipolar epoch. The results of the research can be used not only by historians, but also by political scientists, journalists, and international relations specialists.

Key words: imagology, World War II, French press, history of journalism, anti-soviet propaganda, League of Nations, Winter War

For citation: Terenteva, E. A. The Soviet-Finnish conflict and the exclusion of the USSR from the League of Nations in the French press (1939). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):55–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1280

REFERENCES

1. Baryshnikov, N. I., Baryshnikov, V. N., Fyodorov, V. G. Finland in World War II. Leningrad, 1989. 336 p. (In Russ.)
2. The Winter War of 1939–1940. Book 1: Political history. (O. A. Rzheshesky, O. Vehviläinen, Eds.). Moscow, 1998. 382 p. (In Russ.)
3. From war to peace: the USSR and Finland in 1939–1944. (V. N. Baryshnikov, Ed.). St. Petersburg, 2006. 440 p. (In Russ.)
4. Protopopov, A. S. The USSR, the League of Nations, and the United Nations. Moscow, 1968. 167 p. (In Russ.)
5. Semiryaga, M. I. Secrets of Stalinist diplomacy. 1939–1941. Moscow, 1992. 302 p. (In Russ.)
6. Terentev, V. O. Combat for the border & outpost point line of the Mannerheim Line in 1939: L-ryhmä. *Military history of Russia in the XIX–XX centuries: Proceedings of the XII International Military Historical Conference, St. Petersburg, 22–23 November 2019*. St. Petersburg, 2019. P. 618–642. (In Russ.)
7. Terenteva, E. A. Arctic convoys in the coverage of the French press, 1941–1945. *The Lend-Lease and Arctic convoys: from regional cooperation to a global coalition: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Arrival of the First Allied Convoy “Dervish” in Arkhangelsk*. (M. N. Suprun, Ed.). Arkhangelsk, 2021. P. 307–322. (In Russ.)
8. Terenteva, E. A. The Winter War in the French press. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1012 (In Russ.)
9. Terenteva, E. A. A small heroic European country against a Russian giant: the rhetoric of coverage of the Soviet-Finnish conflict on the pages of French newspapers in 1939–1940. *Master’s programs for training specialists for digital economy (PKM-2023)*. St. Petersburg, 2023. P. 441–445. (In Russ.)
10. Terenteva, E. A. The French press on the liberation of northern Finland and Norway in October 1944. *Bulletin of the Faculty of Humanities of St. Petersburg State University named after Professor M. A. Bonch-Bruевич*. 2019;11:222–229. (In Russ.)
11. Terenteva, E. A. “Us” and “Them”: Soviet troops in the battles of the Great Patriotic War through the eyes of French journalists. *“Us” / “Them” in cross-cultural communications of Western countries and Russia: Collective monograph*. St. Petersburg, 2019. P. 471–490. (In Russ.)
12. Histoire générale de la presse française. (C. Bellanger, J. Godechot, P. Guiral, F. Terrou, Sous dir. de.). En 5 vols. Tome III. De 1871 à 1940. Paris, 1972. 688 p.

Received: 10 November 2025; accepted: 16 January 2026

ВЛАДИСЛАВ ИВАНОВИЧ ГОЛДИН

доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1439-6267; v.i.goldin@yandex.ru

ЛИЧНОСТЬ В НАУКЕ: К СТОЛЕТИЮ МИХАИЛА ИЛЬИЧА ШУМИЛОВА

А н н о т а ц и я . Анализируются жизненный путь и научное творчество доктора исторических наук, профессора М. И. Шумилова. Его личность и вклад в науку раскрываются с позиций науковедения – науки о науке, отрасли знаний, которая изучает закономерности развития самой науки, является формой ее рефлексии о себе самой. В рамках науковедения дается типология людей, профессионально работающих в сфере науки, оценивается их вклад в науку. Этот подход используется при рассмотрении научной деятельности профессора М. И. Шумилова. Раскрываются сферы научных интересов, основные этапы, направления и результаты его работы. Характеризуется вклад профессора М. И. Шумилова в разработку ключевых тем отечественной истории, которыми он занимался. Речь идет в первую очередь об истории Российской революции 1917 года и Гражданской войны в России, о том, что ныне объединяется понятием Великая российская революция. Подчеркивается особый вклад М. И. Шумилова в изучение революционного процесса и Гражданской войны на Европейском Севере России. Под его руководством была создана авторитетная научная школа в Карелии. Он сделал многое для подготовки научных и научно-педагогических кадров на Севере России. Отмечен его большой вклад в развитие северного исторического регионоведения, выпуск учебной литературы по истории России, подготовку школьных учебников по истории Карелии, изучение истории его родного Петрозаводского государственного университета.

К л ю ч е в ы е с л о в а : профессор М. И. Шумилов, наука, научное творчество, Российская революция на Севере, Гражданская война на Европейском Севере России

Д л я ц и т и р о в а н и я : Голдин В. И. Личность в науке: к столетию Михаила Ильича Шумилова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 64–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1281

Профессор Михаил Ильич Шумилов был человеком многогранного таланта – ученым, организатором университетского образования, талантливым вузовским преподавателем. Он являлся учителем для многих в самом высоком смысле этого слова и прекрасным человеком. Проведение в стенах Петрозаводского государственного университета Всероссийской научной конференции по широкой научной тематике, посвященной 100-летию со дня рождения профессора М. И. Шумилова, достойно венчает его вклад в науку, в многолетнюю административную и педагогическую деятельность на университетском поприще.

Напомним основные вехи жизненного пути М. И. Шумилова. Он родился 13 октября 1925 года в крестьянской семье в деревне Железниковской, расположенной на излучине рек Ягрема и Тихманьга, впадающих с запада в озеро

Лача. Эта деревня входила тогда в состав Каргопольского уезда, а ныне это Каргопольский район Архангельской области. Его отец, Илья Андреевич Шумилов, был участником Гражданской войны, возможно, это обстоятельство сыграло определяющую роль в том, что Михаил Ильич стал в дальнейшем видным исследователем истории этой войны на Европейском Севере России. Добавим, что И. А. Шумилов участвовал и в Великой Отечественной войне, а после ее окончания был председателем Каргопольского городского Совета, позднее, до выхода на пенсию, – председателем колхоза. Окончив среднюю школу в старинном русском городе Каргополе, М. И. Шумилов приступил здесь к трудовой деятельности, а в декабре 1944 года поступил на историко-филологический факультет Карело-Финского государственного университета, где в полной мере проявил способности к исследова-

тельской работе. По окончании вуза М. И. Шумилов, вступивший к этому времени в ряды ВКП(б), был назначен директором лекционного бюро Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров Карело-Финской ССР. Но его привлекала не административная, а прежде всего научная деятельность. И он перешел на эту стезю в 1950 году, проработав десять лет старшим научным сотрудником Института истории партии при Карельском областном комитете КПСС.

Главной научной тематикой М. И. Шумилова с этого времени и на протяжении нескольких десятилетий, а фактически и всей жизни, стала история революционного процесса и Гражданской войны на Европейском Севере России. В 1955 году он защитил кандидатскую диссертацию, в которой исследовалась деятельность большевистских организаций Карелии в 1917–1918 годах; тогда же вышла в свет его брошюра, посвященная революционному движению в Карелии в 1905–1907 годах, в период Первой русской революции. Спустя два года была опубликована фактически первая полноценная монография М. И. Шумилова «Борьба большевистских организаций Карелии за победу и упрочение Советской власти» [18], где он развивал положения своей кандидатской диссертации. В 1950-е годы при его активном участии был подготовлен и опубликован ряд сборников документов и воспоминаний, посвященных революционной эпохе в Карелии. 1960-е годы становятся качественно новым этапом в жизни и научном творчестве М. И. Шумилова, связанном уже непосредственно с Петрозаводским государственным университетом, где он и проработал всю свою жизнь и где в полной мере раскрылся его научный и административный талант.

Автор этих строк знал М. И. Шумилова 37 лет, познакомившись с ним в 1982 году на научной конференции в ПетрГУ, когда он был уже профессором и ректором этого университета. В своей статье хотелось бы охарактеризовать одну исключительно важную и во многом определяющую сторону его деятельности – научную. В название статьи вынесены слова «личность в науке», имеющие высокий смысл.

Само по себе понятие «личность» многогранно и является предметом мультидисциплинарного изучения. Понятие «личность в науке» имеет особый контекст и глубокий смысл, что профессионально исследуют науковеды – люди, занимающиеся наукой о науке, к числу которых может

отнести себя и автор этой статьи, имея ряд опубликованных монографий по проблемам науковедения [2], [4].

Каждый серьезный исследователь – это особый феномен, существует сложная типология людей, работающих в этой профессиональной сфере. Но главное, что им свойственно, – это жажда познания, стремление к получению новых знаний, высокое духовное творчество и интеллект, умение и способность генерировать новые идеи, критическое мышление, способность ставить под сомнение и переосмысливать привычное и кажущееся незыблемым, высокий творческий потенциал, нравственность и работоспособность, оригинальность и независимость мышления, критическое отношение не только к иным мнениям и суждениям, но и к собственным исследованиям и публикациям, умение замечать и исправлять ошибки, неизбежные в научном творчестве, постоянная неудовлетворенность собой.

Особый талант нужно иметь, чтобы быть организатором в науке, что было в полной мере свойственно М. И. Шумилову, который около двадцати лет являлся ректором университета и сорок четыре года – заведующим кафедрой.

Высшим типом личности в науке является человек, именуемый ученым. Этого высокого звания удостоиваются немногие из людей, профессионально работающих в науке и сфере высшего образования и имеющих ученую степень доктора наук и ученое звание профессора. В науковедении существует точка зрения, что исследователь может быть назван так только после его смерти, посредством оценки его научного наследия, результативности научной школы или направления, которое он создал и возглавлял. Но Михаил Ильич Шумилов заслужил право именоваться ученым при жизни и даже с формальной точки зрения, ибо он был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР» в 1976 году, а еще ранее, в 1970 году, он стал заслуженным деятелем науки Карельской АССР.

Свою докторскую диссертацию на тему «Деятельность большевистских организаций Севера России в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917–1920 гг.)» М. И. Шумилов защитил в 1967 году. Эта диссертация была выполнена на основе документов двенадцати архивов и других групп источников.

1967 год стал действительно знаковым, рубежным и наиболее плодотворным в научной жизни М. И. Шумилова, ибо в этом году вышла в свет и его монография «Во главе обороны Севера

в 1918–1920 гг. Из истории местных партийных организаций» [21], а также была опубликована его книга «За счастье народное» [22], посвященная истории ссылки в Карелии в XIX – начале XX века, и издан солидный 200-страничный указатель литературы под названием «Борьба за Советскую власть на Севере России. 1917–1922» [19].

Парадокс заключается в том, что с тех пор и до настоящего времени не появилось новых и столь фундаментальных и документированных исследований по истории большевистских организаций на Севере России в годы Гражданской войны, составлявших ядро советского лагеря, как указанная выше монография М. И. Шумилова. Она является своего рода необходимой настольной книгой для всех исследователей Гражданской войны в России и на Русском Севере. Добавлю, что проблема современной трактовки советского лагеря и партии большевиков в годы Гражданской войны в России стала одной из наиболее трудных для автора этих строк как ответственного редактора и авторского коллектива 12-го тома (в двух книгах) 20-томной академической «Истории России», посвященной этой теме и вышедшей в свет в издательстве «Наука» в 2024 году [8].

Отмеченный указатель литературы, подготовленный М. И. Шумиловым, и до настоящего времени полезен и незаменим для исследователей разного уровня, от начинающих до уже сложившихся и пытающихся познать в полном объеме библиографию этой темы.

В 1973 году выходит в свет еще одна наиболее крупная и знаковая монография М. И. Шумилова «Октябрьская революция на Севере России» [24]. Повествование в ней выходит далеко за проблемно-хронологические рамки заявленной темы и начинается с характеристики социально-экономического положения Севера с рубежа XIX и XX веков и заканчивается характеристикой ситуации на Севере России в первой половине 1918 года и развития революционного процесса в этот период. Созданная на страницах этой монографии объемная и глубоко документированная картина борьбы за установление и упрочение советской власти на Севере, деятельности большевиков здесь в рассматриваемый период не получила дальнейшего и более основательного раскрытия в литературе последующего более чем полувека. Дело в том, что в постсоветский период эта тематика утратила прежнюю актуальность, а в центре внимания на общероссийском и северном региональном уровне оказались многие иные проблемы, и в первую очередь слабо разрабатывавшие-

ся ранее, особенно деятельность оппозиционных и враждебных большевикам политических сил. Поэтому указанная монография Шумилова сохраняет прежде всего фактологическую ценность и сегодня, хотя несомненно, что картина революционного процесса в России и на Русском Севере предстает ныне в неизмеримо более сложном и многоплановом виде, а ее трактовки являются предметом острых дискуссий.

Не могу не заметить в связи с этим, что своеобразной черной меткой в реализуемом в наши дни проекте 20-томной академической «Истории России» и, по сути, дискредитацией этого проекта стал ее 11-й том, охватывающий период с 1914 по 1917 год, подготовленный и опубликованный в 2024 году коллективом в составе шести человек под руководством д. и. н. В. П. Булдакова (Институт российской истории РАН). Этот том за минувший после его выхода в свет период критиковали многие исследователи [1: 48–107], [10: 162–213]. В основе текста, на 85 % написанного Булдаковым лично или в соавторстве, лежит его концепт Красной смуты, а сам том является, по существу, его расширенной версией. В результате рассматриваемая эпоха предстает в виде бунта, охлократии, хаоса, смуты, «взбунтовавшейся архаики», «буйства коллективно-бессознательного» и т. д.

До настоящего времени является предметом дискуссии, возможно ли капитально переделать этот 11-й том и если так, то кто возьмется за это, или же необходимо писать новый текст этого тома, на основе другой методологии, усилиями нового авторского коллектива и под руководством другого ответственного редактора. При этом большинство рецензентов выступает за второй вариант.

Замечу в связи с этим, что М. И. Шумилов вполне справедливо еще в своем учебнике «История России», подготовленном в соавторстве с сыном и опубликованном в 2008 году, указывал, критикуя книгу В. П. Булдакова «Красная смута», изданную в 1997 году, что «тяготение к психоанализу приводит автора к односторонности в трактовке событий» и он в своих суждениях и выводах «в чем-то перекликается с американским исследователем Р. Пайпсом, который видит главную причину революции в нарушении традиционных отношений между властью и народом» [25: 82].

Но, вернувшись к научному творчеству М. И. Шумилова по главной для него научной теме, отмечу, что он принял участие в развернувшейся в условиях советской перестройки

дискуссии и переосмыслении эпохи революции и Гражданской войны в России, результатом чего стала его небольшая книга историографического жанра, вышедшая в свет в 1992 году в Петрозаводске в виде историографического очерка и в жанре учебного пособия под названием «Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России» [23].

Это время и последующие десятилетия стали временем активного научного сотрудничества автора этой статьи с М. И. Шумиловым. Дело в том, что в 1988 году, войдя в состав Научного совета АН СССР по истории Октябрьской революции, который занимался и тематикой Гражданской войны и революции, автор возглавил северную, а затем северо-западную секцию этого совета. В дальнейшем этот академический совет не раз менял свои названия и со второй половины 1990-х до 2019 года именовался Научным советом РАН по истории социальных реформ, движений и революций. И автор этой статьи входил в его бюро. М. И. Шумилов, возглавляя в составе указанной секции карельских историков, занимавшихся этой тематикой, выступал сам и привлекал своих коллег к участию в проводимых научных конференциях и в публикациях их сборников. В ходе проведения в 2007–2012 годах в Архангельске и Мурманске серии из шести научных конференций, посвященных 90-летию этой эпохи, под общим названием «1917–1922 годы в судьбах России и мира» (с участием представителей двенадцати стран) и публикаций шести сборников их материалов возникла идея, что надо запечатлеть вклад наиболее видных историков Севера в изучение этой проблематики.

В результате в сборнике, изданном в 2011 году в Мурманске, появился первый раздел под названием «История Гражданской войны в портретах историков Европейского Севера», где А. И. Бутвило опубликовал статью под названием «60 лет в научном строю доктор исторических наук, профессор Михаил Ильич Шумилов» [17: 27–32]. В ней были выделены и основные черты стиля и содержания научного творчества М. И. Шумилова, а именно: обширная источниковая база исследований, в частности широкое использование архивных материалов, статистики, периодической печати и др.; глубокая историографическая проработка разрабатываемой тематики; высокий общеисторический профессионализм.

В историографическом обзоре, представленном в первом томе многотомного издания «Русский Север в эпоху великих потрясений. 1900–1920», вышедшем под названием «Север России

на пути к Гражданской войне», автор этой статьи именовал М. И. Шумилова патриархом историков Карелии, занимающихся изучением революционного процесса и Гражданской войны на Севере России [5: 26]. В библиографии авторского двухтомного издания «Гражданская война в России: осмысление сквозь столетие», опубликованном в 2025 году в Москве, названы три наиболее значимых издания книжного формата М. И. Шумилова о Гражданской войне на Севере России [3: 477, 583].

В 2014 году профессор М. И. Шумилов издал монографию, в которой были рассмотрены проблемы власти и общественной жизни в России во второй половине XIX – начале XXI века [20].

Выделив и проанализировав основную тему научных интересов и исследований профессора М. И. Шумилова – историю революционного процесса и Гражданской войны на Севере России, автор этой статьи должен согласиться с коллегами (в частности, с А. И. Бутвило), что, заняв уже в начале 1970-х годов лидерские позиции среди карельских историков, М. И. Шумилов неизменно входил в состав редколлегий и авторских коллективов, внося весомый вклад в подготовку обобщающих изданий по истории Карелии [7], [12], [13], [15]. Он возглавлял историческую редакцию трехтомной энциклопедии «Карелия», подготовив и многие статьи для этого издания [9]. Следует отметить издававшийся в ПетрГУ с 1986 года по начало XXI века межвузовский сборник «Вопросы истории Европейского Севера», в котором публиковались историки различных его регионов. В публикацию указанных сборников вносил большой вклад, в том числе готовя к изданию и редактируя многие из них, профессор М. И. Шумилов.

Доброй традицией российской профессуры является подготовка учебников и учебных пособий по читаемому курсу. М. И. Шумилов следовал этой традиции, подготовив совместно с сыном три издания учебника «История России» с конца XIX по начало XXI века. С большим интересом ознакомившись с ним, должен отметить высокий историографический уровень и культуру этого издания, обширный и профессионально подготовленный список рекомендованной литературы и источников, научную принципиальность и критичность авторов в своих оценках, наконец, схожесть нашего понимания большинства сложных проблем отечественной истории.

Профессор М. И. Шумилов стоял у истоков и внес большой вклад в создание нового

поколения школьных учебников по истории Карелии [6].

Посвятив почти 60 лет своей жизни и деятельности Петрозаводскому университету, в том числе будучи его ректором на протяжении 18 лет, М. И. Шумилов внес весомый вклад в изучение истории родного вуза, опубликовав в соавторстве две книги [14], [16].

В целом же он успешно сочетал административную, научную, учебную и издательскую деятельность. Вышедший в 2015 году библиографический указатель включил в себя его работы, опубликованные с 1953 по 2014 год [11].

М. И. Шумилов внес большой вклад в подготовку научных и научно-педагогических кадров, что является неотъемлемой характеристикой настоящего ученого, причем не только в родном вузе, но и в Поморском государственном университете (ПГУ), а затем в Северном (Арктическом) федеральном университете имени М. В. Ломоносова в Архангельске. В 2001 году он был членом тогда еще разового докторского совета по историческим наукам, созданного на базе ПГУ, проявив высокий профессиональный уровень и научную взыскательность в ходе защиты докторской диссертации В. И. Коротаева, а в дальнейшем тесно сотрудничал с докторским диссертационным историческим советом ПГУ / САФУ в период его работы.

Замечу, что автора этой статьи связывали с М. И. Шумиловым не только тесное профессиональное сотрудничество, но и человеческая дружба, любовь в его родному Каргополю, схожесть взглядов на историю и современность России и многое другое. По большому счету нам сегодня очень не хватает людей его поколения, мудрых, принципиальных, бойцов по своему складу, способных решительно и аргументированно отстаивать свои взгляды и убеждения.

Работая с 2018 года в составе редколлегии 20-томной академической «Истории России», коснусь такого дискуссионного сюжета, как отражение в этом издании истории регионов. Приходится постоянно убеждать коллег по редколлегии, что новая многотомная «История России» должна быть и исторической летописью макрорегионов страны, строиться на знании и отражении лучших достижений региональной историографии, и только в этом случае она будет интересна и востребована на территории всей страны, тем более, что ее основными пользователями и читателями должны быть преподаватели, учителя, аспиранты и студенты вузов, живущие и работающие в ее разных уголках. Этот подход мы попытались претворить в 12-м томе (в двух книгах), посвященном, как уже упоминалось, Гражданской войне в России, но это характерно, увы, не для всех уже опубликованных томов двадцатитомника. Думаю, что, оценивая их качество, М. И. Шумилов поддержал бы высказанную автором данной статьи позицию.

За большой вклад в развитие науки и высшего образования М. И. Шумилов был удостоен почетных званий: «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Карельской АССР», а также «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Михаил Ильич был награжден Орденом Дружбы, Орденом Почета и рядом других государственных наград. Ему было присвоено звание «Почетный гражданин города Петрозаводска».

М. И. Шумилов прошел достойный жизненный путь, в том числе на научном поприще, который может и должен быть примером для всех нас. Проведенная в ПетрГУ Всероссийская научная конференция, посвященная его столетию, служит тому подтверждением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 6: Столетие Гражданской войны в России, ее исторические уроки и историческая память / Ред. кол.: В. И. Голдин и др.; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2025. 184 с.
2. Г о л д и н В. И. Богатству Севера наукой прирастать. Научный комплекс Поморского университета и его роль в развитии Европейского Севера. М.: Изд-во Моск. ун-та; Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2007. 536 с.
3. Г о л д и н В. И. Гражданская война в России: осмысление сквозь столетие: В 2 т. М., 2025. Т. 2. 624 с.
4. Г о л д и н В. И. Наука, науковедение и высшая школа. Архангельск: Солти, 2008. 424 с.
5. Г о л д и н В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.
6. История Карелии: Учебник для 10–11 классов. Петрозаводск: Verso, 2008. 384 с.
7. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
8. История России: В 20 т. Т. 12: Гражданская война в России. 1917–1922 годы: В 2 кн. М.: Наука, 2024.
9. Карелия: Энциклопедия: В 3 т. Петрозаводск: ПетроПресс, 2007–2011.

10. Ключевые проблемы Русской революции в историографии сегодняшнего дня. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 312 с.
11. Михаил Ильич Шумилов: Библиографический указатель / [Ред.-библиографы: А. А. Николаева (отв. ред.), Т. П. Немцева, А. А. Климаченкова]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 61 с.
12. Очерки истории Карелии: В 2 т. Петрозаводск: Госиздат Карельской АССР, 1957–1964.
13. Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск: Карелия, 1974. 589 с.
14. Петрозаводскому государственному университету 50 лет. Петрозаводск: Карелия, 1990. 300 с.
15. Представительная власть Карелии: история и современность. Петрозаводск: ПетроПресс, 2006. 206 с.
16. Страницы истории Петрозаводского государственного университета: 1940–2000. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. 540 с.
17. 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям. Мурманск: МГГУ, 2011. 318 с.
18. Шумилов М. И. Борьба большевистских организаций Карелии за победу и упрочение Советской власти. Петрозаводск: Карелия, 1957. 177 с.
19. Шумилов М. И. Борьба за Советскую власть на Севере России. 1917–1922. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1967. 200 с.
20. Шумилов М. И. Власть и общественная жизнь в России (вторая половина XIX – начало XXI в.). Петрозаводск: ПетрГУ, 2014. 125 с.
21. Шумилов М. И. Во главе обороны Севера в 1918–1920 гг. Из истории местных партийных организаций. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1967. 198 с.
22. Шумилов М. И. За счастье народное. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1967. 147 с.
23. Шумилов М. И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России: Историографический очерк. Петрозаводск: ПетрГУ, 1992. 94 с.
24. Шумилов М. И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск: Карелия, 1973. 336 с.
25. Шумилов М. И., Шумилов М. М. История России: конец XIX – начало XXI веков. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Олеариус Пресс, 2008. 692 с.

Поступила в редакцию 01.12.2025; принята к публикации 26.01.2026

Original article

Vladislav I. Goldin, Dr. Sc. (History), Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-1439-6267; v.i.goldin@yandex.ru

PERSONALITY IN SCIENCE: CELEBRATING THE CENTENARY OF MIKHAIL IL'ICH SHUMILOV

Abstract. The article analyzes the life path and scientific creativity of Doctor of Historical Sciences, Professor M. I. Shumilov. The author explores his personality and contribution to science from the perspective of science studies, a branch of knowledge that investigates the patterns of science development and presents a form of science's reflection on itself. Within the framework of science studies, the typology of people involved professionally in science and their respective contribution are also analyzed. This approach is used in the review of the scientific activities of Professor M. I. Shumilov. The article discovers the spheres, main periods, directions, and results of his scientific work. The author characterizes the features of Professor M. I. Shumilov's scientific creativity and his impact on advancing key issues in Russian history that he studied. His primary focus was on the history of the Russian Revolution of 1917 and the Russian Civil War, now commonly referred to as the Great Russian Revolution. The author emphasizes Professor M. I. Shumilov's special contribution to the study of the revolutionary process and the Civil War in the European North of Russia. Under his leadership, a reputable scientific school was established in Karelia. He played a significant role in training scientific and academic personnel in the North of Russia. The article highlights his significant contribution to the development of northern historical studies, the creation of educational literature on Russian history, the preparation of school textbooks on the history of Karelia, and the study of the history of Petrozavodsk State University, his alma mater.

Keywords: Professor M. I. Shumilov, science, scientific creativity, Russian Revolution in the North, Civil War in the European North of Russia

For citation: Goldin, V. I. Personality in science: celebrating the centenary of Mikhail Il'ich Shumilov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):64–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1281

REFERENCES

1. The Almanac of the Association of Researchers of the Russian Civil War. Issue 6: The centenary of the Russian Civil War, its historical lessons and historical memory. (V. I. Goldin, et al., Eds.). Arkhangelsk, 2025. 184 p. (In Russ.)

2. Goldin, V. I. And so shall the North prosper through science. The scientific complex of the Pomor University and its role in the development of the European North. Moscow; Arkhangelsk, 2007. 536 p. (In Russ.)
3. Goldin, V. I. The Russian Civil War: comprehension through the century: In 2 vols. Moscow, 2025. Vol. 2. 624 p. (In Russ.)
4. Goldin, V. I. Science, science studies, and higher school. Arkhangelsk, 2008. 424 p. (In Russ.)
5. Goldin, V. I. The North of Russia on the way to the Civil War: The attempts of reforms. Revolutions. International intervention. 1900 – summer of 1918. Arkhangelsk, 2018. 623 p. (In Russ.)
6. The history of Karelia: Textbook for grades 10–11. Petrozavodsk, 2008. 384 p. (In Russ.)
7. The history of Karelia from the ancient time to nowadays. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
8. The history of Russia: In 20 vols. Vol. 12: The Russian Civil War. 1917–1922: In 2 books. Moscow, 2024. (In Russ.)
9. Karelia: Encyclopedia: In 3 vols. Petrozavodsk, 2007–2011. (In Russ.)
10. The key problems of the Russian Revolution in contemporary historiography. St. Petersburg, 2024. 312 p. (In Russ.)
11. Mikhail Il'ich Shumilov: Bibliographic index. (A. A. Nikolaeva, T. P. Nemtseva, A. A. Klimachenkova, Eds.). Petrozavodsk, 2015. 61 p. (In Russ.)
12. Essays on the history of Karelia: In 2 vols. Petrozavodsk, 1957–1964. (In Russ.)
13. Essays on the history of the Karelian branch of CPSU. Petrozavodsk, 1974. 589 p. (In Russ.)
14. Celebrating the 50th anniversary of Petrozavodsk State University. Petrozavodsk, 1990. 300 p. (In Russ.)
15. The representative authority in Karelia: history and modern times. Petrozavodsk, 2006. 206 p. (In Russ.)
16. Pages from the history of Petrozavodsk State University: 1940–2000. Petrozavodsk, 2005. 540 p. (In Russ.)
17. The year 1921 in the fate of Russia and the world: from the Civil War to post-war peace and new international relations. Murmansk, 2011. 318 p. (In Russ.)
18. Shumilov, M. I. The struggle of the Bolshevik organizations of Karelia for the victory and strengthening of the Soviet power. Petrozavodsk, 1957. 177 p. (In Russ.)
19. Shumilov, M. I. The struggle for the Soviet power in the North of Russia. 1917–1922. Petrozavodsk, 1967. 200 p. (In Russ.)
20. Shumilov, M. I. Power and social life in Russia (the second half of the XIX century – the early XXI century). Petrozavodsk, 2014. 125 p. (In Russ.)
21. Shumilov, M. I. At the head of the defense of the North in 1918–1920. From the history of local party organizations. Petrozavodsk, 1967. 198 p. (In Russ.)
22. Shumilov, M. I. For the happiness of the people. Petrozavodsk, 1967. 147 p. (In Russ.)
23. Shumilov, M. I. October, intervention, and the Civil War in the European North of Russia: Historiographical overview. Petrozavodsk, 1992. 94 p. (In Russ.)
24. Shumilov, M. I. The October Revolution in the Russian North. Petrozavodsk, 1967. 336 p. (In Russ.)
25. Shumilov, M. I., Shumilov, M. M. The history of Russia: late XIX – early XXI centuries. St. Petersburg, 2008. 692 p. (In Russ.)

Received: 1 December 2025; accepted: 26 January 2026

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ДИАНОВА

доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
elena-dianowa@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ КООПЕРАТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАРЕЛИИ В 1920-е ГОДЫ

А н н о т а ц и я . Рассматривается создание и деятельность промышленно-экономического техникума имени А. В. Луначарского как базы среднего кооперативного образования в Карелии в 1920-е годы. Актуальность темы объясняется поиском эффективных моделей модернизации системы среднего профессионального образования для достижения технологического лидерства, укрепления экономического суверенитета и обеспечения устойчивого социально-экономического развития России. На основе документов Национального архива Республики Карелия впервые описывается формирование системы подготовки кадров среднего звена для кооперативных и торговых организаций республики в годы нэпа. Цель публикации состоит в том, чтобы представить становление среднего кооперативного образования в Карелии на базе промышленно-экономического техникума имени А. В. Луначарского в 1920-е годы; задачи – рассмотреть образование и функционирование техникума; выявить его преподавательский состав, формы учебной деятельности учащихся, основные дисциплины, связанные с подготовкой кооперативных работников в промышленно-экономическом техникуме. В ходе исследования обнаружены сведения о профессиональном и образовательном уровне преподавателей, численном составе учащихся и выпускников техникума. Показаны особенности выработки образовательной программы и учебных курсов, связанных с освоением общих предметов и специальных дисциплин, в том числе в области кооперации и торговли, куда входило изучение товароведения, общего и кооперативного счетоводства, видов кооперативных организаций, истории и теории кооперации, кооперативной и торговой статистики. Выявлены различные формы обучения и подготовки будущих кооператоров (лекции, семинары, экскурсии, кружки, учебная и производственная практика). Определен вклад промышленно-экономического техникума имени А. В. Луначарского в развитие среднего профессионально-технического образования Карелии, подготовку кадров для кооперативного сектора экономики республики.

Ключевые слова: кооперация, кооперативное образование, промышленно-экономический техникум, торгово-кооперативный цикл, образовательные программы, подготовка кадров

Для цитирования: Дианова Е. В. Становление кооперативного образования в Карелии в 1920-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 71–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1282

ВВЕДЕНИЕ

Обсуждение новой стратегии развития народного образования до 2036 года, ориентированной на обеспечение устойчивого социально-экономического развития, достижение технологического лидерства, укрепление экономического суверенитета Российской Федерации, выдвинуло на первый план внедрение инновационных подходов в подготовку рабочих кадров. Речь идет прежде всего о системе среднего профессионального образования (СПО), где в 2022 году в рамках национального проекта «Молодежь и дети» запу-

щена программа «Профессионалитет», учитывающая кадровые потребности экономики¹.

Обращение ученых к истории профессионально-технического обучения вызвано процессами радикального реформирования СПО в период серьезных технологических изменений, радикальным пересмотром советской системы подготовки квалифицированных кадров, а также стремлением использовать ее опыт в условиях рыночной экономики. Актуальность изучения истории профессионально-технического обучения объясняется поиском эффективных моделей модернизации системы СПО для повышения

качества профподготовки на основе информационных технологий с использованием искусственного интеллекта с учетом конъюнктуры рынка труда и требований работодателей.

Литература по истории среднего профессионально-технического обучения в России и подготовке кадров для промышленности и сельского хозяйства довольно обширна. Научные изыскания по данной теме проводили советские ученые С. Я. Батышев [19], А. Н. Веселов [5], Е. Г. Осовский [18]. Современные исследования представлены книгами и статьями Л. И. Анайкиной, [1], С. С. Балдина [2], В. М. Жураковского [9], Л. В. Захаровского [10], Г. Р. Игтисамовой [11], В. П. Попова [22] и др. Они доказывают актуальность изучения истории профтехобразования [23]; пытаются создать «принципиально новую концепцию истории советского профессионально-технического образования» [10: 9]; рассматривают вопросы правового регулирования в сфере среднего профессионального образования в РСФСР в 1918–1920-х годах [24].

В коллективных трудах «История профессионального образования в России» [13], «История среднего профессионального образования в России» [14], «Педагогика профессионального образования» [21] обозначены основные этапы развития СПО в России, его теоретико-методические основы и значение как социокультурного института и «системы организаций и учреждений, обеспечивающих воспроизводство и совершенствование кадрового потенциала всех сфер общественного материального и духовного производства» [21].

В период модернизации СПО исследователи проявляют большой интерес к истории подготовки кооперативных работников в стране в целом [3], [8], [29] и в различных регионах России в частности [12]. А. Ю. Давыдов в книге «Кооператоры советского города в годы нэпа. Между “военным коммунизмом” и социалистической реконструкцией» осветил работу кооперативного техникума в Ленинграде в 1920-е годы [7]. Формированию системы кооперативного образования в Республике Коми посвящены работы А. К. Гагиевой [6]. Зарождение и развитие кооперативной школы в Республике Мордовия в 1925–2005 годах рассматриваются в монографии О. Б. Кевбриной [15]. А. А. Павлова изучала историю становления кооперативной системы образования в Чувашии [20]. В данных работах отражена деятельность учреждений среднего и высшего профессионального образования потребительской кооперации в Саранске, Сыктывкаре и Чебоксарах.

В Карелии изучением системы подготовки специалистов для народного хозяйства, специалистов средней квалификации в предвоенный период, а также развития среднего специального образования в годы первой и второй пятилеток занимался Ю. А. Тополь [25]. Сведения о системе общего и профессионального образования в Карельской АССР имеются в монографиях С. Н. Филимончик «Карелия в период советской модернизации 1920–1930-х гг.» [26] и «Образование и просвещение в Советской Карелии (1918–1939)» [27]. Кроме статьи В. Г. Кондратьева в энциклопедии «Карелия» о кооперативном техникуме, созданном в 1931 году [16], других работ, посвященных истории учебных заведений по обучению кооперативных работников Карелии, нет. Вместе с тем изучение системы подготовки кооперативных кадров в 1920-е годы, в период, когда кооперация была провозглашена «столбовой дорогой к социализму», имеет определенную познавательную ценность.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые описывается формирование системы подготовки кадров среднего звена для кооперативных и торговых организаций на базе промышленно-экономического техникума им. А. В. Луначарского в Петрозаводске в 1920-е годы. Цель статьи заключается в том, чтобы представить становление среднего кооперативного образования в государственной системе СПО в Карелии в 1920-е годы. Соответственно, необходимо решить следующие задачи: рассмотреть процесс создания промышленно-экономического техникума им. А. В. Луначарского в Петрозаводске; выяснить преподавательский состав и социальный состав учащихся, формы учебной деятельности, основные дисциплины, связанные с подготовкой кооперативных работников в этом учебном заведении.

Методология исследования основывается на историко-педагогическом подходе, что предполагает познание «педагогического прошлого», куда входит «рассмотрение возникновения, функционирования и развития отдельных образовательных институтов и систем образования» [17: 76]. В изучении истории учреждений образования как объектов историко-педагогического познания используются фактологический подход (история событий); институциональный подход (история социальных институтов); историко-генетический подход (история процессов); биографический подход (история людей, участников педагогического прошлого) [28: 77]. В научных работах на местном материале применимы конкретно-исторический и ретроспективный ме-

годы. Значение историко-педагогических исследований регионального уровня состоит в том, что они

«способны восполнить информационный пробел, соединить общегосударственные процессы с локально-региональными процессами, выделив их главные особенности, помочь осознать перспективы развития» [4: 74].

Основной массив информации почерпнут из фондов Национального архива Республики Карелия (НА РК). В фонде промышленно-экономического техникума им. А. В. Луначарского (Ф. Р-660) просмотрены дела, содержащие материалы об организации техникума, комплектовании штата, учебной нагрузке преподавателей; протоколы заседаний Совета техникума; документы о его деятельности, учебные планы и программы, отчеты о проведении экскурсий, производственной практики, сметы доходов и расходов. Также изучались материалы обследования работы подведомственных учреждений Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) Автономной Карельской ССР (АКССР). В фонде Наркомпроса АКССР (Ф. Р-630) хранятся отчеты о работе промышленно-экономического техникума в Петрозаводске. В фонде Карельского республиканского союза потребительских обществ (Ф. Р-509) просмотрены доклады и отчеты организационного отдела, сводные материалы, где найдены сведения о сотрудничестве правления Карело-Прионежского союза потребительских обществ (Каронегсоюза) и промышленно-экономического техникума им. А. В. Луначарского.

СРЕДНЕЕ КООПЕРАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАРЕЛИИ В 1920-е ГОДЫ

Кооперативное просвещение и обучение относилось к культурно-просветительской деятельности кооперативных союзов и обществ. Его основные формы включали подготовку инструкторов в Центральном союзе потребительской кооперации СССР / РСФСР (Центросоюзе) или в областных союзах потребкооперации, кооперативные курсы и кружки для разных групп населения города и деревни.

В 1920-е годы стала складываться государственная система подготовки кооперативных кадров низшего и среднего звена. Низшее профессиональное образование в области кооперации давали школы крестьянской молодежи. Они готовили работников для сельской кооперативной сети, и в основном для системы сельскохозяйственной и кустарно-промышленной кооперации. Кооператоров со средним специальным образованием, которые должны были работать в район-

ных союзах и низовой сети потребительской кооперации, выпускали кооперативные техникумы.

Для подготовки работников для кооперативной сети и торговых заведений Карелии со средним профессиональным образованием в 1922 году на базе закрытых двухгодичных общеобразовательных курсов (два последних класса 9-летней школы II ступени) был основан общественно-экономический техникум, который открылся в июне 1922 года (в учетной карточке указана дата – 1 июля 1922 года). До ноября 1922 года техникум назывался общественно-экономическим и работал по учебному плану отдела народного образования Карельской трудовой коммуны (КТК).

Общая задача техникума состояла в том, чтобы «создавать кадры марксистской интеллигенции»². Предварительная работа началась в апреле 1922 года с учреждения хозяйственного комитета по оборудованию техникума и заготовке дров. 5 мая 1922 года заведующим техникумом был назначен Валентин Михайлович Парфенов (1884–1941). Он осуществлял контроль за работой педагогического состава, председательствовал в Совете техникума, следил за дисциплиной учащихся. В его ведении находилось распределение штатов и нагрузки, утверждение программ по астрономии, метеорологии, истории русской литературы, политэкономии, истории культуры, обществоведению, истории и теории кооперации и другим предметам. С 18 июля 1922 года техникум приняли на государственное снабжение с предоставлением десяти штатных единиц преподавательского состава³.

Помощником заведующего и заведующим хозяйственной частью был назначен Александр Федотович Кириков (1870 г. р.). На заведующего техникумом и его помощника возлагалось общее руководство учебной и административно-хозяйственной деятельностью учебного заведения. Техникум располагался в здании бывшей музыкальной школы (до этого – бывшем доме купца Г. М. Сывороткина) на углу улицы Зиновьева (ныне улица Куйбышева) и проспекта Карла Маркса (в настоящее время здесь расположено Управление ГО и ЧС Республики Карелия). Для оборудования классных комнат и кабинетов были получены остатки инвентаря бывшей мужской гимназии. После уборки и ремонта «из загрязненного в свое время воинскими частями хлева-сарая помещение приведено в довольно приличный вид»⁴.

С 1 ноября 1922 года после получения учебного плана из Главного управления профессионального образования Наркомпроса РСФСР

(Главпрофобра) техникум стал называться промышленно-экономическим.

В ноябре 1922 года Совет техникума возбудил ходатайство перед наркомом просвещения РСФСР А. В. Луначарским о присвоении учебному заведению его имени. К данной просьбе нарком отнесся благосклонно, и ходатайство педагогического совета было удовлетворено. В конце декабря 1922 года техникуму присвоили имя А. В. Луначарского⁵.

В 1920-е годы промышленно-экономический техникум являлся

«единственным учебным заведением в крае по финансово-счетному, торгово-промышленному и кооперативному делу. В данной области край особенно беден, так как в царской России подобных учебных заведений в пределах нынешней Карелии не было»⁶.

Средства на содержание учебного заведения и преподавательского персонала поступали от Наркомпроса. Кроме того, на хозяйственные нужды часть средств обязались выдать Рабочий кооператив Петрозаводска (Рабкооп) и торговый отдел Совета народного хозяйства КТК (Карторг). Они приобрели мебель, учебные пособия, сделали ремонт помещения. Рабкооп, приветствуя организацию техникума, принял решение ежемесячно отчислять на нужды техникума не менее 35 % из 10 % всех отчислений кооперативных организаций на культурно-просветительские цели. Торговые организации, обещавшие оказывать постоянную поддержку, выделили лишь единовременную материальную помощь: Рабкооп – 417 руб. 15 коп., кооператив «Север» – 2000 руб., Карторг – 352 руб. От Карельского отдела народного образования (КОНО) техникум получил всего 100 руб. в денежных знаках 1923 года. В 1924/25 году небольшие пособия техникуму передали: Карельский союз потребительских обществ (Карсоюз) – 50 руб., транспортное потребительское общество Мурманской железной дороги – 25 руб., Карельский сельскохозяйственный банк (Карсельхозбанк) – 50 руб., объединение инвалидов – 25 руб.⁷

В целом финансовое положение учебного заведения было более чем скромным. Директор техникума В. М. Парфенов по этому поводу высказался довольно резко:

«Очень странно, что необходимость и законность образования красной интеллигенции признают, много об этом пишут, а помощь учебному заведению, которое в буквальном смысле слова работает на революцию, не оказывают. Если будет так и дальше, то останутся слова, не претворенные в дело, а наши школы будут долго еще учить, не воспитывая, и пополнять кадры имеющейся и так в достаточном количестве “гнилой”

интеллигенции, которая будет в дальнейшем работать для собственного блага, а не для блага РСФСР»⁸.

Сначала техникум имел подготовительный класс и три отделения (курса). На первых двух курсах преподавались общеобразовательные предметы: русский язык, литература, экономическая география, физика, химия, математика, иностранный язык, естествознание, черчение. Большое внимание уделялось формированию коммунистического мировоззрения и идейно-политическому воспитанию учащихся. С этой целью в программы обучения были введены история общественных форм, основы права, обществоведение, политграмота, которые будили «революционное сознание ребят». Вместо истории отечества, которую интерпретировали как «историю о помазанниках Божиих и ее отдельных героев», преподавалась история классовой борьбы и социализма, «история развития народного хозяйства и на основе его история возникновения общественно-политической жизни». Преподавание истории классовой борьбы и социализма преследовало цель «подготовки молодежи к ясному и отчетливому пониманию учения Маркса как теории и программы рабочего класса»⁹.

В основу программ по обществоведению был положен принцип «От фабрики – к мировому хозяйству». Такой подход раскрывал перед учащимися «классовую сущность современного общества, историю классовой борьбы пролетариата». Изучение обществоведения служило «орудием общественно-политического воспитания» и рассматривалось как часть общепартийной и комсомольской политработы» [18: 153].

Несмотря на то что техникум был единственным учебным заведением в крае, дававшим систематическое образование в области кооперации и торговли, в начале 1923/24 учебного года он оказался перед угрозой закрытия в связи с сокращением сети учебных заведений Карелии. Формальным поводом для прекращения деятельности техникума явилось обвинение в буржуазном составе учащихся, а также малочисленность студентов в 1922/23 учебном году (всего 61 человек) при 17 преподавателях. В 1923/24 году в техникуме обучалось 85 человек, в последующие годы общее количество учащихся не превышало 100, а с подготовительным отделением – 140–150 человек¹⁰.

При наборе учащихся существовала серьезная проблема: как вести прием абитуриентов – по классовому признаку или по уровню подготовки. Мнение преподавателей разделилось, часть из них «горячо протестовала про-

тив приема по классовым признакам». В 1922/23 учебном году дети рабочих и крестьян составляли только 30 %, потому что «имели низкий уровень познаний»¹¹.

Руководство техникума стремилось повысить «рабоче-крестьянский элемент» в ученическом коллективе. В 1923/24 учебном году дети рабочих и крестьян составляли 39 %, ремесленников – 6 %, работников советских учреждений (совслужащих) – 50 %, торговцев – 2,5 %, духовенства – 2,5 %. В 1924/25 учебном году распределение учащихся по социальному положению несколько изменилось. Детей рабочих и крестьян стало 32 %, совслужащих, врачей, инженеров – 56 %, ремесленников – 7 %, духовенства – 3 %, торговцев – 1 %, прочих – 1 %¹². Преподаватели смогли достичь небольшого повышения «рабоче-крестьянского элемента», но им не удалось обеспечить преобладание пролетарского контингента среди учащихся техникума.

28 сентября 1923 года заведующий техникумом В. М. Парфенов написал письмо заместителю председателя СНК АКССР А. Н. Лескову, в котором выразил «желание сохранить учебное заведение». Позднее В. М. Парфенов отправил письмо также и председателю СНК АКССР Э. А. Гюллингу, в котором пытался объяснить ситуацию:

«Подчас деятельность техникума преподносится в неправильном освещении, считаю своей обязанностью предоставить фактические данные о назначении, состоянии и стоимости содержания техникума. Неправильно освещается: 1) неясность назначения, буржуазный состав учащихся, чрезвычайные расходы на его содержание (500 руб. на одного учащегося в год). Только 4 % учащихся можно отнести к буржуазному элементу. Детей совслужащих и детей очень мелких служащих города и уездов к буржуазному элементу ни в коем случае отнести нельзя. Техникум конечно должен стать крестьянским и будет крестьянским, но не так скоро»¹³.

Председатель СНК АКССР Э. А. Гюлинг отстоял техникум. В знак благодарности студенты обратились к нему с письмом:

«Пережив тяжёлые дни, в которые решалась судьба техникума, и узнав о сохранении его для дальнейшей работы, мы учащиеся всех курсов техникума на общем собрании 29 сентября 1923 года постановили принести Вам через особую депутацию учащихся глубокую благодарность за предоставляемую нам возможность продолжить получать профессиональное образование в области промышленно-экономических наук. Мы даем Вам слово своими знаниями и умениями, всеми силами способствовать по окончании техникума развитию хозяйства в Карельской Республике и свой труд добросовестно отдать для ее трудящегося населения»¹⁴.

В октябре 1923 года сотрудники промышленно-экономического техникума приветствовали

делегатов IV Всекарельского съезда Советов, «представителей карельских рабочих и крестьян, приступающих к самостоятельному устройству своей жизни и хозяйства в стремлении к новым коллективистским началам быта». В Советской России, находящейся «в окружении врагов-капиталистов»,

«первостепенное значение приобретает прочное научное обоснование экономической работы серпа и молота и наличность достаточно научно образованных красных специалистов экономической и промышленной жизни. Промышленно-экономический техникум как будущий рассадник таких работников из среды карельского пролетариата надеется занять не последнее место, он всемерно будет содействовать общей работе по развитию и укреплению промышленности и хозяйства в молодой Карельской республике»¹⁵.

Осенью 1923 года специальная комиссия в составе представителей Центрального Совета народного хозяйства АКССР, кооперации и Союза советских служащих из имеющихся в учебном плане Главпрофобра пяти циклов выбрала «наиболее отвечающие задачам народного хозяйства Карелии» торговый и кооперативный циклы и объединила их в один торгово-кооперативный цикл. Торговый цикл предназначался для подготовки будущих товароведов, кооперативный цикл – для подготовки инструкторов и других работников кооперации. В своем выборе комиссия исходила из того, что

«Северо-Западный район, в состав которого входит Карелия, имеет главным угодьем лес, что в связи с богатыми водными артериями даст возможность его удобной эксплуатации. Не исключена возможность развития луговодства, а, следовательно, в связи с этим молочного хозяйства, льноводства. Довольно значительно могут быть развиты рыбные, звериные и пушные промыслы; довольно значительные минеральные богатства, эксплуатация которых находится еще в зачатке. В связи с этим скорейшее кооперирование редкого населения Карелии (промысловая, сельская и тому подобные виды кооперации) является одним из залогов скорейшего развития ее хозяйства»¹⁶.

Кроме того,

«наличие в Карелии различных промыслов (лесных, звериных, пушных, рыбных) и сельского хозяйства обеспечивают возможность развития сельскохозяйственной и промысловой кооперации, а скорейшее кооперирование редкого населения Карелии является одним из залогов скорейшего развития ее хозяйства»¹⁷.

18 декабря 1923 года в техникуме ввели торгово-кооперативный цикл, наиболее соответствовавший «текущим потребностям вообще и карельской деревни в особенности». По учебному плану торгово-кооперативного цикла в течение двух семестров изучались предметы: Теория

исторического материализма; Политэкономия; Экономическая география; Экономическая политика в промышленности и сельском хозяйстве; Экономика промышленности и сельского хозяйства; Торговая и финансовая политика (рынки); Кооперативное законодательство; Краткий курс права (гражданское, торговое и трудовое право); История и теория кооперации; Виды кооперации: кредитная, потребительская, промысловая и сельскохозяйственная кооперация; Кооперативная и торговая статистика; Промышленная статистика; Хранение товаров, транспорт и складское дело; Кооперативное и торговое счетоводство; Товароведение. Спецкурс по товароведению пищевых веществ; Организация торговых и кооперативных предприятий; Организация промышленных предприятий; Машиноведение¹⁸.

В 1925/26 учебном году на третьем курсе открыли два новых отделения: торгово-кооперативное и административно-счетно-финансовое. На первом отделении учились будущие техники кооперативной торговли и кооперативного счетоводства, на втором – техники финансово-бюджетного счетоводства и специалисты налогового дела¹⁹.

В техникуме читались лекции, проводились практические занятия. Здесь в основном работали штатные преподаватели с высшим образованием. Заведующий техникумом В. М. Парфенов (член РКП(б) с 1917 года) преподавал физику и специальные дисциплины (хранение товаров, экономику промышленности и сельского хозяйства), Н. Г. Кучепатов – политэкономии и теорию исторического материализма, П. И. Орфинский – аналитическую геометрию, химию и спецкурс «Товароведение»; учительница О. Я. Наймарк – естествознание, географию и общий курс товароведения. Некоторые профильные предметы вели приглашенные сотрудники, например: Е. В. Сиверс – счетоводство; Е. И. Пименова – историю классовой борьбы и социализма; доктор И. А. Шиф – предмет «Гигиена»; помощник прокурора, член РКП(б) А. Н. Куняев – политграмоту, основы права и советской конституции²⁰.

Руководство техникума полагало, что преподавание спецкурсов «должно быть передано в руки специалистов, имеющих в данной области достаточный образовательный ценз». При подборе преподавателей еще в мае 1922 года планировалось, что курс кооперации будет читать В. И. Крылов, активный работник Петрозаводского союза кооперативов. Но в связи с тем что В. И. Крылов стал директором Карельского краеведческого музея, в техникум был приглашен инструктор Карсоюза / Каронегсоюза Соко-

лов, имевший высшее специальное образование. Он читал лекции по истории и теории кооперации, ее видам, торговому и кооперативному счетоводству²¹.

Библиотека техникума пополнялась литературой по истории и теории кооперации, среди них были книги «Кооперация в Советской России» и «Современная кооперация» Н. Л. Мещерякова, «О кооперации» В. И. Ленина, «Организация и практика потребительных обществ в России» В. Н. Зельгейма, «История кооперации в России: Все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени» М. Л. Хейсина, учебные пособия по кооперативному счетоводству²².

В промышленно-экономическом техникуме шла подготовка работников «в области управления, финансов, статистики, кооперации, ведения хозяйства, товарооборота, товарообмена для удовлетворения нужд деревни»²³. Вся его деятельность определялась словами В. И. Ленина из статьи «О кооперации» о том, что нужно учиться торговать, чтобы «быть культурным торгашом», «быть толковым и грамотным торгашом»²⁴. Соответственно, следовало «знакомить учащихся с общими основами товароведения и наиболее важными товарами». Программа курса «Товароведение» включала следующие темы: Понятие о товаре. Производство и обработка товаров. Подготовка товаров для рынка. Оценка товаров. Топливо. Руды, металлы и сплавы. Строительные материалы. Смазочные материалы. Осветительные материалы (растительные масла, свечи, керосин, газовое освещение, электрическое освещение). Стекланные и керамические товары. Пряжа. Ткани. Прядильные материалы. Волокнистые материалы растительного происхождения: хлопок, лен, пенька. Волокнистые материалы животного происхождения: шерсть, шелк. Бумага. Кожевенные товары. меховые товары. Москательные и химические товары. Пищевые товары. Основные хлеба. Мука. Молоко, мясо, рыба, сахар, поваренная соль, кофе, чай²⁵.

Преподаватели всех учебных дисциплин осуществляли «отход от старых методов преподавания», вводили активные формы учебной деятельности: рефераты, доклады, знакомство с литературой, лабораторные работы, чертежи, графики; применяли исследовательский, реферативный и экскурсионный методы. Так, по предмету «Кооперативная статистика» студенты выполняли самостоятельные работы на темы «Учет числа кооперативов», «Учет торговых предприятий и их оборотов», «Товарный индекс ЦСУ»,

«Учет деятельности потребительских обществ». По курсу «История и теория кооперации» учащиеся делали письменные работы по темам: «Ленин о кооперации», «Принципы развития кооперации», «История кооперации в России до революции», «История кооперации в России после революции», «История кооперации в Англии», «Кооперация и социализм», «Добровольное членство в кооперации», «Задачи кооперации», «Кооперация и XIV съезд РКП(б)», «Промысловая кооперация в России»²⁶.

Региональный компонент кооперативного образования в техникуме обеспечивал кружок по изучению промышленности и хозяйства местного края, который действовал с октября 1923 до марта 1924 года. Руководителем кружка являлся заведующий техникумом В. М. Парфенов. В кружке состояло 33 человека, удалось выпустить один номер журнала «Известия кружка». За пять месяцев работы было проведено 10 общих собраний для учащихся техникума, прочитано 12 докладов. В подготовке и чтении докладов принимали участие сами учащиеся, преподаватели (В. М. Парфенов, П. И. Орфинский) и «специалисты в экономическо-хозяйственной области». Они рассказывали о состоянии промышленности и сельского хозяйства, выступали с докладами «Кооперация в Карелии», «Кооперация и ее виды»²⁷.

20 сентября 1924 года был организован краеведческий кружок, с 10 декабря 1924 года – кружок изучения местного края. В 1924/25 учебном году он объединял 62 человека. Наиболее активным членам кружка выдавались удостоверения. На заседаниях кружка обсуждались различные вопросы, касавшиеся развития народного хозяйства края. Среди них: Государственная и частная торговля в Карелии; Промысловая кооперация и ее будущее в Карелии; Сельхозбанк, кредитные товарищества и их задачи в Карелии; Конъюнктура карельского рынка; Сельскохозяйственная кооперация и ее значение; Потребительская кооперация и ее значение²⁸. Так, на заседании 11 апреля 1925 года прозвучал доклад «Сельскохозяйственная кооперация Карелии и ее значение». Докладчик доказывал, что «сельскохозяйственная кооперация – это организующее начало, пропитывающее своим влиянием могучую толщу бесформенной крестьянской массы». В докладе освещалась история кооперации в крае, рассказывалось о сельскохозяйственных обществах (СХО) Повенецкого уезда в начале XX века, в том числе о работе Даниловского СХО по улучшению молочного хозяйства и Покровского СХО, имевшего опытные поля. Члены

кружка получили сведения о сельскохозяйственной кооперации Карелии и деятельности Олонецко-Карельского краевого союза сельскохозяйственных и производительно-промышленных кооперативов (Крайсоюза)²⁹.

Для учащихся устраивались экскурсии на промышленные предприятия Петрозаводска и окрестностей: в кузнечный, прокатный, штамповочный цеха, химическую и механическую лабораторию Онегзавода; на лесопильный, пивоваренный, свечной заводы; кожевенную и спичечную фабрики. Учащиеся под руководством П. И. Орфинского посещали литейный цех и заводской музей Онежского завода, ездили на кирпичный завод. В. М. Парфенов также организовывал экскурсии на Онежский завод, в рентген-кабинет центральной городской больницы, где учащиеся знакомились с рентгеновскими лучами и кварцевой лампой. Преподаватель обществоведения Е. И. Пименова договорилась о посещении квартир рабочих для обследования экономических и бытовых условий их жизни; в беседах с рабочими и членами их семей учащиеся использовали вопросник. По курсу политэкономии при изучении темы «Ремесло в прошлом и настоящем» с целью обследования предприятий Н. Г. Кучепатов устраивал экскурсии в артели сапожников и портных, столярную мастерскую. Иллюстративная экскурсия в переплетную мастерскую и типографию давала возможность наглядной «демонстрации мануфактурного способа производства и роли машин в производстве».

Познавательные и обучающие экскурсии организовались и в процессе изучения спецкурсов. В рамках изучения предмета «Товароведение» О. Я. Наймарк организовала поездку к углевыжигательным печам для «знакомства с процессом получения древесного угля». По предмету «Хранение товаров» В. М. Парфенов проводил экскурсии на пивоваренный завод. С целью упрочения знаний по кооперативному счетоводству преподаватель Соколов организовывал экскурсии в бухгалтерию Петрозаводского центрального рабочего кооператива. Во время поездки в Ленинград в апреле 1925 года учащиеся техникума посетили склады Северо-Западного областного союза потребительских обществ, закрепив тем самым знания по теме «Складское дело». Были организованы поездки на места добычи полезных ископаемых Карелии. Всего в 1924/25 учебном году удалось провести 58 экскурсий³⁰.

Для студентов 2-го и 3-го курсов предусматривалась практика по химии, счетоводству, товароведению и промышленной статистике. Так, в декабре 1925 года некоторые учащиеся 2-го

курса проходили практику в Карельском центральном исполнительном комитете (КарЦИКе), 12 человек с курса были устроены на практику в канцелярию техникума, учреждения Наркомата финансов (Наркомфина) АКССР (Госбанк, Центрокасса, управление лесными доходами и местными финансами, финансово-контрольное управление). Летом 1926 года практика по общему и фабрично-заводскому счетоводству проходила на Онежском заводе, в учреждениях Наркомфина, Наркомпроса, Карельской конторы Ленинградского отделения «Госторга» (Каргосторга), Государственного торгово-промышленного акционерного общества (Карелторга), по торговому и кооперативному счетоводству – в Карсельхозбанке и на базе торговых и кооперативных предприятий АКССР (Карелторг, Каронегсоюз). Студенты, проходившие практику в Каронегсоюзе, Карсельхозбанке и Карельском союзе сельскохозяйственных, кредитных и кустарно-промысловых кооперативов (Карсельсоюзе), записывали результаты выполненных заданий в дневнике, разработанном преподавателем Соколовым³¹.

В свободное от учебы время студенты промышленно-экономического техникума могли записаться в литературный, драматический, политический, шахматный кружки, марксистский (кружок юных коммунистов). Интересно, что политический кружок был организован 23 января 1924 года (на третий день после смерти В. И. Ленина). Его цель – «политическое развитие членов, ознакомление с жизнью в СССР и международным положением мировой революции». Некоторые студенты литературного кружка принимали участие в подготовке и выпуске журнала «Красная мысль». В техникуме действовали ячейки РКСМ / РЛКСМ, Добровольного общества друзей химической обороны и химической промышленности (Доброхим) и Международной организации помощи революционерам (МОПР). Проникнутая марксистско-ленинской идеологией, деятельность кружков и обществ способствовала формированию коммунистического мировоззрения. Неслучайно проходившая весной 1923 года ревизия Наркомпроса РСФСР дала «весьма благоприятный отзыв об общественно-политической работе в техникуме»³².

Промышленно-экономический техникум в Петрозаводске выпускал «специалистов средней квалификации в области торговли и всех видов кооперации для работы в городе и деревне». Изучаемые дисциплины, как и общественно-политическая работа во время учебы, позволяли выпускнику техникума «быть работником-общественником, который будет не бесполезен в областях общественной и политической»³³.

Выпускник техникума как «красный кооператор-экономист» становился самым передовым человеком в деревне или, как тогда говорили, должен был «играть в крестьянстве одну из первых ролей и иметь дело не только с взрослым населением, но и с молодежью». Кроме того, «касаясь всестороннего ряда сторон деревенской жизни», в селах и волостях он фактически являлся «живой смычкой города и деревни»³⁴.

В 1922/23 учебном году выпускников не было. В конце 1923/24 учебного года состоялся первый выпуск – всего семь человек. Из них шесть выпускников собирались дальше учиться в вузах Ленинграда; Левин, Наймарк, Сидоров, Шиф решили поступать в Политехнический институт; Осташков, Тиханович – в Сельскохозяйственный институт. По окончании 1924/25 учебного года промышленно-экономический техникум выпустил восемь специалистов по кооперации и торговому делу. В 1926 году техникум окончили 15 выпускников, из них восемь человек прошли обучение по торгово-кооперативному циклу, четыре – по счетно-финансовому циклу и три – по административно-финансовому циклу. Небольшое количество выпускников объяснялось введением платного образования, поэтому многие студенты без стипендий не могли пройти все курсы обучения в техникуме. В результате в низовой кооперативной торговле по-прежнему трудились «люди, малоподготовленные теоретически и практически, без достаточного широкого кругозора и инициативы». В целом отмечалось «благожелательное отношение местных кооперативных организаций к выпускникам» техникума³⁵.

В Петрозаводском промышленно-экономическом техникуме регулярно происходили изменения форм и сроков обучения. С 1927/28 учебного года был упразднен подготовительный класс, но зато введено 4-летнее обучение, что потребовало пересмотра учебных программ. Руководство промышленно-экономического техникума обратилось к правлению Каронегсоюза с предложением «совместно разработать вопрос о приближении его программы к практической жизни кооперации», а также «об использовании студентов в летней кооперативной практике»³⁶.

Техникум действовал до 1930/31 учебного года включительно. 10 марта 1931 года вышло постановление СНК АКССР «О реорганизации промышленно-экономического техникума». На базе техникума было создано два новых учебных заведения – финансово-экономический и кооперативный техникумы³⁷. Реорганизация тех-

никума была окончена к 1 апреля 1931 года, что завершило историю существования промышленно-экономического техникума в Петрозаводске как профильного образовательного учреждения по подготовке кооперативных кадров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Промышленно-экономический техникум им. А. В. Луначарского в 1920-е годы сыграл важную роль в становлении среднего кооперативного образования в государственной системе СПО Карелии. Создание техникума происходило при участии органов народного образования КТК и АКССР, Главпрофобра РСФСР. Техникум находился на государственном обеспечении. Периодически он получал небольшие средства от торговых и кооперативных организаций. Небольшая численность учащихся техникума в начале его существования и незначительное среди них количество детей пролетарского происхождения послужили поводом для его закрытия в 1923 году. Однако энергичная деятельность заведующего техникумом В. М. Парфенова, его обращение к руководителям АКССР спасли учебное заведение от ликвидации.

Преподавательский состав техникума представлял собой коллектив профессионалов, педагогов с высшим образованием и специалистов высокой квалификации. Преподаватели применяли как традиционные, так и современные для того времени методы обучения, использовали индивидуальные и групповые формы работы учащихся по освоению общеобразовательных предметов и специальных дисциплин, в том числе в области

кооперации и торговли. В программу обучения входило изучение общего и кооперативного счетоводства, видов кооперативных организаций, истории и теории кооперации, товароведения, кооперативной и торговой статистики. Помимо учебных занятий учащиеся посещали кружки. Члены кружка изучения местного края получали дополнительные сведения по истории кооперативных организаций в Карелии. Студенты проходили практику в учреждениях Петрозаводска, на Онежском заводе, торговых и кооперативных предприятиях республики.

Стремление найти оптимальную модель учебного заведения СПО вызывало регулярные изменения форм и курсов обучения в техникуме. Так, в декабре 1923 года был введен торгово-кооперативный цикл. В 1925/26 учебном году открылись торгово-кооперативное и административно-счетово-финансовое отделения. Промышленно-экономический техникум им. А. В. Луначарского был единственным учебным заведением в Карелии по подготовке кооперативных работников. В условиях, когда кооперация провозглашалась «столбовой дорогой к социализму», он приобретал особое значение как кузница кадров для кооперативного сектора экономики Советской России.

Промышленно-экономический техникум им. А. В. Луначарского внес определенный вклад в развитие среднего профессионально-технического образования Карелии, подготовку кадров для кооперативного сектора экономики республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Стратегия развития образования в России до 2036 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://образование.объясняем.рф> (дата обращения 21.11.2025).
- ² Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-660. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 2.
- ³ Там же. Д. 2/14. Л. 17.
- ⁴ Там же. Д. 2/16. Л. 131.
- ⁵ НА РК. Ф. Р-660. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 112; Д. 2/14. Л. 57.
- ⁶ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 10/98. Л. 109.
- ⁷ Там же. Д. 2/16. Л. 19, 39.
- ⁸ Там же. Л. 3.
- ⁹ Там же. Д. 3/23. Л. 15; Д. 2/14. Л. 19.
- ¹⁰ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 3/30. Л. 24; Д. 10/98. Л. 109.
- ¹¹ НА РК. Ф. Р-660. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 14; Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 10/100. Л. 15.
- ¹² НА РК. Ф. Р-660. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 113, 183.
- ¹³ Там же. Д. 2/2. Л. 206, 317.
- ¹⁴ Там же. Л. 208.
- ¹⁵ Там же. Д. 3/27. Л. 14.
- ¹⁶ Там же. Д. 2/16. Л. 138.
- ¹⁷ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 10/100. Л. 13.
- ¹⁸ НА РК. Ф. Р-660. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 112.
- ¹⁹ Там же. Д. 11/126. Л. 91–91 об.
- ²⁰ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 10/100. Л. 15.
- ²¹ НА РК. Ф. Р-660. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 8; Д. 4/35. Л. 1.

- ²² Там же. Д. 4/35. Л. 102.
²³ Там же. Д. 2/2. Л. 208.
²⁴ Ленин В. И. О кооперации // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 373.
²⁵ НА РК. Ф. Р-660. Оп. 1. Д. 3/26. Л. 75, 76.
²⁶ Там же. Д. 4/35. Л. 190, 192.
²⁷ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 10/100. Л. 18.
²⁸ НА РК. Ф. Р-660. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 185; Д. 4/30. Л. 79.
²⁹ Там же. Д. 4/30. Л. 156.
³⁰ Там же. Д. 5/56. Л. 1–10.
³¹ НА РК. Ф. Р-660. Оп. 1. Д. 5/55. Л. 16.
³² НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 10/98. Л. 100; Д. 10/100. Л. 18.
³³ Там же. Д. 10/100. Л. 19.
³⁴ НА РК. Ф. Р-660. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 99.
³⁵ Там же. Д. 10/98. Л. 98; Д. 2/16. Л. 99; Д. 5/50. Л. 5; Д. 5/55. Л. 38.
³⁶ НА РК. Ф. Р-509. Оп. 17. Д. 8/94. Л. 110–111.
³⁷ НА РК. Ф. Р-690. Оп. 6. Д. 3/10. Л. 35.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А н а й к и н а Л. И. Из истории становления и развития профессионального образования в Советском Союзе в 20–30-е годы. М., 1997. 152 с.
2. Б а л д и н С. С. Профессионально-техническое образование в России // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 125–140.
3. Б о г а ч к и н а Н. А. Особенности кооперативного образования: история и современность // Глобальный научный потенциал. 2014. № 4 (37). С. 8–10.
4. Б у л ы г и н а М. В. К вопросу о методологии региональных историко-педагогических исследований // Язык и культура. 2008. № 2. С. 74–85.
5. В е с е л о в А. Н. Профессионально-техническое образование в СССР: Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования. М.: Профтехиздат, 1961. 436 с.
6. Г а г и е в а А. К. Становление системы кооперативного образования в России и на Европейском Севере в 20-е годы XX века // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2009. № 4 (8). С. 32–49.
7. Д а в ы д о в А. Ю. Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. СПб.: Алетей, 2011. 216 с.
8. Ё л г и н а Е. Э. Кооперативное образование: от истоков к современности // Молодой ученый. 2023. № 17 (464). С. 97–99 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/464/101880> (дата обращения 02.12.2025).
9. Ж у р а к о в с к и й В. М. История среднего профессионального образования в России. М.: НМЦ СПО, 2000. 704 с.
10. З а х а р о в с к и й Л. В. Советская модель профессионально-технического образования: актуализация опыта в современных условиях: Монография. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2015. 104 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elar.uspu.ru/bitstream/gu-uspu/20914/1/978-5-8050-0576-4.pdf> (дата обращения 02.12.2025).
11. И г т и с а м о в а Г. Р. Историко-педагогический анализ профессионального образования в России. Н. Новгород: ГХИ ННГАСУ, 2010. 260 с.
12. История кооперативной школы Мордовии: Учеб. пособие / Саранский кооперативный институт МУПК. Саранск, 2003. 131 с.
13. История профессионального образования в России / Под науч. ред. С. Я. Батышева, А. М. Новикова, Е. Г. Осовского. М.: Ассоциация «Профессиональное образование», 2003. 672 с.
14. История среднего профессионального образования в России. М.: Новь, 2000. 704 с.
15. К е в б р и н а О. Б. Кооперативное образование Республики Мордовия: история и современность. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2006. 292 с.
16. К о н д р а т ь е в В. Г. Кооперативный техникум // Карелия: Энциклопедия: В 3 т. Т. 2: К–П. Петрозаводск: ИД «Петропресс», 2009. С. 92–93.
17. К о р н е т о в Г. Б. Историко-педагогическое знание в контексте педагогической теории и практики // Отечественная и зарубежная педагогика. 2011. № 1. С. 68–83.
18. О с о в с к и й Е. Г. Развитие теории профессионально-технического образования в СССР (1917–1940). М.: Высш. шк., 1980. 287 с.
19. Очерки истории профессионально-технического образования в СССР / Отв. ред. С. Я. Батышев. М.: Педагогика, 1981. 351 с.
20. П а в л о в а А. А. Из истории становления кооперативной системы образования в Чувашии // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: Материалы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 12 ноября 2019 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 57–61

21. Педагогика профессионального образования: Учеб. пособие / Под. ред. В. А. Слостёнина. М.: ИЦ «Академия», 2004. 368 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: pavelobraztsov.narod.ru>pos/pos17.pdf (дата обращения 02.12.2025).
22. Попов В. П. Очерки истории среднего профессионального образования России в XX веке. М.: Высш. шк., 2002. 230 с.
23. Сапожникова Н. Д. Об актуальности изучения истории профессионально-технического образования // Правовые и научно-методологические основы развития образования в Российской Федерации: Материалы Всерос. заочной науч.-практ. конф., 20 марта 2015 г. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2016. С. 63–74.
24. Соколова Т. Л. Правовое регулирование в сфере среднего профессионального образования в РСФСР в 1918–1920-х гг. (историко-правовой аспект) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки: Научный журнал. 2020. № 4. С. 161–163.
25. Тополь Ю. А. Средняя специальная школа Карелии в годы второй пятилетки: (1933–1937) // Вопросы экономического, социального и культурного развития Карелии: (1920–1940 гг.). Петрозаводск, 1976. С. 186–210.
26. Филимончик С. Н. Карелия в период советской модернизации 1920–1930-х гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2024. 903 с.
27. Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии (1918–1939). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 150 с.
28. Шевелев А. Н. К проблеме эффективности историко-педагогических подходов // Историко-педагогический журнал. 2018. № 2. С. 74–95.
29. Якимов М. Я. Развитие кооперативного образования в России // Вестник Российского университета кооперации. 2013. № 3 (13). С. 8–14.

Поступила в редакцию 10.12.2025; принята к публикации 26.01.2026

Original article

Elena V. Dianova, Dr. Sc. (History), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
elena-dianowa@yandex.ru

DEVELOPMENT OF COOPERATIVE EDUCATION IN KARELIA IN THE 1920s

Abstract. The article examines the establishment and activities of A. V. Lunacharsky Industrial and Economic College as a base for secondary cooperative education in Karelia in the 1920s. The relevance of the topic stems from the search for effective models of modernization of the secondary vocational education system in order to achieve technological leadership, strengthen economic sovereignty, and ensure sustainable socio-economic development of Russia. Based on the documents of the National Archives of the Republic of Karelia, the article describes for the first time the formation of a system for training mid-level personnel for cooperative and trade organizations of the republic during the NEP years. The purpose and objectives of the publication are to present the formation of secondary cooperative education in Karelia on the basis of A. V. Lunacharsky Industrial and Economic College in the 1920s; to consider the formation and functioning of the technical school; to identify its teaching staff, forms of educational activities for students, and the main disciplines related to the training of cooperative workers at Industrial and Economic Technical College. The study discovered information on the professional and educational level of teachers, as well as the number of students and graduates of the college. The article presents the development of an educational program and courses covering general subjects and specialized disciplines, particularly in the field of cooperation and trade, including the study of commodity science, general and cooperative accounting, types of cooperative organizations, the history and theory of cooperation, and cooperative and trade statistics. Various forms of education and training for future cooperative members (lectures, seminars, excursions, clubs, and practical training and internships) were identified. The article highlights the significant contribution of A.V. Lunacharsky Industrial and Economic College to the development of secondary vocational education in Karelia and its role in training personnel for the republic's cooperative sector.

Keywords: cooperation, cooperative education, industrial and economic college, trade and cooperative cycle, educational programs, personnel training

For citation: Dianova, E. V. Development of cooperative education in Karelia in the 1920s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):71–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1282

REFERENCES

1. Anaykina, L. I. From the history of the formation and development of vocational education in the Soviet Union during the 1920s and 1930s. Moscow, 1997. 152 p. (In Russ.)
2. Baldin, S. S. Vocational education in Russia. *Russia and the Pacific*. 2006;1:125–140. (In Russ.)
3. Bogachkina, N. A. Features of cooperative education: history and modernity. *Global Scientific Potential*. 2014;4(37):8–10. (In Russ.)

4. Bulygina, M. V. Studies on the methodology of historical and pedagogical research on the regional level. *Language and Culture*. 2008;2:74–85. (In Russ.)
5. Veselov, A. N. Vocational and technical education in the USSR: Essays on the history of secondary and lower vocational education. Moscow, 1961. 436 p. (In Russ.)
6. Gagieva, A. K. Formation of the cooperative education system in Russia and the European North in the 1920s. *Historical and Cultural Problems of Northern Countries and Regions*. 2009;4(8):32–49. (In Russ.)
7. Davydov, A. Yu. Members of Soviet city cooperatives during the NEP years. Between “war communism” and socialist reconstruction. St. Petersburg, 2011. 216 p. (In Russ.)
8. Yolgina, E. E. Cooperative education: from origins to modern times. *Molodoy uchenyy*. 2023;17(464):97–99. Available at: <https://moluch.ru/archive/464/101880> (accessed 02.12.2025). (In Russ.)
9. Zhurakovskiy, V. M. History of secondary vocational education in Russia. Moscow, 2000. 704 p. (In Russ.)
10. Zakharovskiy, L. V. The Soviet model of vocational education: updating experience in modern conditions: Monograph. Ekaterinburg, 2015. 104 p. Available at: <https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/20914/1/978-5-8050-0576-4.pdf> (accessed 02.12.2025). (In Russ.)
11. Igtisamova, G. R. Historical and pedagogical analysis of vocational education in Russia. Nizhny Novgorod, 2010. 260 p. (In Russ.)
12. History of cooperative schools in Mordovia: Textbook. Saransk, 2003. 131 p. (In Russ.)
13. History of vocational education in Russia. (S. Ya. Batyshev, A. M. Novikov, E. G. Osovsky, Eds.). Moscow, 2003. 672 p. (In Russ.)
14. History of secondary vocational education in Russia. Moscow, 2000. 704 p. (In Russ.)
15. Kevbrina, O. B. Cooperative education in the Republic of Mordovia: history and modernity. Saransk, 2006. 292 p. (In Russ.)
16. Kondratyev, V. G. Cooperative College. *Karelia: Encyclopedia*. In 3 vols. Vol. 2: K–P. Petrozavodsk, 2009. P. 92–93. (In Russ.)
17. Kornetov, G. B. Historical and pedagogical knowledge in the context of pedagogical theory and practice. *Domestic and Foreign Pedagogy*. 2011;1:68–83. (In Russ.)
18. Osovsky, E. G. Development of the theory of vocational education in the USSR (1917–1940). Moscow, 1980. 287 p. (In Russ.)
19. Essays on the history of vocational education in the USSR. (S. Ya. Batyshev, Ed.). Moscow, 1981. 351 p. (In Russ.)
20. Pavlova, A. A. From the history of the formation of the cooperative education system in Chuvashia. *Current issues in archeology, ethnography, and history: Proceedings of the all-Russian scientific conference (Cheboksary, 12 November 2019)*. Cheboksary, 2019. P. 57–61. (In Russ.)
21. Pedagogy of vocational education: Textbook. (V. A. Slastyonin, Ed.). Moscow, 2004. 368 p. Available at: pavelobraztsov.narod.ru/pos/pos17.pdf (accessed 02.12.2025). (In Russ.)
22. Popov, V. P. Essays on the history of secondary vocational education in Russia in the XX century. Moscow, 2002. 230 p. (In Russ.)
23. Sapozhnikova, N. D. On the relevance of studying the history of vocational education. *Legal and scientific-methodological foundations of the development of education in the Russian Federation: Proceedings of the all-Russian distance scientific and practical conference, 20 March 2015*. Ekaterinburg, 2016. P. 63–74. (In Russ.)
24. Sokolova, T. L. Legal regulation in the field of secondary vocational education in the RSFSR in the 1918–1920s (historical and legal aspect). *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2020;4:161–163. (In Russ.)
25. Topol, Yu. A. Secondary special school of Karelia during the Second Five-Year Plan: (1933–1937). *Issues of economic, social, and cultural development of Karelia: (1920–1940)*. Petrozavodsk, 1976. P. 186–210. (In Russ.)
26. Filimonchik, S. N. Karelia during the period of Soviet modernization of the 1920 and 1930s. Petrozavodsk, 2024. 903 p. (In Russ.)
27. Filimonchik, S. N. Education and enlightenment in Soviet Karelia (1918–1939). Petrozavodsk, 2013. 150 p. (In Russ.)
28. Shevelev, A. N. To the problem of the effectiveness of the historical-pedagogical approaches. *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*. 2018;2:74–95. (In Russ.)
29. Yakimov, M. Ya. Development of cooperative education in Russia. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2013;3(13):8–14. (In Russ.)

Received: 10 December 2025; accepted: 26 January 2026

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА

доктор исторических наук, профессор кафедры публичного и частного права Института экономики и права Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0008-0944-5889; efimova1870@rambler.ru

О СУДЬБЕ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ОКРУЖНОГО НАРОДНОГО СУДА

А н н о т а ц и я . Восстановлена история возникновения и деятельности окружного народного суда в Олонецкой губернии в 1918–1919 годах. Выяснено, что этот суд проработал чуть менее полугода (с 26 июля 1918 по 15 января 1919 года), решив всего 38 уголовных дел. Главными причинами его столь неэффективной работы следует признать: 1) слишком долгое укомплектование состава суда (с 15 марта по 26 августа 1918 года); 2) неудовлетворительную работу органов предварительного следствия; 3) затянувшееся почти на четыре месяца (с 26 июня по 18 октября 1918 года) формирование уездными советами списков народных заседателей, без которых суд не мог приступить к рассмотрению уголовных и гражданских дел; 4) неявку на заседания гражданского отделения заседателей, из-за чего не удалось решить ни одного гражданского дела. Однако мы считаем, что первую причину нельзя сводить лишь к идеологическому неприятию дореволюционными юристами советской власти. Не меньшую роль в этом сыграл экономический фактор: так, на Мурманской железной дороге уволенные по декрету о суде № 1 юристы имели большее по размеру жалование и продовольственный паек, нежели это было бы в суде. Точно так же нельзя объяснять третью и четвертую причины лишь неприязненным отношением населения к окружному суду, состоявшему из классово чуждых советской власти элементов. Уездным советам, как и самому населению, было явно не до суда в условиях жесточайшего продовольственного кризиса и разгоравшейся гражданской войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история Карелии, Петрозаводский окружной народный суд, декреты о суде, советская судебная система

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ефимова В. В. О судьбе Петрозаводского окружного народного суда // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 83–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1283

ВВЕДЕНИЕ

История окружных народных судов обычно излагается в общем контексте создания системы советских судов в первый год существования советской власти. Как правило, исследователи раскрывают содержание первых декретов о суде, которые определяли правовой статус окружных народных судов, причины их появления и ликвидации [2], [5], [9]. В единственной статье, посвященной данным учреждениям, автор более подробно раскрыл все эти аспекты [6]. В региональных исследованиях обычно добавляется, когда был создан и упразднен на их территории окружной народный суд [1: 46–48], [4: 73], [7: 56–57]. По истории советских судов в Карелии имеется лишь одна монография, охватывающая период 1917–1945 годов. Однако в ней вся история Петрозаводского окружного народного суда уместена в одном абзаце [8: 37]. В связи с этим целью данной статьи является восстановление истории этого суда, которая позволит дать пред-

ставление о том, с какими реальными проблемами при его формировании и функционировании столкнулась местная советская власть и почему. Работа написана на основе архивных документов, извлеченных из шести фондов Национального архива Республики Карелия. Большинство из них впервые вводится в научный оборот. Основной метод, применяемый в статье, историко-хронологический.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ОКРУЖНОГО НАРОДНОГО СУДА

Исследователи полагают, что в самый начальный период существования советской власти, несмотря на резкие заявления о полном разрушении старой судебной системы, объявленном в декрете о суде от 5 декабря¹ 1917 года (декрет о суде № 1)², «вольно или невольно происходило ее воспроизведение с некоторыми усовершенствованиями» [5: 25]. Сделано это было уже в декрете о суде № 2 от 15 февраля 1918 года. Благодаря

ему в советскую судебную систему возвращалась вторая судебная инстанция – окружной суд – «для рассмотрения дел, превышающих подсудность местного народного суда» (по декрету о суде № 1 это были уголовные дела, по которым обвиняемому грозило наказание свыше двух лет лишения свободы, а по гражданским делам иск составлял более 3000 рублей). К прежнему названию, правда, было прибавлено «народный». Члены этого суда должны были избираться местными советами (ст. 1), но к занятию должностей судей допускались юристы с дореволюционным опытом (ст. 39)³.

Первый олонецкий губернский комиссар юстиции Б. С. Гаупт только в марте распорядился дать объявление в «Известиях Олонецкого губернского совета» (далее – «Известия») о подаче ему заявлений от желающих быть избранными: 1) в члены Петрозаводского окружного народного суда (далее – ПОНС) «с кратким изложением своей прежней деятельности»; 2) в коллегию правозаступников⁴. Объявление вместе с текстом самого декрета о суде № 2 было опубликовано в газете 12 (№ 32) и 14 марта (№ 33) 1918 года. Однако процесс формирования состава ПОНС растянулся на несколько месяцев. В марте подали прошения А. В. Лихачев⁵, И. В. Абидин, В. М. Тароев; в середине мая, после повторного объявления, откликнулись М. Г. Гершанович и И. И. Францишкевич-Яновский. Однако 14 июня Исполнительным комитетом губернского совета (далее – исполком губсовета) были утверждены Лихачев и Абидин, а от самого губсовета – Н. В. Комаров⁶. 21 июня и 27 июля исполком, выслушав очередные представления комиссара юстиции, утвердил членами ПОНС П. И. Шульгина и В. А. Писарева. В начале августа члены ПОНС получили соответствующие удостоверения⁷. Последним членом суда приказом от 26 августа стал П. В. Неелов⁸. Таким образом, лишь в конце августа 1918 года был окончательно сформирован состав ПОНС. Формально судей стало шесть (требуемый минимум по декрету о суде № 2), но фактически с 8 июля работало только пять, так как в этот день Комаров подал прошение об увольнении⁹.

Длительный подбор кандидатур судей отчасти можно объяснить частой сменой комиссаров юстиции (с 7 мая им стал А. Ф. Копнин¹⁰), но более всего, как докладывал 28 июня Копнин на IV чрезвычайном губернском съезде советов о состоянии судебной системы в Олонецкой губернии, отсутствием опытных юристов, «а все те, которые были раньше судьями, они саботировали»¹¹. Однако саботаж был вызван не только идейными, но и материальными соображениями. На том же съезде Копнин объяснял,

что бывшие судебные деятели не идут служить в суд, так как получают больше жалованья и хлеба на железной дороге, чем получали бы в суде.

Из-за скудости сведений, предоставленных о себе судьями ПОНС, можно только утверждать, что все они по своему происхождению явно не принадлежали к рабочим и крестьянам; только двое имели высшее юридическое образование (точно – Лихачев; предположительно – Шульгин) и только двое относились к местным жителям или долго проживавшим в Олонецкой губернии (Лихачев и Неелов). Таким образом, члены ПОНС по своему происхождению были явно классово чуждыми новому строю, большинство из них не обладали достаточным уровнем образования или судопроизводственным опытом для разрешения сложных уголовных и гражданских дел.

ПРОБЛЕМЫ В РАБОТЕ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ОКРУЖНОГО НАРОДНОГО СУДА

ПОНС приступил к работе, еще не дожидаясь полного укомплектования своего состава. Первое заседание состоялось 26 июня и носило распорядительный характер, так как на нем обсуждались меры, необходимые для начала рассмотрения конкретных дел. В результате было постановлено: 1) просить уездные советы «в одну неделю» сообщить, имеются ли в уезде следственные комиссии, из кого состоят и сколько ими окончено производств, подлежащих направлению в ПОНС¹²; 2) определить «для рассмотрения гражданских дел число заседателей... в 6 человек на каждую неделю года, то есть 312 человек на год; а по уголовным делам – в числе 33 человек на каждый период заседаний»; 3) установить в текущем году в Петрозаводске три сессии: в августе, сентябре и декабре; 4) назначить председателем уголовного отделения П. И. Шульгина, гражданского отделения – А. В. Лихачева, членами первого отделения – Н. В. Комарова; второго – И. В. Абидина.

К протоколу заседания прилагалось особое определение «О способах избрания заседателей». Суд писал, что сделал это в целях

«скорейшего по возможности избрания заседателей для еженедельного рассмотрения гражданских дел всей губернии в месте пребывания суда и заседателей для 3-х сессий по уголовным делам, каковых не было в Петрозаводске уже с сентября 1917 года. В настоящее время гражданских дел накопилось 35; уголовных – 41 (в том числе арестных – 11)».

Далее шли, собственно, сами предложения. Так как в отличие от дореволюционного законодательства теперь даже в гражданском отделении при слушании каждого дела должны были кроме трех постоянных судей присутствовать

четыре народных заседателя, то ПОНС предлагал в случае их неявки или отвода «вызывать еще двух запасных заседателя по особенному списку, но только из тех, кто живет в г. Петрозаводске». Для работы уголовного отделения требовалось присутствие одного судьи и 12 очередных и двух запасных заседателей, но предлагалось списки запасных формировать только из жителей городов. При этом ПОНС особо отмечал, что по декрету о суде № 2 он «вообще не принимает никакого участия в организации состава народных заседателей, поэтому у него остается обязанность лишь вызвать их повестками». В заключение суд просил Олонецкий губернский совет как можно скорее одобрить его предложения и просить уездные советы составить очередные списки¹³. Через два дня после этого нарком юстиции в уже упоминаемом выше докладе IV съезду объяснял депутатам, почему так важно выбрать на местах заседателей, так как без них нельзя открыть окружной суд¹⁴.

3 июля состоялось первое распорядительное заседание уголовного отделения ПОНС. В частности, было определено дополнить представленные следствия по обвинению Р. Ивакова и В. Тиккова¹⁵. 9 июля в «Известиях» было опубликовано объявление о начале работе ПОНС, но с оговоркой, что 11 июля состоится «публичное судебное заседание без вызова сторон для рассмотрения не по существу гражданских дел». В назначенный день это заседание действительно состоялось в составе Лихачева, Шульгина и Абидина¹⁶.

16 июля в общем заседании членов ПОНС вновь рассматривались производства, представленные уголовно-следственными комиссиями. Подробно перечислив все упущения по конкретным делам, суд замечал, что декретами о суде № 1 и 2 разрешено руководствоваться старыми законами и поэтому члены этих комиссий должны им следовать. Право же «творить революционное правосознание» имеют только народные заседатели. Далее ПОНС давал подробные рекомендации этим комиссиям для приведения в порядок материалов следствия¹⁷. Однако ожидать быстрых успехов в этом деле не приходилось – большинство членов этих комиссий, не будучи юристами, не знали Устава уголовного судопроизводства 1864 года.

20 июля был обнародован декрет о суде № 3. Окружные суды сохранялись, но резко сужалась их компетенция: теперь им были подсудны лишь тяжкие уголовные дела (посягательство на жизнь, изнасилование, разбой и бандитизм, подделка денежных знаков, взяточничество и спекуляция), которые до этого рассматривались в ревтрибуналах. Также был сокращен состав гражданского отделения – с трех посто-

янных судей до одного, но при тех же четырех заседателях. Состав уголовного отделения оставался прежним¹⁸.

Но и после принятия этого декрета приступить к слушанию конкретных гражданских и уголовных дел не удавалось все по тем же причинам: 1) уездные уголовно-следственные комиссии задерживали присылку материалов следствий в ПОНС, а если и присылали, то снова с нарушениями следственных процедур; 2) в уездах не торопились составлять списки заседателей. Традиционно задержку с составлением списков народных заседателей исследователи объясняют, ссылаясь на аргументы большевиков о том, что якобы трудящиеся негативно относились к окружным судам [6: 95–96], [9: 90]. Мы же полагаем, что эта проблема в большей степени была спровоцирована переоценкой творцами нового советского суда желаний и возможностей населения участвовать в отправлении судопроизводства. К тому же реализация судебной реформы не была в числе первоочередных задач губернского и уездных советов в 1918 году. Губерния переживала в это время небывалые продовольственные трудности, а в июне началась запись добровольцев в Красную армию для борьбы с интервентами [3: 373, 375, 393].

3 августа в общем собрании ПОНС в присутствии комиссара юстиции Копнина был заслушан доклад председателя уголовного отделения Шульгина о необходимости скорейшего избрания народных заседателей, так как необходимо, во-первых, срочно слушать дела «арестантов»¹⁹; во-вторых, заинтересованные лица постоянно просят о скорейшем рассмотрении их дел. ПОНС констатировал, что этим «правосудие в глазах населения затягивается, переполняя тюрьмы, и грозит уступить свое такое важное дело бесправью и самосудам»²⁰. После этого собрания Шульгин по собственному почину даже ездил в Лодейное Поле, Олонец, Пудож и Вытегру²¹. В ноябре 1918 года, когда между Копниным и Шульгиным возникла нервная переписка по поводу денежных трат во время этих поездок, Шульгин объяснял, что заставило его поехать в уезды. Во-первых, он хотел познакомиться с людьми, с которыми ему «приходится работать», так как он сам и его сотрудники принадлежат «по прежнему времени к разным классам» и после возвращения с военной службы он «не мог даже иметь понятия, что представляют собой новые, выдвинутые рабоче-крестьянской революцией деятели». Во-вторых, эти «деятели были неопытны», поэтому «их надо было наставлять... в трудной следовательской работе». Свое пребывание в Петрограде во время этих разъездов Шульгин оправдывал тем, что посещал Нарко-

мат юстиции и Петроградский окружной суд «за советом и указаниями», а также допрашивал крайне важных свидетелей по «делу Тиккоева», но ездил туда за свой счет²².

Не лучше обстояло дело и в гражданском отделении из-за неявки народных заседателей. В протоколе уже упомянутого выше собрания от 3 августа отмечалось, что гражданские дела лежат в окружном суде без решения «в общей сложности на сумму 505 898 руб. 71 коп.». Среди них есть крупные иски Мурманской железной дороги к подрядчикам, за спиной которых «находятся, как можно полагать, рабочие, ожидающие полного расчета». Собрание констатировало, что ближайшие заседания отделения могут теперь состояться лишь в октябре и декабре, и в заключение просило губернский совет «безотлагательно образовать для составления списков народных заседателей особое совещание»²³.

Только в 20-х числах августа Олонецкий губревком²⁴: 1) утвердил Инструкцию по выбору народных заседателей, выработанную окружным судом еще в конце июня, и разослал ее во все уездные советы; 2) постановил по просьбе ПОНС назначить заседателям суточные в размере, установленном для судей (15 рублей), и оплачивать проезд до суда и обратно²⁵. Очевидно, что губревком был вынужден пойти на это ради привлечения народных заседателей на заседания суда²⁶.

В начале сентября 1918 года началась организация института защиты, без которого невозможно было судопроизводство в окружном суде. 6 сентября губревком одобрил ходатайства И. В. Балашова и А. А. Рыбака²⁷ о зачислении их в коллегию правозаступников, предложив при этом Отделу юстиции опубликовать в «Известиях» обращение ко всем юристам с предложением записываться в эту коллегию, так как незаписавшиеся не будут допущены к защите. 30 сентября и 4 ноября губревком удовлетворил прошения бывших присяжных поверенных, состоявших еще при дореволюционном Петрозаводском окружном суде, И. И. Леви и А. Ф. Коженикова о зачислении их в коллегию²⁸.

10 сентября состоялось совещание по выборам народных заседателей, на котором от ПОНС присутствовали Лихачев и Шульгин, от Олонецкого губревкома – Анохин, от Петрозаводского городского и уездного исполкома – Метелкин и Бекеш. В результате постановили: «по делам уголовным немедленно приступить к составлению очередных списков по г. Петрозаводску и уезду и просить об этом же Вытегорский уездный совет». П. Ф. Анохин заверил членов совещания, что предпримет нужные меры для скорейшего доставления этих списков советами на оставшуюся часть истекающего

года²⁹. Но лишь 24 октября на общем собрании ПОНС было заслушано и принято к сведению отношение исполкома Петрозаводского уездного совета от 21 октября со списком народных заседателей на сессии конца 1918 года. Также на 1919 год были запланированы сессии для рассмотрения уголовных дел: в Петрозаводске – в феврале, августе и декабре; в Каргопольском и Пудожском уездах – в мае; в Вытегре – в июне и ноябре, а сессии по гражданским делам проводить еженедельно по четвергам³⁰. 27 октября 1918 года в «Известиях» был опубликован «список дел, назначенных к слушанию в гражданском отделении в сессию с 31 октября по 2 ноября».

В общем собрании ПОНС 28 октября слушали: 1) предложение председателя суда об увеличении суточного вознаграждения народным заседателям и об участии в рассмотрении гражданских дел судебных исполнителей; 2) доклад Шульгина «о неотложной необходимости выезда в Олонец по слушанию “дела об убийстве с целью ограбления Мартыновых”»³¹. В результате было определено: назначить сессию в Олонце с 23 по 28 декабря в составе Шульгина и Писарева³². Список дел, назначенных к слушанию в уголовном отделении ПОНС в Петрозаводске с 18 октября по 23 ноября, почему-то был опубликован в «Известиях» лишь 16 ноября. Таким образом, наладить рассмотрение уголовных дел удалось лишь с середины ноября 1918 года.

С заседаниями в гражданском отделении дело обстояло хуже. 11 ноября на общем собрании ПОНС его председатель Лихачев заявил о неявке народных заседателей на сессию 31 октября – 2 ноября: из пяти приглашенных явились только два из Петрозаводска и никого из его уезда. Лихачев напомнил, что по Уставу уголовного судопроизводства за неявку следовало бы каждого из заседателей подвергнуть штрафу в 100 руб., но один из них, прибыв в суд 1 ноября, объяснил, что болел и предъявил удостоверение от фельдшера, а остальные двое, как сообщили волостные совдепы, не находились на местах своего жительства. Поэтому было принято решение сложить с неявившихся взыскание³³. 15 ноября Лихачев даже просил губревком освободить его от занимаемой должности «ввиду невозможности исполнять службу по своей должности за неявкою заседателей», но это заявление было решено «оставить открытым»³⁴. Сессия была перенесена на 21–23 ноября³⁵. Очень вероятно, что неявка заседателей была отчасти обусловлена проходившей в октябре – ноябре 1918 года в губернии принудительной мобилизации в Красную армию [3: 393]. Затем состоялось еще три общих собрания ПОНС (25 ноября, 3 и 5 декабря), на которых слу-

шались новые декреты и распоряжения советской власти, обсуждались вопросы о размере вознаграждения суточными и прогонными свидетелей и проведении амнистии³⁶. А в это время на свет появился очередной декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 года «О едином народном суде», в котором окружные суды уже не упоминались³⁷. Впрочем, официальное опубликование декрета состоялось не ранее 8/10 декабря, поэтому о нем еще не знали в губернии и между председателем ПОНС и наркомом юстиции продолжалась текущая переписка. Так, например, 7 декабря Лихачев вновь сообщил Копнину, что со времени открытия сессии гражданского отделения ПОНС 31 октября не состоялось ни одного заседания за некомплект судей, так как народные заседатели, за исключением городских жителей, ни разу в нужном числе не явились, и просил, чтобы на сессии с будущего января Петрозаводский уездный совдеп «совсем не назначал заседателей, а городской назначил бы таковых на каждую из еженедельных с четверга по 5 человек в каждую сессию». Неявку заседателей из уезда Лихачев объяснял «огромностью расстояний» и просил прислать их списки не позже 23 декабря, чтобы успеть разослать повестки³⁸. Кстати, 14 декабря о том же просил Копнина и исполком Петрозаводского уездного совета впредь «до открытия сети советских станций»³⁹.

Но вся эта переписка была уже бесполезной в связи с упразднением окружного суда. Решение было принято на заседании Олонецкого губревкома 13 декабря 1918 года⁴⁰. ПОНС еще продолжил работать в январе 1919 года, сдавая отчеты о своей деятельности и передавая неоконченные дела в народные суды. 15 января члены ПОНС были уволены от должности. 30 января на распорядительном заседании губернского съезда народных судей был заслушан доклад Копнина об организации народного суда в губернии, где он, в частности, заявил: «...Окружной суд, в котором находились прежние юристы, разрешил лишь 38 дел и ничего нового в новый народный суд Советской России не внес»⁴¹. Считаем данную оценку работы ПОНС весьма необъективной, ведь Копнин, как никто другой, знал обо всех проблемах, возникших в ходе деятельности этого суда, которые, впрочем, не зависели от членов суда.

ВЫВОДЫ

Правовой основой существования в Олонецкой губернии Петрозаводского окружного народного суда были декреты о суде № 2 и 3, принятые в 1918 году. Однако этот суд сумел проработать чуть менее полугода (с 26 июня 1918 по 15 ян-

варя 1919 года), решив всего 38 уголовных дел. Главными причинами его неэффективной работы следует признать: 1) растянувшийся почти на полгода (с 15 марта по 26 августа 1918 года) процесс комплектования состава суда; 2) неудовлетворительную работу органов предварительного следствия, которую окружной суд требовал переделывать; 3) затянувшееся почти на четыре месяца (с 26 июня по 18 октября 1918 года) формирование уездными советами списков народных заседателей, без которых окружной суд просто не мог начать рассматривать конкретные уголовные и гражданские дела; 4) неявку на заседания гражданского отделения народных заседателей, отчего отделение так и не смогло рассмотреть ни одного гражданского дела. Каждая из этих причин может быть объяснена, в свою очередь, многими обстоятельствами. Так, например, первую причину, по нашему мнению, нельзя сводить только к бойкоту советской власти бывшими юристами, служившими до октября 1917 года в губернии. Как оказалось, «саботаж» с их стороны был вызван не в меньшей степени экономическими мотивами. На Мурманской железной дороге, где они нашли себе места после увольнения от должности по декрету о суде № 1, было больше жалованье и продовольственный паек. Неудовлетворительная работа уездных уголовно-следственных комиссий была следствием низкого уровня юридической квалификации ее членов, которые просто не знали порядка ведения предварительного следствия, основанного на не отмененном декретами о суде Уставе уголовного судопроизводства 1864 года. Задержку в формировании списков народных заседателей и их неявку на судебные заседания (особенно крестьян) мы бы только в последнюю очередь объяснили недоверием трудящихся губернии к классово чуждым им по своему происхождению членам ПОНС. В гораздо большей степени в этом виноваты сами создатели первых декретов о суде, переоценившие энтузиазм и желание населения участвовать на безвозмездной основе в отправлении судопроизводства. Не способствовало этому и тяжелейшее положение дел в губернии – уездным и волостным советам было явно не до формирования списков народных заседателей, а самим жителям – не до судебных слушаний в условиях жесточайшего продовольственного кризиса, а также постоянных мобилизаций в Красную армию на фоне разгоравшейся гражданской войны. Впрочем, недолгий период существования окружного народного суда был характерен не только для Карелии. Он отражал общую тенденцию становления советской судебной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Все даты в статье даны по новому стилю.
- ² Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 124–126.
- ³ Там же. С. 466–474.
- ⁴ Обязательный институт при суде по ст. 24 декрета о суде № 2.
- ⁵ Бывший председатель Петрозаводского окружного суда, распущенного 26 января 1918 г.
- ⁶ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 8, 10, 11, 15, 16–16 об.; Д. 1/4. Л. 133.
- ⁷ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 628; Д. 8/91. Л. 7.
- ⁸ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 309; Д. 1/1. Л. 24 об.; Д. 8/91. Л. 7; Д. 1/5. Л. 635; Известия. 1918. № 117. 29 июня (офиц. часть).
- ⁹ Формально удовлетворено 9 сентября (НА РК. Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 1/17. Л. 75).
- ¹⁰ Новому комиссару было всего 22 года (Известия. 1918. № 80. 14 мая).
- ¹¹ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 429; Р-29. Оп. 1. Д. 4/69. Л. 123, 130.
- ¹² Ответы из уездных советов стали приходить в июле – августе (НА РК. Ф. 30. Оп. 7. Д. 18/255).
- ¹³ НА РК. Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 1/17. Л. 1, 9–10.
- ¹⁴ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 429; Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 4/69. Л. 123–124.
- ¹⁵ НА РК. Ф. 30. Оп. 7. Д. 18/256. Л. 168, 294.
- ¹⁶ НА РК. Ф. 30. Оп. 7. Д. 18/256. Л. 127.
- ¹⁷ НА РК. Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 19–22; Д. 1/17. Л. 15; Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 459–462.
- ¹⁸ Принят 13 июля 1918 года (Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 16–18).
- ¹⁹ Например, М. Красноухов, обвиняемый в убийстве пяти человек, был заключен в тюрьму 31 октября 1917 года.
- ²⁰ НА РК. Ф. Р-154. Д. 1/7. Л. 25.
- ²¹ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 463, 464; Ф. Р-154. Д. 1/17. Л. 21, 29, 32, 66.
- ²² НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 6/67. Л. 414–415; Д. 6/68. Л. 70–70 об.
- ²³ НА РК. Ф. Р-154. Д. 1/7. Л. 25–26.
- ²⁴ Олонекский губисполком был переименован в Олонекский губревком после вывода 16 июля из его состава левых эсеров; его возглавил П. Ф. Анохин [3: 394].
- ²⁵ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 341–342; Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 1/17. Л. 39, 45.
- ²⁶ Примечанием к ст. 3 декрета о суде № 2 допускалась оплата суточных, но при этом предписывалась «обязательность постепенного перехода к бесплатному несению гражданами государственной повинности по отправлению правосудия».
- ²⁷ Оба – бывшие левые эсеры.
- ²⁸ НА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2/14. Л. 6, 12; Д. 1/4. Л. 574; Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 83. Л. 435–436; Известия. 1918. № 178. 12 сентября.
- ²⁹ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 57–62.
- ³⁰ НА РК. Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 1/17. Л. 92–93.
- ³¹ По этому делу проходили шесть обвиняемых и 72 свидетеля. 4 ноября дело было принято к рассмотрению ПОНС, так как следствие по нему проводил бывший судебный следователь по Олонекскому уезду Б. Л. Гурвич (НА РК. Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 44–57; Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 640).
- ³² НА РК. Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 1/17. Л. 94–95.
- ³³ Там же. Л. 103–105.
- ³⁴ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 2/14. Л. 34.
- ³⁵ Известия. 1918. № 231. 20 ноября.
- ³⁶ НА РК. Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 1/17. Л. 107–119.
- ³⁷ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 97–110.
- ³⁸ НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 610.
- ³⁹ Имелась в виду разрушенная сеть обывательских станций, осуществлявшая до революции перевозку людей и грузов по губернии (НА РК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 641).
- ⁴⁰ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 19/141. Л. 321; Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 7/77. Л. 18.
- ⁴¹ НА РК. Ф. Р-532. Оп. 2. Д. 1/3. Л. 1–7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамовский А. А. Становление советской судебной системы местных и окружных судов на Урале (октябрь 1917 – июнь 1918 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sovetskoj-sistemy-mestnyh-i-okruzhnyh-sudov-na-urale-oktyabr-1917-iyun-1918-g/viewer> (дата обращения 30.11.2025).
2. Видашев И. И. Становление системы правосудия в первые годы Советской власти // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 10–17.
3. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. 994 с.
4. Козлов Д. С. Финансовые и кадровые проблемы формирования и функционирования народных судов Новгородской губернии // Beneficium. 2020. № 3 (36). С. 68–76.
5. Колунтаев С. А. Эволюция советской судебной системы: 1917–1922 годы // Правосудие/Justice. 2022. Т. 4, № 2. С. 18–38.

6. Коссов И. А. Окружные народные суды в судебной системе РСФСР (февраль – ноябрь 1918 г.) // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. № 11. С. 87–96.
7. Очерки истории становления и развития судебной системы на Кольском Севере. Т. 1. Суды Кольского Севера с древнейших времен до середины XX века / А. В. Ковалев, Ю. П. Бардилова, С. М. Седых. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2018. 220 с.
8. Сабанцев А. Н. От революционного правосознания к революционной законности (генезис и эволюция советских судебных органов на примере Карелии). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 157 с.
9. Семенов А. В. Становление системы народных судов РСФСР в 1917–1922 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4-1. С. 87–91.

Поступила в редакцию 16.12.2025; принята к публикации 26.01.2026

Original article

Viktoria V. Efimova, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0009-0008-0944-5889; efimova1870@rambler.ru

THE FATE OF THE PETROZAVODSK DISTRICT PEOPLE'S COURT

Abstract. The article restores the history of the establishment and activities of the District People's Court in the Olonets Province during 1918 and 1919. It reveals that the court operated for just under six months (from 26 July 1918 to 15 January 1919), during which it only adjudicated 38 criminal cases. There were several main reasons for its ineffective operation: 1) the court's composition was delayed significantly (taking from 15 March to 26 August 1918); 2) the preliminary investigation bodies performed unsatisfactorily; 3) the formation of lists of people's assessors by the county councils took nearly four months (from 26 June to 18 October 1918), which prevented the court from proceeding with criminal and civil cases; 4) the absence of civil assessors at the court sessions hindered the resolution of any civil cases. However, we believe that the first reason cannot be solely attributed to the ideological rejection of the Soviet government by pre-revolutionary lawyers. Economic considerations also played a significant role: on the Murmansk Railway, lawyers dismissed under the First Decree on the Courts received higher salaries and food rations than they would have received in the court. Similarly, the third and fourth reasons cannot be solely attributed to public disapproval of the district court, which comprised the representatives of the class inherently alien to the Soviet regime. Both the county councils and the local population were primarily preoccupied with the severe food crisis and the escalating civil war.

Key words: history of Karelia, Petrozavodsk District People's Court, decrees on the courts, Soviet judicial system

For citation: Efimova, V. V. The fate of the Petrozavodsk District People's Court. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):83–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1283

REFERENCES

1. Abramovsky, A. A. The formation of the Soviet judicial system of local and district courts in the Urals (October 1917 – June 1918). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sovetskoy-sistemy-mestnyh-i-okrzhnyh-sudov-na-urale-oktyabr-1917-iyun-1918-g/viewer> (accessed 30.11.2025). (In Russ.)
2. Vidashev, I. I. The formation of the justice system in the early years of Soviet power. *Proceedings of Southwest State University*. Series: History and Law. 2023;13(6):10–17. (In Russ.)
3. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
4. Kozlov, D. S. Financial and personnel issues of formation and functioning of the people's courts of the Novgorod Province. *Beneficium*. 2020;3(36):68–76. (In Russ.)
5. Koluntayev, S. A. Evolution of the Soviet judicial system: 1917–1922. *Pravosudie/Justice*. 2022;4(2):18–38. DOI: 10.37399/2686-9241.2022.2.18-38 (In Russ.)
6. Kossov, I. A. The circuit people's courts into the judicial system of the RSFSR (February – November 1918). *RSUH/RGGU Bulletin*. Series: Economics. Management. Law. 2009;11:87–96. (In Russ.)
7. Essays on the history of the formation and development of the judicial system in the Kola North. Vol. 1. Courts of the Kola North from ancient times to the mid-twentieth century. (A. V. Kovalev, Yu. P. Bardileva, S. M. Sedykh). Krasnoyarsk, 2018. 220 p. (In Russ.)
8. Sabantsev, A. N. From revolutionary legal consciousness to revolutionary legality (genesis and evolution of Soviet judicial institutions: a case of Karelia). Petrozavodsk, 2012. 157 p. (In Russ.)
9. Semenov, A. V. The formation of the people's courts in the Russian Federation 1917–1922. *Bulletin of Vyatka State University of Humanities*. 2012;4-1:87–91. (In Russ.)

Received: 16 December 2025; accepted: 26 January 2026

ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА ВОЛОХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-5486-7740; vavolokhova@yandex.ru

КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ ГОДУНОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Европейский университет в Санкт-Петербурге
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-1253-3886; kgodunov@eu.spb.ru

**«ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА РАЗГОРАЕТСЯ...»: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ
В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В ОКТЯБРЕ 1917 – ЯНВАРЕ 1918 ГОДА**

А н н о т а ц и я . В центре внимания авторов статьи – язык конфликта, который использовали представители различных политических сил в течение первых месяцев после Октябрьского переворота 1917 года. Данная проблема впервые рассматривается на материалах находившейся на периферии революционных событий Олонецкой губернии. На основе анализа прессы, выходившей в столице губернии Петрозаводске, исследованы особенности употребления слов, оформляющих и структурирующих конфликты, проанализированы политические контексты этих высказываний. Авторы приходят к выводу о том, что нахождение компромисса между разными политическими силами в Олонецкой губернии, избежавшей кровавых столкновений в октябре – декабре 1917 года, оказалось невозможным. Как и в центре, в Петрозаводске требование восстановления единства «демократии» звучало очень часто, но речь шла лишь о единстве социалистов. Такое понимание демократии не оставляло возможности для участия «буржуазии» в политической жизни. Умеренные социалисты оказались заложниками своей риторики, что осложняло объединение антибольшевистских сил.

Ключевые слова: революция 1917 года, гражданская война в России, язык конфликта, образы врага, Учредительное собрание, Олонецкая губерния

Для цитирования: Волохова В. В., Годунов К. В. «Гражданская война разгорается...»: политические дискуссии в Олонецкой губернии в октябре 1917 – январе 1918 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 90–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1284

ВВЕДЕНИЕ

История Российской революции не утрачивает своей актуальности на протяжении многих десятилетий. Советские историки детально реконструировали ход событий в разных регионах России, не стала исключением и Олонецкая губерния [8]. Одним из направлений исследования истории революции в современной историографии стало обращение к проблеме культурной подготовки гражданской войны в России. Авторы коллективной монографии «Имя раздора: Политическое использование понятия “гражданская война” (1917–1918)» [3] задались вопросом, находящимся в центре внимания многих гуманитариев: как начинаются гражданские войны? Отправным стал тезис о том, что противоборствующие стороны должны были пройти куль-

турную подготовку к насилию, пережить его в воображении, визуально и риторически его оформить. Был сделан вывод о том, что разнообразное использование понятия «гражданская война» разными политическими силами легитимировало насилие до начала крупномасштабных конфликтов, что усиливало вероятность противостояния внутри государства. На основании изучения языка конфликта в столицах и в регионах с высоким уровнем насилия (от Финляндии до Дона) авторы монографии показывают, что проговаривание гражданской войны стало одним из факторов, ее приблизивших. В данной статье мы постараемся ответить на вопрос: как развивался язык конфликта в местных сообществах, в которых политическая борьба шла не так остро, в частности в Олонецкой губернии?

У историков нет согласия в вопросе об определении начальной точки гражданской войны в России, однако современные исследования показывают, что осенью 1917 года язык гражданской войны получил новые импульсы для развития [3: 432–611], [7]. Это обстоятельство обусловило хронологические рамки статьи, охватывающие период с октября 1917 по январь 1918 года, когда возглавляемый большевиком В. М. Парфеновым новый состав Олонецкого губернского Совета начал последовательно проводить в жизнь декреты ВЦИК и СНК.

В центре нашего внимания – заявления органов губернской власти и общественно-политических организаций, высказывания и публикации их лидеров на страницах периодических изданий, выходивших в столице Олонецкой губернии городе Петрозаводске. Позиция оказавшихся осенью 1917 года в большинстве в Олонецком губсовете эсеров и меньшевиков представлена на страницах «Известий Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов». После перехода Губсовета под контроль большевиков 5 января 1918 года данная газета представляла точку зрения последних. Кадеты в качестве своей трибуны использовали «Вестник Олонецкого губернского земства».

«МОЖЕТ ВОЗНИКНУТЬ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА»

Понятие «гражданская война» активно использовали различные акторы в ходе политических кризисов весны – лета 1917 года в столице, эти политические кризисы можно считать своеобразными лабораториями по выработке языка насилия. Показательно, что понятие «гражданская война» не получило широкого распространения в Петрозаводске. При этом к осени 1917 года и здесь окончательно сформировался язык раскола «буржуазии» и «демократии», под которой понимались «демократические» слои населения, а также социалистические партии, отстаивающие интересы данных слоев [6]. Уже в этот период многие активисты считали компромисс между «демократией» и «буржуазией» (олицетворяемой прежде всего партией кадетов) невозможным [1].

В сентябре – октябре 1917 года не только в столице, но и в Петрозаводске представители различных политических партий обсуждали требование большевиков о переходе власти к Советам. Именно в ходе этих дискуссий петрозаводские эсеры стали чаще употреблять сочетание «гражданская война». В этот период гражданская война рассматривалась как возможный, но еще не реализованный сценарий развития событий. Признавая многочисленные ошибки Временного правительства, лидеры эсеров видели в под-

держке той власти, «которая сконструировалась», путь к спасению страны от гражданской войны. Подразумевалось, что гражданская война начнется между сторонниками революции и контрреволюционными силами, оплотом которых была «буржуазия»¹. Если эсеры и меньшевики концентрировали внимание на необходимости единения демократических сил, то большевик П. К. Аксентьев заявил, что «демократия должна будет дать бой буржуазии, ибо буржуазия так легко не сдается»². Что стояло за словом «бой» – готовность к политической борьбе или вооруженному конфликту, сказать трудно, но очевидно, что некоторые большевики декларировали готовность к решительному подавлению врагов революции.

26 октября в Петрограде II Всероссийский съезд Советов одобрил деятельность Военно-революционного комитета и составленное В. И. Лениным обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам!», в котором объявлялось о переходе всей власти в руки Советов. Делегаты съезда от Олонецкой губернии по-разному отнеслись к смене государственной власти в России: большевик А. А. Копяткевич приветствовал резолюцию съезда, а эсер А. А. Садиков из-за несогласия с ней ушел из зала заседаний в Смольном вместе с полусотней руководителей меньшевиков и эсеров [5: 143].

В столицу Олонецкой губернии в тот же день стали поступать известия о событиях в центре. В этот период представители губернской власти воздерживались от однозначных заявлений. На состоявшемся 27 октября в Петрозаводске объединенном заседании Олонецкого губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, главного дорожного комитета Мурманской железной дороги и представителей солдатских комитетов петрозаводского гарнизона было утверждено Положение, согласно которому высшая правительственная власть в губернии, прежде принадлежавшая губернскому комиссару Временного правительства, теперь передавалась Губсовету. Большинство в нем получили представители эсеров и социал-демократов-интернационалистов, которые заявили о готовности оказать поддержку вновь создающемуся правительству при условии «формальных гарантий созыва в установленный срок Учредительного собрания» [2: 189].

Призыв к единству демократии с этого момента являлся лейтмотивом выступлений представителей партий эсеров и социал-демократов-интернационалистов, утверждавших, что ее раскол утопит в крови всю страну. При этом речь шла не о гражданской войне, а о хаосе и анархии, которые должны быть предотвращены всеми до-

ступными мерами. Эмоциональную картину надвигающегося хаоса нарисовал социал-демократ, городской голова Петрозаводска Ф. И. Прохоров:

«Перед создавшимся переворотом я стою, как перед разбушевавшимся морем. Я боюсь девятого вала. Может быть, он произведет разрушения, но нам придется его пережить, но при этом необходимы мероприятия, предотвращающие контрреволюцию и анархию, должны установить твердую власть»³.

Умеренные социалисты призывали к единению ради спасения революции, однако это единство описывалось лишь как объединение «демократии». Компромисс с буржуазией был невозможен. 27 октября председатель Исполнительного комитета Олонецкого губернского Совета В. М. Куджиев на заседании Губсовета заявил:

«Я возражаю против сотрудничества с теми, с которыми нельзя соединиться <...> Мы должны создать сильную власть – и притом создать быстро. Может возникнуть гражданская война – появится “tertius gaudens” (третий радующийся), который погубит и тех, и других из демократии»⁴.

Таким образом, применительно к ситуации октября 1917 года можно говорить о проговаривании разных сценариев гражданской войны. Если столкновение с буржуазией казалось многим социалистам неизбежным, то перспектива борьбы внутри «демократии» описывалась как окончательное поражение революции. Подобная риторика оказывала влияние на ход дискуссий о реорганизации власти: страх перед гражданской войной использовался как инструмент давления на оппонентов.

«В ОЛОНИИ ТИХО...»

Телеграммы из центральных городов, речи солдат, прибывающих из Петрограда, газеты формировали представление о том, что в столице и некоторых других городах началась гражданская война. Несмотря на то что обстановка в губернии была спокойной и захваты складов и транспортов с продовольствием происходили в разных уголках края, а в Петрозаводске росла социальная напряженность не только из-за трудностей продовольственного снабжения, но и квартирного голода, представители Губисполкома были убеждены, что самого страшного – хаоса – им удалось избежать. Происходящее в Петрограде описывалось как бессмысленное самоуничтожение демократии:

«Снова и снова звучат пушки... Кровавый кошмар гражданской войны продолжается. Тонет в крови все святое, все человеческое, стихли призывные клики свободы и равенства и грозно звучит лишь смрадный го-

лос торжествующего хама – “бей, бей, бей...” <...> Безумие охватило демократию»⁵.

При этом местным социалистам возможность избежать войны в губернии казалась вполне реальной:

«В Олонии тихо. Слабым отзвуком долетают сюда крики сражающихся, лишь из газет мы знаем об ужасах братоубийственной бойни, еще не нарушен наш революционный фронт»⁶.

В условиях острого противостояния большевиков и их противников в центре страны петрозаводские эсеры и социал-демократы призывали к миру:

«Активное побуждение к миру наших ослепленных братьев – наш долг. <...> Пусть виноваты те или другие, пусть в первый момент одни нападали – другие лишь защищались, бойня должна быть остановлена. Массы должны воткнуть штыки в землю – вожди должны столкнуться немедленно. Никто не должен быть подавлен, интересы всей демократии должны быть приняты во внимание. Мы требуем немедленного перемирия, немедленного соглашения. Однородное социалистическое министерство, в которое войдут представители всех социалистических партий, обеих враждующих отрядов демократии, лишь эта власть сможет дать нам гарантии свободы, лишь эту власть мы все сможем назвать своей»⁷.

В то же время призывы к миру внутри «демократии», между большевиками и другими социалистами, соседствовали с констатацией невозможности компромисса с буржуазией.

«УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ – ЯКОРЬ СПАСЕНИЯ»

Противостояние стало особенно острым в ходе предвыборной кампании в Учредительное собрание. В губернии главными претендентами на депутатские мандаты оказались представители эсеров и социал-демократов, с одной стороны, и кадетов – с другой. Верные идеи единения «демократии» и противостояния «буржуазии», социалисты смогли выступить единым блоком, обрушив волну критики на кадетов, обвиняемых в разжигании гражданской войны. Конкуренция за мандаты депутатов заставила участников предвыборной кампании яростно обличать друг друга перед непривыкшим к избирательной борьбе населением. В агитационной листовке за кандидатов списка № 1 эсера А. Ф. Матвеева и социал-демократа-интернационалиста М. Д. Шишкина отмечалось, что

«Олонецкие купцы, богачи и фабриканты хотят провести в Учредительное собрание инженера Мелехова и Дьяконова; Мелехов и Дьяконов называют себя членами партии “Народной свободы”, а на самом деле эта партия защищает интересы не крестьян, не рабочих, не тру-

жеников, а защищает интересы богачей и фабрикантов. Партия народной свободы (иначе их называют кадетами) не защищает крестьян, рабочих и солдат, а борется против крестьян, рабочих и солдат»⁸.

В свою очередь кадеты в ходе избирательной кампании в Учредительное собрание, борясь за голоса избирателей, описывали всех социалистов как единую политическую силу, экстраполируя обвинения большевиков и анархистов в создании хаоса и убийстве «своих русских братьев» фактически на все социалистические партии. Кадеты утверждали, что только победа их кандидатов могла удержать страну от падения в пропасть⁹.

Выборы в Учредительное собрание в ноябре прошли при достаточно высокой для первых в истории страны всеобщих выборах явке. При этом победа оказалась за социалистическим блоком: за М. Д. Шишкина и А. Ф. Матвеева проголосовали 76 % избирателей губернии, за кадетов К. П. Мелехова и М. В. Дьяконова – 22,4 % [4: 362]. Это вселяло оптимизм во многих эсеров и социал-демократов. На митинге в театре «Триумф» 28 ноября председатель Губсовета В. М. Куджиев доказывал, что

«Учр[едительное] Собр[ание] – якорь спасения при создавшихся неустойчивых политических комбинациях... Учр[едительное] Собр[ание] – это тихая пристань, куда может укрыться государственный корабль на время политической непогоды и тем спасти то, что еще не успело погибнуть, что Учр[едительное] Собр[ание] – это оплот организованных форм классово-вой борьбы пролетариата»¹⁰.

Однако здесь прозвучали и другие голоса: большевик Розен закончил свое выступление возгласом «Да здравствует не демократическая республика, а республика Советов Раб[очих], Солд[атских] и Кр[естьянских] Деп[утатов]», что вызвало аплодисменты и шум с разных сторон аудитории¹¹.

В стане проигравших выборы кадетов росло чувство безысходности. События октября ими описывались как безумие, «братоубийственная гражданская война, война всех против всех», смута¹². От статьи к статье в «Вестнике Олонецкого губернского земства» ощущение хаоса и безумия только нарастало:

«Кругом нас разливаются и широкое море-анархии, совершается бессмысленное расчленение России, быстро вырастают самочинные республики и совершенно отсутствует центральная власть. На всем пространстве России царят насилия, злоба, вражда...»¹³

Как и умеренные социалисты, либералы видели избавление от бед в Учредительном собрании: «В Учредительном собрании – вся наша надежда, вся наша вера на лучшее будущее, наше спасе-

ние; без него – рабство, позор и гибель русского народа, без него – наша политическая смерть»¹⁴. Однако в условиях доминирования в Учредительном собрании социалистов остается вопрос, насколько кадеты готовы были идти на компромисс с политическими силами, союз с которыми был разорван еще до выборов.

Таким образом, выборы в Учредительное собрание не принесли ни мира, ни стабильности с точки зрения всех противоборствующих сил. 20–23 декабря рабочие Александровского завода, деревообработчики и солдаты потребовали от Губернского совета полного признания СНК. Это вынудило руководителей Губсовета В. М. Куджиева и Н. В. Комарова подать заявление о выходе из президиума. 4 января 1918 года Олонецкий губсовет на ночном заседании удовлетворил их просьбу и 5 января избрал новый состав губисполкома на основе пропорционального представительства от большевиков, социал-демократов-интернационалистов и левых эсеров. Новый Олонецкий губсовет начал последовательно проводить в жизнь декреты ВЦИК и СНК [4: 364].

После изменения политической ситуации в Петрозаводске и признания СНК «Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» стали рупором большевиков. Уже 10 января на страницах газеты вина за конфликт с большевиками была возложена на те политические партии (прежде всего правых эсеров), которые не признали власть Советов рабочих и солдатских депутатов, декреты Совета народных комиссаров о мире, земле, рабочем контроле, национализации банков и т. д.¹⁵ При этом представители новой власти не обещали скорого мира, признавая неизбежность кровавых столкновений:

«Ни одна революция не совершается без крови; ни одна революция не совершается без жертв; ни одна революция не совершается эволюционным путем, т. е. признанием бюрократией права на власть за народом, а всегда эти два лагеря предварительно вступают в борьбу. Одни из них желают иметь богатства за счет бедных, другие (бедные) стремятся отдать богатство производимым им (богатства)»¹⁶.

В новых условиях известие о том, что утром 6 января Учредительное собрание было разогнано, петрозаводчане в своем большинстве встретили довольно равнодушно, возмущение высказала лишь часть петрозаводской интеллигенции [5: 151].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, язык вражды, сформировавшийся еще до октября 1917 года, получил дальнейшее развитие осенью – зимой 1917 года.

Несмотря на то что Петрозаводску удалось избежать кровавых столкновений, подобных тем, что имели место в Петрограде, Москве, Киеве и других городах России, нахождение компромисса между разными политическими силами оказалось достаточно сложным процессом.

Умеренные социалисты стали заложниками своей риторики: постоянно проговаривая стремление остановить гражданскую войну, они демонстрировали при этом неготовность к компромиссам, четко обозначая врага – «буржуазию». Как и в центре, в столице Олонецкой губернии требование восстановления единства «демократии» звучало очень часто, но речь шла лишь

о единстве социалистических сил, что затрудняло объединение противников большевиков [3: 510]. Как в столице, так и в Олонецкой губернии созыв Учредительного собрания представители противоборствующих сторон описывали как единственный способ выйти из ситуации внутреннего конфликта. При этом, если в октябре 1917 года различные политические силы губернии описывали гражданскую войну как угрозу, которой можно избежать, то разгон Учредительного собрания стал одним из факторов, углубивших раскол. «Гражданская война» – метафора, проговариваемая представителями разных политических взглядов, – стала реальностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Заседание Олонецкого губернского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов 18-го октября 1917 г. // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. 26 октября.
- ² Там же.
- ³ Объединенное собрание Совет Кр. Р. и С. Депутатов, Дор. К-та и представителей от ротных и бат. Комитетов. 27 октября 1917 г. // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. 5 ноября.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Петрозаводск 7 ноября // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. 7 ноября.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Агитационная листовка за кандидатов списка № 1 А. Ф. Матвеева и М. Д. Шишкина по выборам в Учредительное собрание от Олонецкой губернии [Октябрь] 1917 г. // «Отречемся от старого мира»: 1917 год в Олонецкой губернии: выставка документов к 100-летию Революции 1917 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rkna.ru/exhibitions/100_revolution/ (дата обращения 12.10.2025).
- ⁹ Обращение олонцкого губернского отделения партии «Народной Свободы» к населению губернии с призывом голосовать за кандидатов от партии кадетов. Ноябрь. 1917 г. // «Отречемся от старого мира»...
- ¹⁰ Случайный. В «Триумфе» // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 декабря. С. 3.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Соловьев А. Н. Ужасы смутного времени // Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. 15 декабря.
- ¹³ Земская хроника. Отношение служащих Олонецкого губернского земства к переживаемому моменту // Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. 15 декабря.
- ¹⁴ Соловьев А. Н. На защиту Учредительного собрания // Вестник Олонецкого губернского земства. 1917. 30 декабря.
- ¹⁵ Новая власть // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 10 января.
- ¹⁶ Алексеев Ан. Решение ребуса // Известия Олонецкого губернского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 11 января.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Годунов К. В., Волохова В. В. «Демократия» против «буржуазии»: язык политического конфликта в марте – сентябре 1917 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 50–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1145
2. Дубровская Е. Ю. Общественно-политическая ситуация в Олонецкой губернии после октября 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сб. науч. ст.: Материалы всерос. науч. конф., проведенной 27–28 ноября 2020 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. С. 188–198.
3. Имя раздора: Политическое использование понятия «гражданская война» (1917–1918) / Коллективная монография под ред. Б. И. Колоницкого (отв. ред.), К. В. Годунова, А. В. Резника, К. А. Тарасова. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 792 с.
4. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
5. История Петрозаводска: власть и горожане / [А. Ю. Жуков, М. В. Пулькин, Н. А. Кораблев и др.; Науч. ред. к. и. н. А. Ю. Жуков, доц. к. и. н. А. И. Бутвило], Карел. науч. центр Рос. акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск: Ред.-изд. центр Карельского научного центра Российской академии наук, 2008. 373 с.

6. Колоницкий Б. И. «Демократия» как идентификация: К изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению: Сб. материалов междунар. науч. конф., Москва, 4–5 февраля 1997 года. М.: Ин-т Рос. истории РАН, 1997. С. 109–118.
7. Резник А. В. Риторика репрезентации гражданской войны в «Известиях» (октябрь 1917 – январь 1918 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 3 (54). С. 88–100. DOI: 10.17072/2219-3111-2021-3-88-100
8. Шумилов М. И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском Севере России: Историко-географический очерк. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. 95 с.

Поступила в редакцию 16.12.2025; принята к публикации 26.01.2026

Original article

Valentina V. Volokhova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-5486-7740; vavolokhova@yandex.ru

Konstantin V. Godunov, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-1253-3886; kgodunov@eu.spb.ru

**“A CIVIL WAR IS BREAKING OUT...”: POLITICAL DISCUSSIONS
IN THE OLONETS PROVINCE, OCTOBER 1917 – JANUARY 1918**

Abstract. The article focuses on the language of conflict used by the representatives of various political forces during the first months after the October Revolution of 1917. For the first time, this issue is examined based on the materials of the Olonets Province, which was located on the periphery of the revolutionary events. By analyzing the press published in the province’s capital, the city of Petrozavodsk, the authors explore the specific use of words that shaped and structured conflicts and analyze the political contexts of these statements. The authors conclude that it was impossible to find a compromise between various political forces in the Olonets Province, which avoided bloody clashes in October and December 1917. As in the center, the demand for the restoration of the unity of “democracy” was often heard in Petrozavodsk, but it was only about the unity of socialist forces. This understanding of democracy did not allow for the participation of the “bourgeoisie” in political life. Therefore, the moderate socialists were trapped in their own rhetoric, complicating the unification of anti-Bolshevik forces.

Keywords: Russian Revolution of 1917, Russian Civil War, language of conflict, images of the enemy, Constituent Assembly, Olonets Province

For citation: Volokhova, V. V., Godunov, K. V. “A civil war is breaking out...”: political discussions in the Olonets Province, October 1917 – January 1918. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):90–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1284

REFERENCES

1. Godunov, K. V., Volokhova, V. V. “Democracy” vs “bourgeoisie”: the language of political conflict in March – September 1917. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):50–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1145 (In Russ.)
2. Dubrovskaya, E. Yu. The socio-political situation in the Olonets Province after October 1917. *The 1917 Revolution in Russia: new approaches and views: Collection of articles: Proceedings of the all-Russian research conference, 27–28 November 2020*. St. Petersburg, 2021. P. 188–198. (In Russ.)
3. The name of discord: the political use of the term “Civil War” (1917–1918). (B. I. Kolonitsky, K. V. Godunov, A. V. Reznik, K. A. Tarasov, Eds.). Moscow, 2025. 792 p. (In Russ.)
4. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
5. History of Petrozavodsk: authorities and citizens. [A. Yu. Zhukov, M. V. Pulkin, N. A. Korablev, et al.]. (A. Yu. Zhukov, A. I. Butvilo, Eds.). Petrozavodsk, 2008. 373 p. (In Russ.)
6. Kolonitsky, B. I. “Democracy” as identity: A study of the political consciousness of the February Revolution. *The year 1917 in the fate of Russia and the world. The February Revolution: from new sources towards new understanding: Proceedings of the international research conference, Moscow, 4–5 February 1997*. Moscow, 1997. P. 109–118. (In Russ.)
7. Reznik, A. V. Representation rhetoric of the Civil War in “Izvestia” (October 1917 – January 1918). *Perm University Herald. History*. 2021;3(54):88–100. DOI: 10.17072/2219-3111-2021-3-88-100 (In Russ.)
8. Shumilov, M. I. October, intervention, and the Civil War in the European North of Russia: Historiographical essay. Petrozavodsk, 1992. 95 p. (In Russ.)

Received: 16 December 2025; accepted: 26 January 2026

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ДУБРОВСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение нау-
ки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1893-7873; ldubrovskaya@inbox.ru

НА ПОРОГЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: СОБЫТИЯ «КОРНИЛОВСКИХ ДНЕЙ» 1917 ГОДА В ВЫБОРГСКОМ ГАРНИЗОНЕ

А н н о т а ц и я . Статья основана на материалах хранящегося в РГВИА и впервые вводимого в научный оборот следственного дела, проводившегося осенью 1917 года в 42-м армейском корпусе, дислоцированном в Финляндии. Расследование было связано с установлением причин и последствий эксцессов в Выборгском гарнизоне в дни антиправительственного выступления генерала Л. Г. Корнилова против Временного правительства, которые привели к эскалации насилия нижних чинов по отношению к офицерам гарнизона и крепости. Обращение к материалам источника представляется актуальным в связи с общественно-научной полемикой вокруг событий 1917 года, участники которой пытаются определить происходившее как революцию или же как смуту и исследуют механизмы вовлечения рядовых солдат и матросов в акции насилия в условиях взрывной политизации общества на пороге гражданской войны в России. На примере трагических событий в Выборгском гарнизоне показано, что процессы «демократизации» в армии и на флоте приводили к появлению в выборных войсковых комитетах рядовых и нижних офицеров, которые прежде были отчуждены от политической жизни и осваивали ее навыки лишь в ходе революции. Сделано заключение, что недостаточно реализованная возможность поиска общего языка с основной массой рядовых военнослужащих стала причиной оторванности представителей «комитетского класса» от первоначально выразивших им доверие солдат и матросов, а также неспособности оградить офицерский состав как от эксцессов, сопровождавших протестные движения нижних чинов, так и от криминального насилия.

Ключевые слова: революция 1917 года, Выборгский гарнизон, «дело Корнилова», убийства офицеров, следственные материалы

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН, № 124022000029-0.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дубровская Е. Ю. На пороге гражданской войны: события «корниловских дней» 1917 года в Выборгском гарнизоне // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1285

ВВЕДЕНИЕ

Первая мировая война (1914–1918) стала причиной крайне динамичных перемен в состоянии российского общества, в его отношении к государственным и общественным институтам и, как следствие, в настроениях и представлениях моряков и армейцев российских войск, дислоцированных в автономном Великом княжестве Финляндском, на северо-западном рубеже воюющей империи. Общее количество размещенных здесь сухопутных войск в августе 1917 года составило около 100 тыс. человек; вместе с личным составом команд Балтийского флота численность солдат и матросов достигала 125 тыс. человек [13: 173, 180].

Уже в первые месяцы Российской революции 1917 года вслед за социально-политическими изменениями в армейской и флотской среде произошли перемены в культурной и религиозной жизни. В наибольшей мере эти процессы коснулись матросов и солдат как самых массовых участников Первой мировой, повлияв на восприятие ими окружающего мира и сформировав новый политический язык революции, а затем и язык гражданской войны [11: 71–83].

Актуальность данного исследования определяется значимой ролью военного фактора на постимперском пространстве России в XX веке, рассматриваемого в связи с изучением проблемы «человек на войне»¹. В дальнейшей разработке

нуждается ее аспект «революция и человек», обусловленный изменением политических взглядов и позиций участников Первой мировой войны – моряков-балтийцев, солдат и офицеров финляндских гарнизонов – в обстановке общественных потрясений Российской революции 1917 года. Дискуссии исследователей об определениях вооруженных конфликтов и принципах их классификации свидетельствуют о востребованности работ по истории внутренних вооруженных конфликтов. Актуальные для современности задачи прекращения, ограничения, локализации и предотвращения гражданских войн придают особое значение изучению отразившихся в письменных источниках различных аспектов зарождения, ведения и завершения внутренних вооруженных конфликтов [7: 10–13].

Применение историко-антропологического подхода к исследованию социально-культурного измерения войны требует обращения к таким малоизученным или не изучавшимся прежде источникам, как служебно-аналитическая документация военного ведомства, публикации в финляндской русскоязычной военной периодике, письма военнослужащих в редакции выходивших в Финляндии русских газет или же недавно увидевшие свет воспоминания очевидца о пережитом в бывшей великокняжеской столице Гельсингфорсе (Хельсинки) весной – осенью 1917 года².

Особый интерес представляют сохранившиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) материалы следственной комиссии при 42-м армейском корпусе, связанные с установлением причины эксцессов в финляндских войсках в дни предпринятого в конце августа 1917 года антиправительственного выступления генерала Л. Г. Корнилова, который возглавлял тогда русскую армию³. На основе этого источника можно проследить за ходом разворачивавшихся в Выборге трагических событий, которые привели к гибели командира корпуса генерала от кавалерии В. А. Орановского вместе с высшими офицерами гарнизона и крепости.

Как и по всей стране, в финляндских войсках после Февральской революции резко ускорилось накопление «горючего материала» для гражданской войны [8: 22–23]. В советской исторической науке было принято оценивать дислоцированные в Финляндии армейские и флотские части, которые именовались финляндскими войсками, исключительно как «боевой резерв революционного Петрограда»⁴.

Долгое время в отечественной науке доминировал тезис о «петроградочентричности» революционного процесса, и все происходившее

в стране рассматривалось как ответ на импульсы из мятежной столицы, полученные в одностороннем порядке. Современные исследователи отмечают самостоятельную революционную линию, которую осенью 1917 года после подавления корниловского выступления начали проводить матросы балтийских военно-морских баз и солдаты гельсингфорсского гарнизона [1: 261–265], [3: 154–155], [9: 279–281].

Российская революция 1917 года в финляндских гарнизонах и гражданская война 1918 года в Финляндии изучались достаточно активно отечественными и зарубежными историками. В последние годы в исторической науке стал утверждаться подход к осмыслению этих событий и последующих вооруженных конфликтов на постимперском пространстве в качестве единого революционного процесса [4: 41]. Обзор отечественной исследовательской литературы о положении на Балтийском флоте накануне и в дни корниловского выступления приведен петербургскими историками Д. А. Бажановым и Р. А. Бугаевым. Авторы статьи, посвященной изучению института комиссаров революционных органов власти на Балтике, пришли к заключению, что спокойствие, сохранявшееся тогда в Финляндии, объясняется единством позиции этих органов, сумевших преодолеть внутренние разногласия и быстро реагиравших на события в Петрограде [2: 62]. Однако рассмотренные ими обстоятельства гибели офицеров в Выборге все же свидетельствуют о том, что здесь ситуация складывалась не так однозначно.

По наблюдениям профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге Б. И. Колоницкого, до корниловского выступления большинство офицеров стремилось не мешать происходящему, а рядовые, хотя и относились с подозрением к своим офицерам, все еще верили в законность Временного правительства, поскольку его деятельность контролировалась Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, а контроль выборных матросских и солдатских комитетов и комиссаров над штабами символизировал это на местах. «Корниловские дни» радикально изменили ситуацию: упал авторитет командования, рушилась дисциплина. О Корнилове говорили, как до этого о большевиках, что он немецкий шпион. Полный развал армии сопровождался недоверием ко всем офицерам как к потенциальным «корниловцам», любой генерал или офицер оказывался под подозрением, кто-то из них «боялся своих собственных солдат больше, чем противника, желая пережить “смутное время”». Армия перестала быть силой, которая могла предотвратить гражданскую войну [10: 99–113].

Профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова В. И. Голдин подчеркивает, что конфликт между Ставкой командования и Временным правительством, приведший к попытке организации похода войск под командованием генерала Корнилова на Петроград, стал проявлением гражданской войны и «опасным эксцессом, но не более». До широкомасштабного и продолжительного вооруженного конфликта, охватившего страну и направленного на захват и удержание власти, дело тогда не доходило [5: 229–230]. Однако тема гражданской войны активно обсуждалась в обществе сразу же после Февральской революции, а об ее угрозе с особой тревогой писали газеты различных направлений в дни политических кризисов лета 1917 года⁵. В новейшей коллективной монографии петербургских историков, посвященной политическому использованию понятия «гражданская война», Б. И. Колоницкий и К. В. Годунов отметили: точно доказать или опровергнуть вывод о «корниловщине» как о начале гражданской войны (или как о событии, сделавшем такую войну неизбежной) очень трудно. Однако несомненным остается необычайно важное значение «корниловских дней», когда ожидание ее было особенно напряженным. Так называемое «дело Корнилова» сопровождалось противостоянием различных войсковых соединений российской армии. Механизм гражданской войны был запущен, и, хотя выступление мятежного генерала не переросло в боевые столкновения, оно вызвало всплеск политического насилия [6: 324–344].

Как показали Д. А. Бажанов и Р. А. Бугаев, в некоторых случаях комиссары возникших в эти дни чрезвычайных революционных органов, назначенные из Гельсингфорса в команды, части и подразделения, «были склонны потакать вспышкам радикализма личного состава в отношении своих офицеров», что способствовало новым случаям насилия в армии и на флоте [2: 62]. По образному выражению Б. И. Колоницкого, «дело Корнилова» содействовало «созданию инфраструктуры гражданской войны»: в обстановке кризиса «ревкомы производили самозахват ресурсов, устанавливали контроль над транспортом и телеграфом, запасами оружия, вводили цензуру» [10: 110–111].

Снижению общественной напряженности после «корниловских событий» не способствовало появление публицистических изданий, подобных тем, что осенью 1917 года были подготовлены старшим производителем работ 1-го Строительства капитаном А. В. Нищенским, жившим на станции Лумяки. С помощью типограф-

ской машины, купленной в Выборге в частную собственность, он в течение июля – октября сумел выпустить несколько политических брошюр, в том числе с весьма говорящими названиями («Корниловское предательство», «Почему взбунтовались генералы?» и др.)⁶.

Антиправительственное выступление генерала Корнилова, оказавшееся неудачной попыткой установить в России военную диктатуру для ликвидации двоевластия в стране, окончательно подорвало блок между политическими силами умеренных социалистов и либералов. В энциклопедическом издании 2014 года события 27–31 августа представлены как «заговор» консервативных кругов российского общества против демократических органов самоуправления и социалистических партий с целью пресечения деятельности левых радикалов⁷. Споры историков о «деле Корнилова» продолжаются, некоторые, вслед за сторонниками мятежного генерала, утверждают, что он не готовил заговор против Временного правительства. Сложившаяся в войсках ситуация, при которой осенью 1917 года любой генерал или офицер оказывался под подозрением, современной исторической наукой расценивается как трагическая⁸. В дни антиправительственного выступления Верховного главнокомандующего в Выборге и Гельсингфорсе были убиты офицеры, совершенно непричастные к планам Корнилова, а в политическом языке появилось слово «корниловцы» [10: 110–113].

«ОФИЦЕРСКАЯ ШКОЛА ПЛАВАНИЯ»

Известия о выступлении корниловцев были получены в Выборге в полдень 28 августа, когда стало известно содержание нескольких телеграмм, свидетельствовавших о причастности генштаба к «заговору Корнилова». В частности, о переброске 1-й Донской казачьей дивизии из Финляндии на соединение с войсками так называемой Петербургской армии под командованием генерала А. М. Крымова. Как пишет американский историк А. Уайльдман, это повлекло за собой аресты среди высшего командного состава, произведенные местным Советом и армейским комитетом [14: 215]. Во время выборгских событий августа 1917 года готовность нижних чинов прибегнуть к насилию как средству для достижения своих целей проявилась со всей очевидностью. Об этом свидетельствуют обнаруженные в материалах следственной комиссии при 42-м армейском корпусе показания подпоручика Александра Михайловича Разсудовского, с первых дней революции избранного в Выборгский совет рабочих и солдатских депутатов.

Объединенное заседание Выборгского совета, комитетов гарнизона и армейского комитета 42-го корпуса, состоявшееся 28 августа около 14 часов, обязало все войсковые комитеты подчиняться только Совету и корпусному комитету и потребовало установить охрану оружия и привести его в порядок, чтобы в любую минуту быть готовыми выполнять распоряжения революционных организаций. При штабе корпуса вводился контроль за корреспонденцией, а приказы командира корпуса исполнялись лишь в случае, если были санкционированы армейским комитетом или Выборгским советом.

Телеграммой, отправленной в военный отдел Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), заверили, что 42-й корпус и Выборгский гарнизон находятся в его распоряжении: «по первому зову выступим против мятежников, предводимых генералом Корниловым». Председатель армейского комитета меньшевик Алексей Масленников и товарищ председателя Совета А. Заонегин отправились к командиру корпуса В. А. Орановскому, чтобы заявить ему об установленном дежурстве депутатов Совета у аппаратов связи⁹.

Через полмесяца после событий в Выборге подпоручик Разсудовский сообщил следственной комиссии, что узнал о подробностях этой встречи от делегатов, которые 28 августа разговаривали с командиром корпуса, и из выступления прапорщика Масленникова. Генерал Орановский огласил тогда Масленникову и Заонегину все полученные им телеграммы от командующих армий, где выражалась «солидарность действий с генералом Корниловым». Командир корпуса заявил, что сам он присягает Временному правительству и будет подчиняться только временно главнокомандующему, назначенному им вместо Корнилова, а того считает мятежником. Генерал послал телеграммы Временному правительству и ВЦИК, заверив центральные органы власти, что все части корпуса находятся в их полном распоряжении и готовы в любой момент выйти в Петроград для подавления корниловского мятежа¹⁰.

Как сообщалось в телеграмме Орановского на имя генерал-лейтенанта А. Ю. Станкевича, начальника дислоцированной в Финляндии 106-й пехотной дивизии,

«Временное правительство отрешило генерала Корнилова от должности Верховного главнокомандующего. Генерал Корнилов не подчинился этому распоряжению. Переговоры между Временным правительством и генералом Корниловым продолжаются. Все войска присягали Временному правительству и, несмотря на присягу, должны подчиняться тем начальникам, которые этой властью поставлены. О таком моем решении, согласо-

вавшись со взглядом армейского комитета, я телеграфировал Временному правительству»¹¹.

От имени армейского комитета в части корпуса была отправлена информация за подписью Масленникова о том, что генерал Орановский признает высшую власть правительства, что комитет установил контроль в штабе корпуса и что все приказания о передвижении частей будут издаваться с ведома комитета. Войскам предписывалось воздержаться от каких-либо выступлений без распоряжений комитета и уведомить об этом соседние части¹². Общее собрание Выборгского совета, проходившее в переполненном зале, заслушало доклад представителей комитета об их разговоре с командиром корпуса и встретило известия громом аплодисментов.

Утром 29 августа в Выборг приехал подпоручик 509-го Гжатского пехотного полка А. Сасов¹³, направленный в штаб корпуса в качестве комиссара Революционного комитета – чрезвычайного органа управления, накануне созданного в Гельсингфорсе [2: 59]. Согласно показаниям Разсудовского, в то время, когда Сасов докладывал об этом начальнику штаба, в кабинет вошел генерал Орановский и заявил, что никаких комиссаров, помимо присланных Временным правительством, не признает и с Сасовым разговаривать не желает. Командир корпуса телеграфировал в Петроград военному и морскому министру о том, что он удалил из штаба гельсингфорского комиссара. В 10 часов утра Сасов сообщил об этом инциденте участникам совместного заседания исполкома Совета и армейского комитета, которые постановили арестовать Орановского за отказ признать Сасова комиссаром¹⁴.

Прибыв на заседание и узнав, что Сасов не является тем комиссаром Временного правительства, которого ожидали в Выборге, Масленников нашел действия командира корпуса правильными и заметил, что Сасов не должен был являться в штаб без ведома комитета. После оглашения телеграмм от полков с требованием ареста Орановского этот вопрос стали решать голосованием: за арест было подано 12 голосов, против – 14. Однако через полчаса после закрытия собрания по телефону из Гельсингфорса Масленникову сообщили о полученной там телеграмме за подписью подполковника Н. Б. Кюрениуса. В ней излагалось требование обер-квартирмейстера корпуса генерал-майора В. Н. Васильева обеспечить обязательный офицерский контроль над всеми сообщениями, передаваемыми верховному командованию¹⁵.

Содержание этой телеграммы Масленников и другие члены комитета сочли «контрреволюционным» и указывающим на содействие Корни-

лову. Присутствовавшие в здании Совета члены исполнительного и армейского комитетов постановили арестовать Орановского и Васильева, а также коменданта крепости генерал-майора Ф. В. Степанова, подполковника Кюрениуса, старшего военного цензора Арцыбашева и начальника крепостного артиллерийского полка Лебедева. В показаниях Разсудовского отмечено, что список составлялся по заявлениям присутствующих и депутатов «без особого обсуждения» каждого из офицеров, «подлежавших аресту»¹⁶.

В 15 часов председатель армейского комитета Масленников и комиссар Сасов вместе с полуротой вооруженных винтовками солдат Выборгской крепостной минной роты на двух автомобилях отправились в штаб корпуса, где арестовали четырех офицеров, обозначенных в списке первыми. Как свидетельствовал Разсудовский, на объявление об аресте командир корпуса спокойно улыбнулся и спросил: «Почему?». Масленников заявил, что «имеются неопровержимые доказательства о причастности Орановского и других к контрреволюционному заговору Корнилова», однако все офицеры были спокойны и выражали удивление по поводу причин ареста.

Когда арестованные выходили из штаба, присланный за ними автомобиль окружила толпа солдат вперемешку с охранявшей его полуротой. По словам очевидца, «толпа была в повышенном настроении и требовала, чтобы арестованные шли пешком», но Масленникову удалось убедить собравшихся в бессмысленности такого требования. Командир корпуса просил применить к нему домашний арест, но комиссар Сасов был категорически против. Арестованных решили поместить на гауптвахту, весь путь к месту заключения толпа следовала за автомобилем. Здесь Сасов потребовал, чтобы арестованных посадили в солдатский карцер. Генерал Орановский оказался в одиночной камере, трое других офицеров находились вместе. Масленников вернулся на заседание Совета и доложил, что постановление исполнено¹⁷.

Через четверть часа дежурный офицер передал с гауптвахты, что толпа солдат ломится в здание и кричит о самосуде. Часть депутатов во главе с Масленниковым отправилась к гауптвахте, а оставшиеся стали обсуждать вопрос о мерах по ее охране. Разсудовский предложил немедленно отправить туда конный караул от 14-го Уланского полка или из казаков, но предложение отклонили, опасаясь спровоцировать столкновение с солдатами. Решено было послать роту пехотинцев или артиллеристов. Тут стало известно,

что комендант крепости Степанов, генерал-майор Васильев и подполковник Кюрениус «были вытаснены толпой из помещения гауптвахты, зверски избиты поленьями дров и брошены с моста в залив».

Члены исполкома и армейского комитета вместе с Сасовым немедленно на трех автомобилях выехали на место трагедии, уговаривали толпу разойтись и не совершать самосуд над генералом Орановским. Однако, несмотря на их популярность, толпа не расходилась. Слышались выкрики: «Совет все равно арестованных выпустит, и они, как бывший комендант Петров¹⁸, получают высшие командные должности». По словам Разсудовского, «три четверти толпы были согласны с доводами членов Совета, что надо расходиться, но меньшая часть» – «кучка в 10–15 солдат» продолжала кричать, что не согласна оставить офицеров на гауптвахте, что Совет укрывает офицеров, поэтому «надо и Совет разгромить». После увещательных речей депутатов толпа как будто собралась разойтись, но, как только отъехал автомобиль, трое-четверо солдат ворвались в помещение и вытащили генерала Орановского. Подпоручик Разсудовский заключает свои показания:

«Среди кучки озверевших я видел серых солдат-бородачей из пьяной праздничной русской деревни, посторонних лиц, провокаторов, или лиц, подсланных неприятелем, не замечено»¹⁹.

Он сообщил, что о случившихся в тот же день убийствах командиров и других офицеров ему «лично ничего не известно, кроме слухов, что полковник Бородин и поручик Куксенко утоплены с балластом, а при убийстве полковника Максимовича пропал бумажник с деньгами»²⁰. Материалы расследования убийства военного инженера полковника И. М. Максимовича, начальника инженеров и строителя Выборгской крепости, свидетельствовали, что это было уголовное преступление, совершенное в момент охватившего Выборгский гарнизон угара самосудов²¹.

По сведениям, приведенным московским исследователем М. И. Капустиным, 29 августа в Выборге были сброшены в воду с Абоского моста и расстреляны 11 полковников и генералов²². Эта расправу нижние чины издевательски называли «офицерская школа плавания». Тех, кто пытался спастись, расстреливали в воде. Кроме офицеров, арестованных одновременно с командиром корпуса, солдаты убили командира Выборгской крепостной минной роты подполковника И. И. Бородина и его адъютанта подпоручика Куксенко, полковника Дунина и подполковника Н. Хапцова, полковника Карповича и подпол-

ковника Глинздича²³. Имеющиеся в распоряжении источники позволяют говорить о 15 жертвах солдатского самосуда, происходившего как в самой крепости, так и в других местах города и его окрестностях [12]. Как подчеркивают Д. А. Бажанов и Р. А. Бугаев, эти трагические события послужили поводом к дальнейшим убийствам офицеров. Основываясь на сентябрьской публикации 1917 года в газете «Петроградский листок», авторы отметили, что, по оценке журналистов, в Выборге погибли 22 офицера [2: 62].

Вопреки распространенному в советской историографии утверждению об определяющем влиянии большевистского слова на солдатские и матросские массы в период «корниловщины», факты уголовных преступлений такого рода вынуждали исследователей признать, что «призывы большевиков к организованности в некоторых случаях не имели воздействия»²⁴. По словам Разсудовского, существование в Выборге двух комитетов – «армейского и Совета» – очень невыгодно отражалось на их деятельности, поскольку каждый считал себя облеченным большими правами и властью. «Отношения между этими двумя комитетами были невыяснены, от большевиков приходилось слышать, что армейский комитет – учреждение мелкобуржуазное»²⁵.

В тот же день, 29 августа, в части 42-го корпуса поступила телеграмма из Выборга, в которой говорилось:

«Получено уведомление, что у Корнилова войска не много, и те идут за ним вследствие обмана. Вся армия верна Временному правительству и Центральному комитету в Петрограде. Наступает везде успокоение. Революционный комитет в Выборге и армейский комитет призывает все части к спокойствию. Командир корпуса отстранен и заменен Елизаровым. Ждите наших распоряжений и уведомлений. Удерживайте всех от самочинных действий»²⁶.

Телеграмму подписали временно назначенный командующим корпусом штабс-капитан М. М. Елизаров, председатель Революционного комитета Богданов и прапорщик А. Масленников.

30 августа на места было отправлено распоряжение за подписью Елизарова, заверенное полковником Шнабелем, исполнявшим должность начальника штаба корпуса, и членами революционного комитета. «Печальные события 29 августа в Выборге» названы в нем «результатом бессознательности и неорганизованности солдат», который помогает «не революции и свободе, а врагам». Новый командир корпуса, облеченный доверием как Выборгского совета рабочих и солдатских депутатов, так и армейского комитета, заявил, что во избежание «эксцессов

и беспорядков» никакие «самочинные действия» без ведома полковых, бригадных, дивизионных, армейских комитетов и Советов недопустимы.

За самочинные аресты, а тем более за расстрелы виновных ждало наказание по всей строгости закона. «Всякие попытки расстрелов будут пресекаться самым решительным образом и всеми имеющимися у демократических организаций и у меня средствами», – предупредил Елизаров²⁷. Решения об арестах отныне могли выносить солдатские комитеты не ниже полкового уровня.

Сразу после подавления корниловского выступления Керенский утвердил Елизарова в должности командира корпуса, а правительственным комиссаром при 42-м армейском корпусе был назначен член ВЦИК меньшевик Н. Д. Соколов. Новый командир вменял в обязанность частям корпуса немедленно и «независимо от Гельсингфорсского революционного комитета» исполнять его приказы²⁸. Об этом же председатель армейского комитета А. Масленников и А. М. Разсудовский как член исполкома Выборгского совета дополнительно проинформировали начальника 14-й кавалерийской дивизии в Вильманстранде (Лаппеенранта).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нельзя не согласиться с наблюдением Б. И. Колоницкого, что «всякий серьезный политический кризис чреват революцией», а «любая революция – потенциальная гражданская война». Поэтому, предчувствуя ее, общество противится братоубийственному конфликту и старается погасить очаги войны [10: 107]. Уже накануне выступления мятежного генерала в русских войсках, дислоцированных в Финляндии, слышны были тревожные звоночки – предвестники скорых трагических потрясений. Как видно из переписки начальника 2-й отдельной Прибалтийской конной бригады со штабом 42-го армейского корпуса, еще до «корниловских событий» в штаб поступило донесение из Гамла Карлебю о том, что 25 августа здесь ожидается выступление против офицеров. По распоряжению командира корпуса Орановского эти сведения проверялись контрразведывательным отделением в Николайстаде (Вааса). Однако в начале сентября 1917 года начальник бригады генерал-майор Прокопе доложил в штаб корпуса, что по отношению к офицерам никаких эксцессов в Николайстаде не было.

Следует отметить, что «дело Корнилова» было быстро ликвидировано и не представляло реальной опасности существовавшему порядку. И все же оно оказало огромное влияние на последующие события, на решение вопроса о госу-

дарственной власти, которую солдаты и матросы еще считали «своей», вопреки ее неправильным, с их точки зрения, действиям. Когда Корнилов выступил против правительства и законного «революционного вождя» Керенского, моряки и армейцы уже были готовы к революционным действиям. Если комитеты были активными, то рядовые военнослужащие их поддерживали, но, когда те медлили, нижние чины действовали самостоятельно. Они ставили охрану у штабов, следили за сообщениями телеграфа и радио, чем зачастую мешали работе связи, арестовывали подозрительных лиц, препятствовали передвижению войск [10: 118–119].

Сразу после Февральской революции 1917 года солдаты и матросы на волне всеобщего «единения» первоначально делегировали право представлять свои интересы наиболее подготовленным для этого «романтикам революции» из среды образованных военных. К лету 1917 года все больше стало давать о себе знать непонимание между «революционными интеллектуалами» и нижними чинами, не имевшими мандатов и полномочий. Это явилось одним из спусковых крючков дальнейшего «углубления» революции и массовой радикализации выборных демократических организаций в финляндских войсках. Определенный кризис наметился и внутри самого «комитетского класса» (термин, использованный специалистом по заключительному периоду истории императорской российской армии

А. Уайльдманом применительно к сообществу членов военных комитетов, прежде всего комитетчиков действующей армии) [8: 17].

Недостаточно реализованная возможность поиска общего языка с основной массой рядовых военнослужащих – одна из причин оторванности «революционных интеллектуалов» из комитетских организаций от солдат и матросов финляндских войск. Из показаний подпоручика А. М. Разудовского следственной комиссии 42-го армейского корпуса становится очевидной нерешительность местных революционных властей, которые не ожидали стихийных выступлений нижних чинов и не смогли противостоять нападению на офицеров, пользовавшихся всеобщей известностью и уважением Выборгского гарнизона. Подтверждением тому стала ситуация, когда «едва не был арестован сам председатель армейского комитета Масленников» [2: 62]. Это делает активистов «комитетского класса» во многом ответственными за кровавые эксцессы в Выборге, ударившие по офицерам гарнизона и крепости во время выступления генерала Корнилова.

Влияние Российской революции 1917 года на события гражданской войны настолько велико, что их невозможно отделить друг от друга. Выборгские события «корниловских дней» стали этапом единого процесса, связавшего переменный переломного времени весны – осени 1917-го с последовавшим гражданским противостоянием в российском и финляндском обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. М., 2015; Думова Н. Г. Кончилось ваше время. М., 1990; Зимица В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны. 1917–1920. М.: РГГУ, 2006; Иванов Н. Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977; Иоффе Г. З. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989; Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М., 2009; Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917–1918 гг. М., 1986; Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1989; Смолин А. В. Корниловский мятеж и миссия В. Н. Львова // Рабочий класс России, его союзники и политические противники. Л., 1989. С. 289–296; Черняев В., Розенберг У., Актон Э. Критический словарь русской революции. СПб., 2014 и др.
- ² Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны: 1914–1917. М.: Кучково поле, 2016. 320 с.
- ³ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2262. 42-й армейский корпус. Оп. 8. Д. 151.
- ⁴ Киуру М. Х. Боевой резерв революционного Петрограда. Из истории русских большевистских организаций в Финляндии. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1965. 223 с.
- ⁵ См. об этом: Годунов К. В., Волохова В. В. «Демократия» против «буржуазии»: язык политического конфликта в марте – сентябре 1917 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 50–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1145; Годунов К. В., Шумяков Р. А. Язык гражданской войны весной 1917 года // Имя раздора: Политическое использование понятия «гражданская война» (1917–1918) / Под ред. Б. И. Колоницкого, К. В. Годунова, А. В. Резника, К. А. Тарасова. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 112–199; Тарасов К. А., Шумяков Р. А. Политические кризисы лета 1917 года и использование понятия гражданская война // Там же. С. 215–295.
- ⁶ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 8. Д. 32. Л. 25–26 об.; Нищенский А. Полный сборник программ всех политических партий в России. Лумяки (Финляндия): Издание типографии «Воля», 1917; Нищенский А. Почему взбунтовались генералы? Лумяки (Финляндия): Издание типографии «Воля», 1917.
- ⁷ Мятеж корниловский // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. / Отв. ред. А. К. Соколин. Т. 2. М.: Полит. энциклопедия, 2014. С. 465.

- ⁸ Подробнее см.: Бажанов Д. А. Гельсингфорс в дни корниловского мятежа: слом «революционной демократии» на Балтийском флоте? // Политическая история России XX века: к 85-летию профессора В. И. Старцева: Сб. науч. тр. СПб.: РГПА им. А. И. Герцена, факультет социальных наук, 2016. С. 265–274; Колоницкий Б. И., Годунов К. В. «Корниловщина» как гражданская война // Имя раздора: Политическое использование понятия «гражданская война» (1917–1918). М., 2025. С. 303–305.
- ⁹ Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа / Отв. ред. Д. А. Чугаев. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 497.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 8. Д. 151. Л. 39–39 об.
- ¹¹ Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии, коллекция «Русские военные бумаги», далее – КА). Д. 340. Приказ по 106-й пехотной дивизии от 29 августа 1917 г.
- ¹² КА. Д. 9051. Телеграмма армейского комитета в Торнеоское комендантское управление; Д. 340. Приказы по 421 Царкосельскому полку (нумерация листов отсутствует).
- ¹³ Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 6 сент.
- ¹⁴ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 8. Д. 151. Л. 40.
- ¹⁵ Казанцев Д. Л. Указ. соч. С. 141.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 8. Д. 151. Л. 41 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 41.
- ¹⁸ Александр Карпович Петров (1856 – не ранее 1918), генерал от инфантерии, герой русско-турецкой войны 1877–1878 годов, комендант Выборгской крепости (1909–1917).
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 8. Д. 151. Л. 41 об.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 34.
- ²² Капустин М. И. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М.: Госполитиздат, 1957. С. 154.
- ²³ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 8. Д. 151. Л. 5, 7, 16, 52.
- ²⁴ Капустин М. И. Указ. соч. С. 154.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 8. Д. 151. Л. 42.
- ²⁶ Там же. Л. 1.
- ²⁷ Там же. Л. 2–2 об.
- ²⁸ Там же. Л. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажанов Д. А. Службные будни балтийских дредноутов (1914–1917 гг.). СПб.: Астерион, 2022. 384 с.
2. Бажанов Д. А., Бугаев Р. А. Деятельность комиссаров революционных органов власти в Финляндии в период подавления выступления Л. Г. Корнилова // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2020. № 22 (1-2). С. 55–65.
3. Бугаев Р. А. Влияние Областного комитета Финляндии на армию в момент Октябрьского вооруженного восстания // Клио. 2025. № 6 (222). С. 153–157. DOI: 10.24412/2070-9773-2025-6222-153-157
4. Гагкуев Р. Г. Гражданская война: конфликт без хронологии? // Российская история. 2019. № 1. С. 37–42. DOI: 10.31857/S086956870004218-0
5. Голдин В. И. Гражданская война в России: осмысление сквозь столетие: В 2 т. Т. 1. М.: Кучково поле, 2025. 736 с.
6. Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2024. 456 с.
7. Колоницкий Б. И. Введение // Имя раздора: Политическое использование понятия «гражданская война» (1917–1918) / Под ред. Б. И. Колоницкого, К. В. Годунова, А. В. Резника, К. А. Тарасова. М.: Новое лит. обозрение, 2025. С. 7–25.
8. Колоницкий Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–24. DOI: 10.31857/S086956870004216-8
9. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дм. Буланин, 2001. 349 с.
10. Колоницкий Б. И. Семнадцать очерков по истории российской революции. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 144 с.
11. Тарасов К. А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в петроградском гарнизоне (февраль 1917 г. – март 1918 г.). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 376 с.
12. Dubrovskaja E., Westerlund L. “Upseerienuimakoulu”. Viipurin upseerisurmat syyskuussa 1917 // Venäläissurmat Suomessa 1914–1922. Osa 1. Sotatapahtumat 1914–1922 / Toim. L. Westerlund. Valtioneuvostonkanslianjulkaisusarja. 1/2004. S. 185–216.
13. Nährri M. Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana // Venäläiset Suomessa: 1809–1917. Historiallinen Arkisto. Vol. 83. Helsinki, 1984. S. 161–180.
14. Wildman A. K. The end of the Russian Imperial Army. Vol. 2: The road to the Soviet power and peace. Princeton; New York, 1987. 443 p.

Elena Yu. Dubrovskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1893-7873; ldubrovskaya@inbox.ru

ON THE BRINK OF THE CIVIL WAR: THE EVENTS OF THE 1917 “KORNILOV DAYS” IN THE VYBORG GARRISON

Abstract. The article is based on materials from the Russian State Military Historical Archive and for the first time introduces into scientific circulation the investigative case conducted in the fall of 1917 in the 42nd Army Corps stationed in Finland. The investigation examined the causes and consequences of excesses within the Vyborg garrison during the days of the anti-government rebellion led by General Lavr Kornilov against the Provisional Government. This unrest resulted in an escalation of violence by lower-ranking soldiers against officers of the garrison and fortress. Exploring these archival sources is particularly relevant amid ongoing social and scholarly debates surrounding the events of 1917. Participants of this discourse are trying to determine whether these events constituted a revolution or confusion and to explore the mechanisms for involving ordinary soldiers and sailors in violent actions amid the society’s explosive politicization on the eve of the Russian Civil War. Using the example of the tragic events in the Vyborg garrison, the article demonstrates that processes of “democratization” within the army and navy led to the emergence in elected military committees of ordinary soldiers and lower-ranking officers who were previously alienated from political life and mastered political skills only during the revolution. It is concluded that the insufficiently realized possibility of finding a common language with the bulk of ordinary servicemen was the reason for the isolation of the “committee class” representatives from the soldiers and sailors who initially expressed confidence in them. This disconnect hindered their capacity to protect officers from the excesses accompanying the protest movements of lower ranks and from criminal violence.

Key words: Russian Revolution of 1917, Vyborg garrison, “Kornilov case”, killings of officers, investigative materials

Acknowledgements. The article was written as part of the state research project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Project No 124022000029-0).

For citation: Dubrovskaya, E. Yu. On the brink of the Civil War: the events of the 1917 “Kornilov days” in the Vyborg garrison. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1285

REFERENCES

1. Bazhanov, D. A. Working days of the Baltic dreadnoughts (1914–1917). St. Petersburg, 2022. 384 p. (In Russ.)
2. Bazhanov, D. A., Bugaev, R. A. Activities of the commissars of the revolutionary authorities in Finland during the suppression of Lavr Kornilov’s address. *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Yevropy*. 2020;22(1-2):55–65. (In Russ.)
3. Bugaev, R. A. The influence of the Regional Committee of Finland on the army at the time of the October armed uprising. *Klio*. 2025;6(222):153–157. DOI: 10.24412/2070-9773-2025-6222-153-157 (In Russ.)
4. Gagkuev, R. G. Civil War. Conflict without chronology? *Rossiyskaya istoriya*. 2019;1:37–42. DOI: 10.31857/S086956870004218-0 (In Russ.)
5. Goldin, V. I. Russian Civil War: comprehension through the century: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2025. 736 p. (In Russ.)
6. Dubrovskaya, E. Yu. Russian servicemen in Finland during World War I (1914–1918). Petrozavodsk, 2024. 456 p. (In Russ.)
7. Kolonitsky, B. I. Introduction. *The name of discord: Political use of the concept of “civil war” (1917–1918)*. (B. I. Kolonitsky, K. V. Godunov, A. V. Reznik, K. A. Tarasov, Eds.). Moscow, 2025. P. 7–25. (In Russ.)
8. Kolonitsky, B. I. From the World War to civil wars (1917?–1922?). *Rossiyskaya istoriya*. 2019;1:3–24. DOI: 10.31857/S086956870004216-8 (In Russ.)
9. Kolonitsky, B. I. Symbols of power and the struggle for power: studying the political culture of the Russian Revolution of 1917. St. Petersburg, 2001. 349 p. (In Russ.)
10. Kolonitsky, B. I. Seventeen essays on the history of the Russian Revolution. St. Petersburg, 2017. 144 p. (In Russ.)
11. Tarasov, K. A. Soldier Bolshevism. Military organization of the Bolsheviks and left-radical movement in the Petrograd garrison (February 1917 – March 1918). St. Petersburg, 2017. 376 p. (In Russ.)
12. Dubrovskaya, E., Westerlund, L. “Upseerienuimakoulu”. Viipurin upseerisurmat syyskuussa 1917. *Venäläissurmat Suomessa 1914–1922*. Osa 1. Sotatapahtumat 1914–1922. (L. Westerlund, Toim.). Helsinki, 2004. S. 185–216.
13. Nähri, M. Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana. Venäläiset Suomessa: 1809–1917. *Historiallinen Arkisto*. Vol. 83. Helsinki, 1984. S. 161–180.
14. Wildman, A. K. The end of the Russian Imperial Army. Vol. 2: The road to the Soviet power and peace. Princeton; New York, 1987. 443 p.

Received: 16 December 2025; accepted: 26 January 2026

Научная статья

Этнология, антропология и этнография

DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1286

EDN: ARWSNM

УДК 811.511.11

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ КРЮКОВ

ассоциированный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка
Институт лингвистических исследований Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
kauko@mail.ru

КТО ТАКИЕ СОМРЯКИ?

Аннотация. Сомряки – название этнолокальной группы населения юго-западной части Ленинградской области. Научной литературы о сомряках не существует, а упоминания об этой группе населения вызвали вопросы об их этничности и языке. Сведения о сомряках записаны автором в 1990-х годах у ингерманландских финнов и ижор, в 2000-х годах – в ареале сомряков. В статье приведены этнографические сведения о сомряках, в том числе представления самих сомряков об их связи с бывшей в их местности чуди. Приведена история упоминаний этнонима *сомряки* в русском языке и параллели данного этнонима в прибалтийско-финских языках. Рассмотрены возможные этимологии этнонима *сомряки* и гидронима *Самро*. Статья включает полевые материалы автора.

Ключевые слова: сомряки, вода, ижоры, чудь, ингерманландские финны, этнолокальные группы, этнонимы, топонимы, этимология

Благодарности. Автор благодарит М. Браудзе за техническое содействие, Т. Тупина и М. Муслимова за обсуждение темы при написании этой статьи.

Для цитирования: Крюков А. В. Кто такие сомряки? // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 105–116. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1286

ВВЕДЕНИЕ

В наше время этноним *сомряки* относится к пласту лексики, далекой от современных реалий; в обычной речи его можно услышать, когда говорят о прошлом, это относится к представителям различных этнических групп населения Ингерманландии – русским, финнам, ижорам, воде, эстонцам.

В 1990-х годах автор занимался полевыми исследованиями ономастики и этнографии финноязычного населения Ленинградской области и впервые услышал о сомряках от коренных жителей Волосовского, Гатчинского и Кингисеппского районов, где это название в недавнем прошлом было, по-видимому, общеизвестным. В представлении жителей Ингерманландии сомряки – население обширной местности, в середине которой находится озеро Самро¹; о сомряках говорили как об особой народности, близкой ижорам и «чуди» (води), или как о своеобразной группе русского населения. От жителей Ингерманландии автор слышал об особом «языке сомряков», а также суждения об их активности, занятиях и умениях (эти сообщения относились к началу XX века). В 2006 и 2009 годах автор предпринимал исследовательские поездки к сомрякам.

Необходимость полевых исследований на месте была актуальной ввиду того, что научной литературы о сомряках не существует, а исторические свидетельства о сомряках – весьма лаконичные упоминания, самое раннее из которых относится к XIX веку. Сообщения о сомряках вызвали вопросы об их этничности и об их языке – возникло предположение о существовании в недавнем прошлом неизученной этнической группы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О СОМРЯКАХ

Вопрос происхождения сомряков связан с проблемой чуди – дославянского населения региона. На русском Северо-Западе название *чудь* относилось к носителям прибалтийско-финских языков – предкам эстонцев, води, вепсов и др. В вопросе о сомряках важно, что в XVIII–XX веках *чудь* было названием води. В частности, вода описана как чудь у Ф. Туманского² и Л. Ф. Трефурта (XVIII век)³; в начале XIX века А. Шёгрэн констатирует что *Watialaiset* называются у русских *Tschuden*⁴. В конце XX – начале XXI века русский экзотоним *чудь* относился к центральной и восточной води [4: 179–180].

Исследователи XVIII века, писавшие о води («чуди»), по-видимому, ничего не знали о со-

мряках. Л. Ф. Трефурт в своих трудах «Von den Tschuden» («О чуди», 1783) и «Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden» («Продолжение сообщения о чуди», 1785) говорит только о води и не упоминает о сомряках. Ничего не сообщает о сомряках и Ф. Туманский (1790). Вместе с тем из карты, приведенной в труде Ф. Туманского, следует, что «чюди» (водь) населяли земли как севернее, так и южнее р. Луги – до побережья Чудского озера (рис. 1).

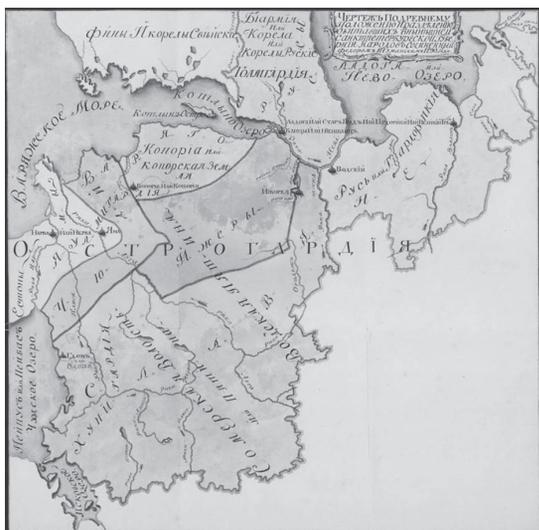

Рис. 1. Часть карты Санкт-Петербургской губернии Ф. Туманского (1790)⁵. Сомерская волость граничит с областью «Чюди» на западе и «Ижеры» на севере. «Ямы» занимают Понаровье и нижнее Полужье

Figure 1. Part of the map of the Saint Petersburg Province drawn by F. Tumansky, 1790. The Somerskaya Volost borders the “Chyudi” region in the west and the “Izhery” region in the north. The “Yamy” occupy the Ponarovyе and the lower Poluzhye

Ефим Андреев, церковный активист и просветитель, местный уроженец (родом из д. Выскатка), написавший «Краткие историко-статистические сведения о церквях и приходах Гдовского уезда» (1865), в разделе «округ Сомро» пишет:

«Жители этого округа принадлежат к двум разным поколениям, отличающимся наречиями. В восточной части, по реке Сабе, и в самой северной, у впадения Сомры в Долгую, живет древнее поколение новгородское, говорящее новгородским наречием. Напротив около озера Сомры и по реке Долгой – народ коренного чудского происхождения, и в деревнях говорят особым наречием, в котором много дикости и поэзии»,

и даже описывает «арбуя» (волхва) в д. Чудиново⁶. Ефим Андреев не употребляет названия *сомряки*, но из дальнейшего повествования понятно, что речь идет именно о них.

Упоминания названия *сомряки* появляются только на рубеже последней четверти XIX века. Из «очерка Ругодивцева» (1873) следует, что «сомряки и сомрячки» населяли окрестности Долоцкого погоста⁷. «Исследователь чуд-

ской истории» Г. Трусман (1884) на основании своих этнографических наблюдений предполагал, что в прошлом территория води занимала значительную часть Гдовского уезда⁸. Трусман описал ряд местных обычаев и отметил сходство местных диалектных слов с эстонскими и финскими словами⁹. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии (выпуск 10, 1885 год) упоминают «финнов» в погосте Рудном, а в погосте Черном в д. Медвежек «до 120 душ обрусевших эстонцев»¹⁰ и не отмечают каких-либо особенностей русского населения. Интересное сообщение о сомряках (в основном фольклорного свойства) обнаружено в воспоминаниях белогвардейского офицера А. С. Гершельмана, относящихся к 1919 году¹¹. В. Будько в большом труде «Север Гдовщины» (2005) подчеркивает этническую обособленность сомряков от жителей соседних волостей севера Гдовщины¹² и сообщает, что сомряков считали ижорами¹³.

Сомряков хорошо знали ижоры. Р. Нирви приводит известие, записанное у сойкинских ижор (в д. Вистино):

«Сомра это местность, где живут сомряки (*somrakad*), по реке Луге, к югу от Веймарна (в Гдовском уезде?). Там ткали много льняной ткани; у ижор ценилась эта ткань (*somran kankahad* ‘сомрянские ткани’). Ижоры полагали, что сомряки говорят по-русски и на своем языке, который похож на финский. По мнению ижор, сомряки были отсталые и глупые. Они жили в большом числе в Нарве»¹⁴.

Сомряков знали у западной води. Дмитрий Цветков сообщал, что в водском диалекте деревни Краколье сомряк назывался *somrök* (мн. ч. *somrököd*). Сомряк – странствующий торговец, русский коробейник (фин. *kiertelevä venäläinen*); сомряки населяли какие-то местности по р. Луге¹⁵. Лаури Пости показал, что в водской деревне Куровицы знали местность *Somga rooli* (водск. *rooli* ‘половина, сторона, страна’) и деревню *Somga*¹⁶. Возможно, *Somga rooli* составляло оппозицию к *Vairooli* ‘местообитание западной води’¹⁷.

Сомряков знали в Эстонии. По свидетельству Пауля Аристе, в начале XX века в западном Причудье выходцев из окрестностей оз. Самро (*Somero*) называли *somrakud* или *sombrakud*. В Эстонии они занимались торговлей лошаадьми. Эстонцы считали их разновидностью ижор [2].

Таким образом, ареал, в котором известно о сомряках, можно представить в виде окружности, доходящей на севере до побережья Финского залива, а на западе охватывающей всю Эстонию. Периферию ареала известности сомряков на востоке и юге составляют Петербург, Новгород и Псков. Этот ареал определялся, как будет показано ниже, экономической активностью сомряков.

«СТРАНА СОМРЯКОВ»

В представлении жителей Западной Ингерманландии *Somra pooli*, по-русски Страна сомряков, – равнинная, слегка холмистая местность, где было «семь волостей и сто деревень». В центре этой местности находится большое озеро Самро (водск., иж. *Somra*, инг.-фин. *Somra / Somero*).

Озеро Самро имеет округлую форму; его длина составляет 8,8 км (с северо-запада на юго-восток), ширина – 6,5 км (с севера на юг). Площадь озера – 40,4 км². Озеро занимает блюдцеобразную котловину с плоским дном. Преобладающие глубины – менее 1 м; у восточного края озера есть впадина с глубинами 5–6 м. Дно озера в восточной части – песчано-галечное, в западной – илистое. Западный берег болотистый. Северный и восточный берега озера частично холмистые, у кромки воды усеянные галькой и гравием¹⁸. В окрестностях озера Самро возвышенности достигают высоты 90–100 м над уровнем моря. Главные реки «страны сомряков» – Долгая, Лыченка и Саба – левые притоки Луги; р. Самро (Сомра) – приток Долгой, р. Сарка – приток Сабы, на севере р. Луга – граница Ямбургского уезда.

Во второй половине XIX века «страну сомряков» составляли четыре волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии – Доложская (с 1864 года – Константиновская), Ложголовская, Осьминская и Старопольская (рис. 2). В советское время «страну сомряков» соотносили с Осьминским районом Ленинградской области (существовал с 1927 по 1961 год).

Позднее сложилось более широкое понимание «страны сомряков» в представлении окружающего населения – Сланцевский район (восточная часть «страны сомряков» вместе с селом Осьмино отошла к Лужскому району).

ДРЕВНОСТИ «СТРАНЫ СОМРЯКОВ»

Естественные характеристики озера Самро и соседних озер позволяют предполагать, что берега этих озер были обитаемы еще до наступления эры земледелия. Впрочем, следов каменного века в окрестностях озера Самро не обнаружено. Археологические памятники «страны сомряков» – курганы, грунтовые могильники, жальничные могильники, каменные кресты, селища и городища; датировка этих памятников весьма приближительна: вторая половина I – первая половина II тыс. н. э. [5: 8, 50–68]. Надо заметить, что местное население не знает «курганов» и «жальников» – здесь их называют «могилами».

Основная часть новгородской земли – Приильмень; вероятно, отсюда и из верхнего Полу-

Рис. 2. Фрагмент карты волостей С.-Петербургской губернии¹⁹. Красной линией обведены четыре волости, составлявшие «страну сомряков», – Доложская, Ложголовская, Осьминская и Старопольская. Желтой линией обведены Выскацкая и Добручинская волости (расширенное понимание «страны сомряков»)

Figure 2. Fragment of the map of volosts within the Saint Petersburg Province. The red line outlines four volosts comprising the “land of the Somryaks” – the Dolozhskaya, Lozhgolovskaya, Osminskaya, and Staropolskaya volosts. The yellow line outlines the Vyskatskaya and Dobruzhinskaya volosts (an expanded vision of the “land of the Somryaks”)

жья словене распространились вниз по р. Луге на Самро. Область восточнославянского расселения, определяемая по атрибутике курганов X–XIII веков, захватывает междуречье Наровы и Плюсы, всю «страну сомряков» до р. Верцы на севере и все Ижорское плато [8: 35–36]. Курганные могильники, в которых встречались характерные финно-угорские украшения (в том числе «многобусинные височные кольца»), определяемые как памятники води, сосредоточены в нижнем течении р. Плюсы и ее притоков (Большие Поля, Гостицы, Малая Руя, Засторонье). Начиная с XIX века многие исследователи полагали, что территория води в прошлом была намного больше и, в частности, простиралась далеко на юг (А. Лерберг, Г. Трусман, Д. Бубрих); у археологов сложилось представление о «южной води» в восточном Причудье [8: 40].

Длинные курганы – памятники славян VIII–IX веков, известные в верхнем Полужье и в среднем течении р. Плюсы, – отсутствуют в окрестностях оз. Самро; ареал новгородских сопок тоже не захватывает окрестности оз. Самро [7: 46–49, 58–61]. Следующим после сопок типом погребальных памятников новгородских словен были круглые курганы, по внешнему виду сходные с погребальными насыпями других восточнославянских племен; в ряде мест курганы распространяются за пределы территории сопок – видимо, в IX–X веках славянское население продвигалось

на северо-запад, в южные районы Ижорского плато и на восточное побережье Чудского озера [7: 169–170].

Курганы IX–X веков есть в окрестностях Осьмина и Гусевой Горы. Многие курганные захоронения носят признаки финно-угорской погребальной обрядности – в новгородских курганах умерших клали головой к западу, что соответствует общеславянской погребальной традиции; на территориях, где славянскому населению предшествовало финно-угорское, умерших хоронили головой на север или на юг, что соответствует древнему финно-угорскому погребальному обычаю. Курганы, содержащие погребения с меридиональным положением тел умерших, открыты в Осьмино и Малых Полях [7: 171–173].

На основании памятников, определяемых как водские, В. Седов причисляет к территории прежнего расселения води верхнее Понаровье, нижнее течение Плюсы, бассейны правых притоков р. Плюсы вплоть до р. Долгой на востоке. Находки ромбоштитковых височных колец, считающихся этноопределяющим признаком новгородских словен (Доложское, Осьмино), позволяют думать, что окрестности оз. Самро входили в территорию расселения словен в XI–XIV веках [7: 176–177]. Жальничные захоронения XIII–XV веков (Гостицы, Гусева Гора, Савиновщина, Хрель) полагают результатом эволюции курганных захоронений; каменные кресты (главным образом намогильные) датируются XIV–XV веками [7: 180–183].

Земледельческое освоение окрестностей озера Самро привело к возникновению деревень на возвышенностях. Появление множества русских ойконимов в XV веке (*Восмина, Вшекичи, Кошелевичи, Лычно, Менюша, Освища, Сватково, Хотели* и др.) может означать, что земледельческое освоение этой местности было по большей части делом рук древнерусского населения. Вместе с тем «чудские» ойконимы на возвышенностях – *Ложголово, Чудиново, Чудская Гора* и другие, известные по писцовым книгам 1498–1499 годов²⁰, говорят о том, что земледелием занималось и чудское население. Можно предполагать, что «чудь» освоила земледелие еще до появления здесь древнерусского населения либо под влиянием соседнего древнерусского населения. Обрусение «чуди» продолжалось на протяжении нескольких столетий и завершилось образованием более или менее этнически однородного населения.

СУМЕРСКИЙ ПОГОСТ И СУМЕРСКАЯ ВОЛОСТЬ

Территория «страны сомряков» в общем совпадает с границами Сумерского погоста – административной единицы Новгородской земли в XV–XVI веках²¹. Название Сумерского погоста

образовано, очевидно, от лимнонима *Сумро* («деревни на Сумрѣ»).

На протяжении XVI века количество погостов возрастало. В «сотной» 1627/28 года на месте Сумерского погоста выступает Сумерская волость, состоящая из пяти «сотен»: Осминская с селом Осминым на р. Сабе, Долоская с погостом Чехловым «по конец Долгого озера», Никольская с селом Песьим над озером Сумром и селом Релью, Ложголовская с погостом Сумерским под названием Пенино и Старопольская с селом Валовым²². Территория Сумерской волости XVII века соответствует Сумерскому погосту конца XV–XVI веков.

Обратим внимание на длительное пограничное положение Сумерской волости. До 1510 года Сумерский погост граничил на западе с Кушолской губой Псковской феодальной республики (в дальнейшем – Гдовского уезда Псковской земли в составе Московского государства). С 1611 по 1617 год Сумерская волость была под шведской оккупацией, а с 1617 года граничила по р. Луге с шведской Ингерманландией. В результате боевых действий местность пережила опустошения и, вероятно, частичную смену населения²³. В конце XVII века Сумерская волость именовалась также Сомерской²⁴. Во время Северной войны через Сомерскую волость проходили русские войска (поход Петра I на Нарву).

В 1708 году территория России была разделена на губернии. Сумерская волость оказалась в составе Ингерманландской губернии (с 1710 года – Санкт-Петербургской). В 1727 году была образована Новгородская губерния, при этом Сумерская волость вошла в состав Новгородского уезда Новгородской губернии. В 1777 году был основан город Луга, в 1781 году в составе Санкт-Петербургской губернии был образован Лужский уезд. С этого времени Сумерская волость перешла в состав Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии и оставалась «севером Гдовщины» до 1920-х годов.

В 1914 году Санкт-Петербургская губерния была переименована в Петроградскую. В 1920 году из Осьминской волости Гдовского уезда была выделена Самровская волость, а в 1922 году она была возвращена в состав Осьминской волости (теперь уже Ямбургского уезда). В 1924 году Петроградская губерния была переименована в Ленинградскую. В 1926 году волости «страны сомряков» входили в разные уезды Ленинградской губернии – Гдовский (Доложская и Старосельская) и Кингисеппский (Ложголовская и Осьминская). В 1927 году, с образованием Ленинградской области, был образован Осьминский район, территория которого в основном совпала с Сумерским погостом конца XV

века. В 1941 году образован Сланцевский район, в который вошли северные сельсоветы Гдовского района. В 1961 году Осьминский район был ликвидирован, его территория разделена между Сланцевским и Лужским районами (это было связано, видимо, с сокращением численности местного населения).

ЗАНЯТИЯ СОМРЯКОВ

На озере Самро ловили рыбу неводами. О рыбных богатствах озера Самро В. Будько сообщает: «Особенно гордились тем, что на Самро было 70 неводов. Это говорило о достатке сомряков и о наличии в озере больших запасов рыбы». Есть поговорка: «Чудское озеро кормит округу на 200 верст, а Самро – на 50»²⁵.

Из источников XIX века известно, что крестьяне присамринских волостей занимались земледелием, однако это не давало им достаточных средств к существованию, так что на полевых работах были заняты почти исключительно женщины, а мужчины летом проживали в Петербурге, где работали в извозе, услужении, печниками, мостовщиками; кроме того, они занимались мелкой торговлей, сбытом льна, скота и леса, выделкой овчин, продажей рыбы, купленной на Чудском озере, скупкой скота и телят, а также мяса, птицы, масла и зелени и сбытом в Петербург – это занятие называлось «маркитанством»²⁶. Отходничеством занимались и женщины (до брачного возраста), и подростки; в 1886 году по волостям севера Гдовщины различными промыслами занимались от 81 до 98 % всех семей²⁷. Как для мужчин, так и для женщин характерным было занятие торговлей. В Эстонии сомряков знали как торговцев:

«Жители присамрянских волостей – удачливые торгаши, известные далеко за пределами столичной губернии. В Эстонии любого разносчика и торгаша звали иносказательно “сомряк”, пусть даже он был татарин. Дело в том, что эсты почти не владели торговым ремеслом, и отчасти торговую нишу в Эстонии занимали наши земляки, из которых особенно выделялись сомряки»²⁸.

ЧТО ЗНАЛИ О СОМРЯКАХ В ИНГЕРМАНЛАНДИИ

Жители Западной Ингерманландии – русские, финны и ижоры – представляют сомряков в виде деятельных, предприимчивых людей: «сомряки – не дураки». Сомряки «знают всякую работу», они земледельцы и рыбаки, при этом ремесленники и извозчики. Они обычные люди – небогатые, но и не самые бедные. Сомряки занимались отхожими промыслами: «лето красное настало – сомряка дома не стало», «бабы в поле падут, мужики в Питере». У сомряков особенный юмор – они любят насмешки, это их обычный

стиль поведения; «сомряки – народ полосатый» (то есть ведут себя по-всякому). С сомряками говорят по-русски, но между собой они говорят «по-своему». Впрочем, «язык сомряков» больше похож на русскую диалектную речь. Житель дер. Поречье Николай Берт (1922 г. р.) приводит пример разговора с сомряками: «Как мне проехать на Милкин разъезд?» – «А ни в ягута ни в ягута, а прямо тормоцью, и выдеш на коровий рык» (то есть ни налево, ни направо, только прямо, на мычание стада). Отличие сомряков от русских представлялось очевидным: «там сомряки, у нас русские», «у нас грибы, у сомряков блисы» (дер. Поречье, Кинг. р-н).

Главными селами «страны сомряков» в Волосовском районе называют Ложголово, Осьмино и Старополье. К «стране сомряков» нередко относят окрестности города Сланцы (бывш. Выскатская волость), местности у «Нарвского моря» (Низы, Чёрное) и деревни в среднем течении р. Луги (Сабск, Хилок и др.).

В 2000-х годах в г. Нарве информанты автора (финны и ижоры) сообщали, что послевоенное население Нарвы в значительной части составляют сомряки – так называли выходцев из Сланцевского района, в том числе из верхнего Понаровья, которые в 1990-х годах автоматически получили гражданство Эстонии, поскольку они сами или их родители в 1920–1940-х годах были гражданами Первой Эстонской Республики. Из этого следует, что жителей Понаровья в Нарве тоже причисляли к сомрякам (расширительное применение этнонима).

ПОИСКИ СОМРЯКОВ

Локальное самосознание сомряков оказалось размытым на периферии их территории. Жители Волосовского р-на (д. Сумск и Яблоничцы) считали, что расположенные немного южнее деревни Извоз и Волна – это уже сомряки. В Извозе (Вол. р-н) полагали, что сомряки живут еще южнее – в Сабске. В Сабске в ответ на вопрос о сомряках указывали на Осьмино. В Красных Горах (Луж. р-н) сказали: «сомряки, это Осьминский район». В с. Осьмино полагали, что сомряки живут у озера Самро. И только в д. Самро коренные жители подтвердили, что они и есть сомряки.

Те из местных жителей, с кем удалось пообщаться, произвели впечатление общительных, вежливых, доброжелательных, сдержанных людей. В их внешности можно увидеть сходство с ижорами и водью: уплощенное лицо, выраженные скулы, нос небольшой, лоб уплощенный и высокий, надбровья не выражены (рис. 3, 4). Речь обнаруживает присутствие логики и ясность мысли. В речи сомряков (в том числе

и между собой) достаточно юмора и самоиронии. Построение фразы естественно, безыскусственно. Особенности диалектной речи малозаметны (*Петярбург, сняток*).

Деревни «страны сомряков» расположены частью по берегам рек, частью на возвышенностях. Обычно в деревне одна улица (часто прямая), по обе стороны которой находятся дома. Жилые постройки часто квадратные в плане; много пятистенков (два входа с двух сторон). Обычное расположение домов в деревне – длинным фасадом вдоль дороги. Почти все старые дома обшитые и крашеные; чаще других цветов встречается темно-зеленый. Украшений (резьбы) не видно. Дома невысокие. Подклет низкий – «две ступеньки, и дома». Крыши старых домов четырехскатные. На крышах шифер поверх дранки. Крытые двory обычно расположены сзади домов. Связь дома и двора – однорядная, реже Т-образная.

В д. Сара-Лог коренной местный житель Иван Иванович Родин, 1924 г. р. (рис. 3), объяснил устройство своей деревни: две улицы вдоль р. Сарки, западная – Сара-Лог, восточная – Сара-Гора. Записаны фонетические формы местных ойконимов (здесь их не приводим). Четырехскатная крыша с декоративной деталью, напоминающей волоковое оконце, называется «колпак». Чухнами здесь именовали эстонцев.

В д. Чудиново Клавдия Ивановна Сергеева, 1926 г. р., родом из соседней дер. Псоедь, сообщила, что жители д. Чудиново не отличались в этническом отношении от окружающего населения. Название д. Псоедь считается «чудским»²⁹. В 1930-х годах от советской власти было предложение дать деревне другое название – «никто не согласился». Записаны фонетические формы ойконимов и катойконимы (псоедские и др.).

К западу от Осьмина появляются каменные двory и амбары, кирпичные дома постройки начала XX века. В д. Самро – двухэтажные кирпич-

Рис. 3. Иван Иванович Родин, житель д. Сара-Лог.
Фото автора, 2009 год

Figure 3. Ivan Ivanovich Rodin, a resident of the village of Sara-Log, 2009 (photo by author)

Рис. 4. Жители д. Самро (Песье).
Фото 1970-х годов из архива автора

Figure 4. Residents of the village of Samro (Pesye), 1970s (photo from author's archive)

ные дома, принадлежавшие местным крестьянам. Кирпичные постройки есть и в д. Шима.

У автора нет сведений о том, чтобы сомряки считали себя потомками чуди, однако местные жители часто упоминают *чудские могилы, чудские кресты, чудские названия* (топонимы). О бывшей здесь чуди говорят ойконимы *Чудская Гора* и *Чудиново*; недалеко находятся деревни Русско и Славянка. Похоже, что столетия тому назад здесь происходили русско-чудские контакты, результатом которых стало формирование этнической группы, получившей название *сомряки* и уже не считавшейся «чудью».

СОМРЯКИ О СЕБЕ

О своем селе и о сомряках рассказывают коренные жители д. Самро – Антонина Александровна Лебедева, 1927 г. р., и Галина Вениаминовна Дементьева, 1934 г. р.:

«Самро – село Алексеевское, оно же Песье. До войны было 300 домов (видимо, преувеличение. – А. К.). Был дом на дому. Между Чайкиной и Лужкиной буквально полметра, так тесно. Был пожар в 58-м году. Выгорело почти всё село.

Наши праздники – Богородица и Фомино. Старая церковь была деревянная, Николай Угодник, сделана без единого гвоздя. Там и кладбище – погост. Старую церковь немцы растащили – мостить дорогу. А часовня была в лесу, на горе – в сторону Белого озера.

Самровские фамилии – Андриановы, Дементьевы, Николаевы, Ивановы, Карповы, Лебедевых полдеревни, Савины, Федотовы, Чайкины. Кирпичный дом Сладкова Андрея – он раскулачен и выслан. Два двухэтажных дома Латовых, один из них кирпичный. Дом Малафеевых – они раскулачены, а дом пропал в войну – разобрали. Дом Моисеевых – они раскулачены, дома нет, остался каменный двор. Карповы (“Кузнецовы”) высланы “в топкий район” (в Тосненский, на торфоразработки. – А. К.). Были арестованы поп и дьякон, их дома стоят и сейчас. В доме дьякона Николая – библиотека. Крайний дом – пона Заборовского, там была школа при нас.

Наше село, три конца. Наш край – *Сиреневый Куст*, тот конец деревни – *Задунай*, а *Горка* – в сторону. Гово-

рили, что было три мужика – Горкин, Гниленкин и Копылов. От них всё село. А Гниленка есть рядом с Будиловым, там не сомряки.

Сомряки это наш сельсовет, четыре деревни – Горестницы, Замошье, Шима и Самро. Когда-то давно считалось, что деревни с той стороны озера всё считалось сомряки. Мы этого раньше не знали, узнали – удивились.

У нас все рыбаки. Всё время рыбачили. И землю возделывали. Ездили на заработки в Питер – для поддержания хозяйства. Многие работали на Путиловском заводе. У нас был рыболовецкий колхоз. Основная рыба – щука, плотва, окунь, лещи, подлещики. Раньше была уклейка.

Озеро было общее: Шимский берег, Подлесский берег, Дретенский берег (записано много названий, которых здесь не приводим. – А. К.). Рыбаки были – [деревни] Велетово, Морды, Марино, Дубок, Пенино – отсюда церковь видно, Дретно. В Подлесье тоже был рыболовецкий колхоз.

Славенка – соседняя деревня, это уже другой сельсовет. Славенские тоже рыбачили на нашем озере. Которские, Будиловские – те рыбачили на своём озере (Которское озеро. – А. К.). Горестницы и Замошье – они не рыбаки.

При колхозе рубили зимой лёд на озере. Рыба дышала, задохов не было. Как не стало колхоза, был задох, погибло много рыбы. Сейчас восстанавливается. Озеро обмелело, зарастает. На той стороне даже острова появились.

Чудка – речка с нашего озера (на карте это р. Самро. – А. К.). На Чудке была мельница, где Козья Гора. Долгая речка – с Будилова, со Спас-Которского озера.

Ловили и на Белом озере. После войны там вытравивали щуку, выпустили карпа и пелядь. Но карп у нас не размножился. Сейчас там окунь и щука.

У нас дощатые лодки – не челны. Мы видели челны в других деревнях. У нас наверное раньше тоже были челны.

Сяберо, там тоже был рыболовецкий колхоз. Если на своём озере не ловится, наши ездили туда. И на праздники мы к ним ездили, и они к нам.

Наш язык (смеются) – были всякие слова (называют числительные от 1 до 10, почти чисто по-эстонски, затем русские диалектные слова).

Чудь – это старина. Чудские кресты, чудские могилы. Есть и литовские могилы, шведские могилы.

Чухны – это Исаково. Там были хутора. И по дороге было несколько хуторов. Хутор был на берегу Медведского озера. На хуторах жили чухны (эстонцы – А. К.). Хутора были где Мамина мыза, их перед войной перевезли в Исаково.

Наше село сильно пострадало в войну – пожрал Гитлер все. У нас немцы были два года. Их не боялись. Немцы нас никуда не выселяли»³⁰.

СОМРЯКИ И ЭСТОНЦЫ

В XIX – начале XX века в «стране сомряков» было и эстонское население. Эстонцы жили большей частью на хуторах, образовывавших протяженные хуторские поселки – чухонщины (Верца, Долгая Мельница, Исаково и др.). О национальных школах у местных эстонцев сведений нет,

как и известий о религиозной жизни эстонского населения. В 1936 году в Осьминском районе не было ни одного эстонского национального сельсовета. Отношения между сомряками и местными эстонцами не исследованы (могли быть взаимные влияния в плане языка, быта, ведения хозяйства, религиозной жизни).

Нынешние сомряки не знают, что их предки занимались торговлей на территории Эстонии. Вероятно, это дело более отдаленного времени (XIX – начало XX века). Связи сомряков с Эстонией прервались, видимо, после 1920 года. Позже предполагаемое русско-эстонское двуязычие сомряков могло подпитываться контактами с местными эстонцами.

ОБ ЭТНИЧНОСТИ СОМРЯКОВ

Насколько можно судить, сомряки не подчеркивали свою иноэтничность – они православные, у них русские имена, да и говорят они, в общем, по-русски. Складывается впечатление, что сомряки не отделяли себя от окружающего русского населения. Финны и ижоры также полагают их русскими, тогда как соседнее русское население отделяло их от себя, при этом и русские, и эстонцы (в Эстонии) считали их ижорами. Впрочем, это не должно вводить в заблуждение, поскольку западную воду тоже называли ижорами [4: 177–178].

Происхождение сомряков определенно связано с «чудью» – об этом говорят «чудские» топонимы, имена полумифические персонажей (Доломан, Шишимор), свидетельство Ефима Андреева, который называет их «чудским племенем» и упоминает у них «арбуя» (ср. фин. аргоја ‘ворожея’). Создается впечатление, что сомряки – относительно недавно обрусевшая группа «чуди».

В переписи населения СССР 1926 года сомряки показаны как русские³¹. Известно, что данные этой переписи неточны – достаточно сказать, что большинство ижор и води было записано русскими. Возможно, причина в том, что перепись населения 1926 года впервые ввела категорию «национальность», которая могла быть непонятна респондентам. В этой связи переписчики задавали наводящие вопросы, в том числе о языке – и если респондент отвечал на русском, то его могли так и записать³². Косвенно данные переписи населения 1926 года говорят о том, что в «стране сомряков» в это время в основном говорили по-русски. Возможно, нерусский язык сомряков, о котором знали ижоры, к тому времени вышел из употребления.

РЕЧЬ СОМРЯКОВ

Не вызывает сомнений, что основным языком сомряков на протяжении столетий был русский (в

форме местного диалекта). На диалектных картах ареал сомряков отнесен к гдовской группе среднерусских говоров, однако известно, что речь сомряков была малопонятна жителям соседних волостей.

Автору неоднократно приходилось слышать, что у сомряков был «свой язык». Возможно, это был диалект русского языка (диалектная речь сомряков могла быть непонятной ижорам, которые знали «нормальный» русский язык). Вместе с тем возможно, что диалект сомряков сохранял прибалтийско-финский субстрат – либо что помимо своего диалекта у сомряков был непонятный посторонним жаргон, или «тайный язык» (криптолект).

Сообщения о бытовании у сомряков в недавнем прошлом особого прибалтийско-финского языка вызывают определенные сомнения. Существовало, что Г. Трусман, побывавший, как следует из его рассказа, в Карино, Ложголово и Старополье, никакой прибалтийско-финской речи там не услышал. Также из сообщения Е. Андреева о бытовании у жителей окрестностей оз. Самро особого языка не следует, что это прибалтийско-финский язык, возможно, это был малопонятный окружающим русский диалект; прямое указание на то, что язык сомряков похож на финский, сохранилось только в представлении ижор. Вместе с тем, по материалам автора, в западной Ингерманландии сомряки обнаруживали понимание языка ижор, в Эстонии они говорили по-эстонски и «по-своему» – и их понимали эстонцы³³. Непонятно, идет ли речь о двуязычии, о каком-то арго или об особом прибалтийско-финском диалекте сомряков. Важно, что есть и другие свидетельства бытования в Гдовском уезде (Добручинская волость) в начале XX века какого-то прибалтийско-финского языка – во всяком случае, не эстонского («Гуслияр Смоленский и его земляки до сих пор еще говорят на языке выродившегося финского племени Ямь»³⁴). Добручинская волость находилась у северо-восточного побережья Чудского озера, то есть почти рядом со «страной сомряков». Обратим внимание на сходство приведенного этнонима с «ямами» Туманского (ареал «ямов» захватывал, согласно карте Туманского, все Принаровье, начиная от Чудского озера). Таким образом, сообщение о «ямах» Добручинской волости подтверждает возможность существования в начале XX века неизученных и практически неизвестных групп прибалтийско-финского населения на Гдовщине.

По всей видимости, в течение всего XX века диалект сомряков активно вытеснялся нормативным русским языком. В 1993 году лексиколог М. Муслимов предпринял поездку к сомрякам с целью исследования их лексики и запи-

сал там несколько слов прибалтийско-финского происхождения, напр. *ванкур* ‘особый вид телеги’ (лексема известна также на нижней Луге у ижор и местных финнов), и русских диалектных слов, напр. *вятерь* ‘рыболовная снасть, корзина из прутьев лозы’ (в Ингерманландии это также заплечная корзина для сена)³⁵.

Поездки автора к сомрякам в 2006 и 2009 годах показали, что им известны многие севернорусские слова, имеющие близкие по звучанию и по содержанию соответствия в прибалтийско-финских языках, напр.: *витса* ‘прут’ (иж., фин. *vitsa*), *коломки* ‘кладбище’ (эст. *kalm*, водск. *kalmo*, иж. *kalmad*), *корба* ‘густой лес’ (фин. *koipi*), *лайба* ‘судно, корабль’ (водск. *laiv*, фин. и иж. *laiva*), *лайда* ‘отмель на озере’ (фин. *laito*, эст. *laid*), *лох* ‘лосось’ (иж., фин. *lohi*), *лухта* ‘луг’ (иж., кар. *luhta*), *мута* ‘ил’ (иж. *muda*, фин. *muta*), *райда* ‘ива’ (фин. *raita*, вепс. *raid*), *сорога* / *сорожка* ‘плотва’ (водск. *särč*, иж. *särgi*, эст. *särg*, фин. *särki*). Некоторые из этих слов (*корба*, *лайда*, *лох*, *лухта*) определено происходят из прибалтийско-финских языков [б: 231, 243, 166, 257], другие связаны как с прибалтийско-финской, так и с общерусской лексикой, напр.: *мута* (ср. рус. *муть*, *мутный*), *райда* (ср. рус. *брёда*, *ракита*), *сорога* / *сорожка*, и их прибалтийско-финское происхождение неочевидно [б: 261–262, 111–113, 194–195].

Названия орудий для лова рыбы имеют созвучные соответствия в прибалтийско-финских языках: *невод* (водск. *noot*, иж. *nootta*, фин. *nuotta*), *мерёжа* и *морда* (водск. *mõrt*, иж. *merda*, фин. *merta*), однако происхождение этих слов дискуссионно, поскольку они известны по всему ареалу русского языка³⁶ и не обязательно связаны с «чуждым» субстратом.

Самые замечательные находки автора из лексики сомряков – глаголы-маркеры *рякать* / *рячить* ‘говорить на наречии сомряков’ (ср. эст. *gääkima* ‘говорить’, севернорус. *речить* [З: 166]) и *лякать* ‘говорить по-ижорски’ (ср. иж. *läätä* ‘говорить’, *mie läkkän* ‘я говорю’, севернорус. *лечатать* ‘быстро говорить’). Считается, что эстонский глагол *gääkima* ‘говорить’ связан с нижне-нем. *spreken*³⁷, но также можно предположить связь *gääkima* и *рякать* с рус. *речь* (ср. рус. диал. *речить*, *возрекать*, *вырекать*, *дорекать*, *зарекать*, *пререкать* и др.³⁸), так что считать глагол *рякать* субстратным, в общем, нет оснований.

В целом надо признать, что диалект сомряков не изучен и возможности его изучения в наше время в значительной мере утрачены.

ЭТИМОЛОГИЯ ЛИМНОНИМА САМРО

Что означает название Самро? В наше время это слово произносят с ударением на второй

слог, но так было не всегда – это вполне очевидно из хронологического ряда упоминаний данного лимнонима:

1498: погост Сумерской, д. Поречье на Сумрѣ, д. Освища на Сумрѣ (здесь – на р. Сумре. – *А. К.*), д. Песье над оз. Сумром³⁹.

В XVI–XVIII веках – Сумерская / Сомерская волость.

1885: озеро Сомро⁴⁰, озеро и река Сомра, дорога в Сомру⁴¹.

У Трусмана (1884) – Сомерское озеро⁴² (возможно, эта форма взята им из разговорной речи).

Современная форма названия – *Самро* – появляется в XIX веке («Подробная карта России» 1804 года⁴³, «карта Шуберта» 1834 года, карта Курторги 1852 года). Похоже, что это название первоначально было трехсложным и ударение падало на первый слог. *Самро* – предположительно прибалтийско-финский гидроним, ударная гласная первого слога могла быть *o* (**Сомеро*) [1: 224].

Изменение гласного первого слога (*o* > *a*) произошло в результате переноса ударения на последний слог (безударное *o* в «акающем» диалекте по звучанию приближается к *a*). Выпадение безударного гласного второго слога (*Somero* > *somra*) встречается в ингерманландско-финских говорах (напр. инг-фин. *uotella* ‘ждать’, императив *uottele* > *uotla* ‘подожди’), то же в топонимах, напр. *Korovaisi* > *Korvaisi* (рус. Караваяво, Кинг. р-н), *Korvettula* > *Korttula* (рус. Корветино, Кинг. р-н), *Sierattala* > *Siertala* (рус. Сертолово, Всев. р-н), *Vaarakkala* > *Varkala* (рус. Варколово, Всев. р-н), *Vähikkälä* > *Viähkälä* (рус. Вяхтелево, Гатч. р-н), но больше похоже, что выпадение *e* произошло в русском языке, при адаптации иноязычного названия: *Somero* > *Сумро* (позже > *Сомра* > *Самро*). Возможность подобной адаптации прибалтийско-финских онимов в языках окружения подтверждают примеры: *inkerikot* > ингрикоты, *Inkeri* > *Ingria* и др.

Семантика **сомеро* прозрачна – в его основе природный термин, означающий скопление мелких камней, ср. фин. *somero* ‘крупный гравий, галька’, *somerikko* ‘галечник’; иж. *someria* ‘крупный песок’, *somerikas* ‘каменистый’ (о почве, где много мелких камней); водск. *sõmõra* ‘гравий, хрящ, крупный песок’⁴⁴; эст. *sõmer* ‘гравий, щебень, дресва’ (осадочная порода, состоящая из неокатанных частиц размером 2–5 мм). Природные характеристики озера Самро соответствуют значению иж. *someria*, водск. *sõmõra*, фин. *somero*.

В соседних районах немало топонимических аналогий:

Sameraisi, ойконим (рус. Новополе, Лом.), образован от группового антропонима (катойконима), попавшего в финскую языковую среду в русской огласовке (с безударным *a* в первом слоге);

Someroi, ойконим (рус. Стремление, Кинг.); *Somero kangas*, ойконим (рус. Сергиевка / Володарка, С.-Петербург);

Somero и *Somerniemi*, две волости в области *Näme* (Финляндия);

Sõmeru, ойконим в уезде *Lääne Virumaa* (Эстония) и др.

ЭТИМОЛОГИЯ НАЗВАНИЯ СОМРЯКИ

Сомряки – этноним или нет? Начнем с очевидного: сомряки – локальный групповой антропоним⁴⁵. Подобные антропонимы известны в большом количестве; среди них есть оттопонимические (*кацкари*, *сицкари*, *кокшары*, *мартыши*, *москвичи*, *осташи*, *пошехонцы*, *поморы*, *сибиряки*, *скобари* и т. д.) и неоттопонимические (*горюны*, *кайваны*, *саяны*, *талапанцы*, *трескоеды* и др.). И в той, и в другой группе одни групповые антропонимы имеют этническое содержание, другие лишены этнического содержания.

Название *сомряки* очевидно вторично по отношению к лимнониму *Самро*. Иначе говоря, *сомряки* – оттопонимический коллективный антропоним (катойконим). Можно ли считать его этнонимом? Обособленные локальные группы сельского населения в отдельных случаях трактуются как субэтнические группы. С учетом приведенных выше сообщений XIX века сомряков можно было бы считать субэтнической группой русских, хотя к нашему времени их отличия от остальных русских уже стерлись.

В русском языке *сомряк* – мужчина; женщина – *сомряха* (ударение на второй слог). Во множественном числе ударение переносится на третий слог (*сомряки*). Безударное *o* первого слога звучит неясно (встречается написание *самряки*).

У ижор (см. выше) сомряк (мужчина и женщина) – *somrakka*, мн. ч. *somrakat*, у воды – *somrõk*, мн. ч. *somrõkõd*. В финских говорах автором фиксировалась форма *somrakko*, мн. ч. *somrakot*. Этноним (катойконим) образован при помощи суффикса *-kka/-kko* (водск. *-õk*). Этот суффикс применяется в том числе и для характеристики людей, напр. *häirikkö* ‘баламут’, *hupakko* ‘глупец’ и др. Напрашивается параллель с другими этнонимами и катойконимами, напр.: *Inkeri* > *inkerikko*, *Savo* > *savakko*, *Vena* > *venakko* и др.

Как видно, русские суффиксы *-як* и *-яха* в названиях *сомряк* и *сомряха* вполне соответствуют прибалтийско-финским суффиксам *-kka/-kko* и могут быть их калькой в русском языке. Однако столь же возможным представляется происхождение названия *сомряк* на русской почве. В русском, как и в других славянских языках, есть словообразовательная модель с суффиксом *-як*, мн. ч. *-яки*. В основном это обозначения людей, связанные с их занятиями, местожительством

или иными особенностями (*земляки, кержаки, моряки*). Среди групповых антропонимов на *-як, -яки* есть этнонимы и катойконимы (*вотяки, ержаки, кимряки, кунгурияки, мещеряки, пермяки, поляки, сибиряки, смоляки, туляки, чердаки*). По той же модели образованы слова с парой суффиксов (*бедняк, горняк, середняк, скорняк, степняк*). Данный лексический ряд можно продолжить словами на *-ак* (*рыбак, чудаки*), *-ник* (*барышник, дворник, лесник, отшельник, техник, чайник*), *-чик* (*возчик, наладчик*). Обратим внимание, что приведенные примеры относятся к социальной лексике, отражающей занятия, местожительство, социальное положение. Отсюда предположение, что название *сомряки* возникло в русском языке, по славянской модели, а его соответствия в прибалтийско-финских языках вторичны (*Самро* > *сомряк* > *somrakko*). Так или иначе, прибалтийско-финская словообразовательная модель *-kka/-kko* семантическая и фонетически близка славянской модели на *-ик/-як*, ср. фин. и иж. *haavikko*, эст. *haavik* 'осинник', фин. и иж. *koivik*, водск. *kasikko* 'березняк', фин. и иж. *lerikko*, эст. *lerik* 'ольшаник', эст. *männik* 'сосняк' и др. Итак, этноним *сомряки* мог возникнуть как на прибалтийско-финской, так и на русской почве.

Генезис этнонима *сомряки* и его вариантов в прибалтийско-финских языках можно изобразить схематично:

*Somero > рус. Сумро / Сомра > водск. и иж. *Somra / Somra pooli*

→ иж., фин. *somrakko*, мн. ч. *somrakot*

→ водск. *somrök*, мн. ч. *somrökõd*

→ эст. **sombrak*, мн. ч. *sombrakud*

→ рус. *сомряк, сомряха*, мн. ч. *сомряки* [*самряк, самряха, самряки*]

Из этой схемы видно, что название *сомряки* появилось после возникновения редуцированной формы топонима (*Сумро, Сомра*), но еще до перехода *o* > *a* в первом слоге (*Сомерская волость, Сомра*), то есть, скорее всего, с XV по XVIII век.

СОМРЯКИ В АНТРОПОНИМИИ И ТОПОНИМИИ

Память о сомряках осталась в фамилии *Сомряков* и *Самряков*, представленных в Петербурге, Ленинградской и соседних областях (Псковской, Новгородской), а также у русского населения Эстонии (Причудье). В Ингерманландии фамилия *Сомряков* представлена у русских

(Красницы, Гатч. р-н) и у воды (Раннолово, Кинг. р-н). К сомрякам могут иметь отношение фамилия *Someroinen* (ингерманландские финны, приход Тугö, Лом. р-н) и ойконим *Sameraisi* (приход Ниетамäки, рус. Новополие, Лом. р-н). С сомряками могут быть связаны эстонские фамилии *Samra, Sombri, Soomre, Sõmeri, Sõmerik, Sõmerma, Sõmermaa* (некоторые из них могли получиться в результате германизации эстонских либо эстонизации немецких фамилий или на местной почве – от топонимов с основой *Sõmer*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время «страна сомряков» – малонаселенная местность. Потомки здешних уроженцев, родившиеся в Петербурге либо рассеянные по всей России, «уже не сомряки», «не видели Самра». Этноним *сомряки* в наше время практически неизвестен в Петербурге и его ближайших окрестностях. Культурное наследие сомряков (диалектная речь, фольклор) в значительной части утрачено. В настоящее время сомряки – исчезающая этнолокальная группа.

Этноним *сомряки* принадлежит русскому языку, но при этом у него есть соответствия в местных прибалтийско-финских языках, и нельзя уверенно сказать, какой этноним первичен – русский или прибалтийско-финский. Неясен и возраст этнонима *сомряки* – нельзя исключить его позднее происхождение (XVIII или даже XIX век). «Язык сомряков» – севернорусский диалект, содержащий субстратную (прибалтийско-финскую) лексику. Представления о прибалтийско-финском языке сомряков происходят, возможно, от русско-эстонского двуязычия сомряков-коробейников. Вместе с тем вероятным представляется бытование у части сомряков особого прибалтийско-финского языка даже в начале XX века. Допустимо предположение, что сомряки – это и есть обрусевшая «южная вода».

На сегодняшний день у исследования сомряков еще есть перспективы. До сих пор существует возможность записи диалектной лексики и планомерного сбора топонимов (особенно важно записать звучание ойконимов с ударением). Сведения о сомряках можно найти и вне «страны сомряков». Не исключено, что будут открыты другие письменные свидетельства о сомряках.

СОКРАЩЕНИЯ

Районы Ленинградской области: Вол. – Волосовский, Гатч. – Гатчинский, Кинг. – Кингисеппский, Лом. – Ломоносовский, Луж. – Лужский, Слан. – Сланцевский.

Языки: водск. – водский, иж. – ижорский, инг.-фин. – ингерманландско-финский диалект, ниже-нем. – нижне-немецкий, рус. – русский, фин. – финский, инг.-фин. – ингерманландско-финские диалекты, эст. – эстонский.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее жирным курсивом выделены ударные гласные.
- ² Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses // Öpik E. Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Toim. A. Viires. Tallinn: Valgus, 1970. S. 51–55.
- ³ Trefurt L. F. Von den Tschuden // Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit I:5. Riga, 1783. S. 1–28; Trefurt L. F. Fortgesetzte Nachricht von den Tschuden. // Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit II:2. Riga, 1785. S. 89–122.
- ⁴ Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und ueber den Ursprung des Namens Ingermannland, von D. A. J. Sjögren. St. Petersburg, 1833. S. 4.
- ⁵ Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale... S. 48. В цвете карта есть на электронном ресурсе <https://a-121.ru/prikosnovenie-k-vechnosti-opyt-poves/> (дата обращения 25.10.2025).
- ⁶ Краткие историко-статистические сведения о церквях и приходах Гдовского уезда. Из записок крестьянина Ефима Андреева // Историко-статистические сведения о СПб епархии. Вып. 10. СПб., 1885. Приложения. III. С. 175–176.
- ⁷ Погост Долоцко в Гдовском уезде. Очерк Ругодивцева. СПб., 1873.
- ⁸ Трусман Ю. А. Финские элементы в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии // Известия ИРГО. XXI. СПб., 1884. С. 4–5, 23.
- ⁹ Там же. С. 12–15.
- ¹⁰ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 10. СПб., 1885. С. 176, 282.
- ¹¹ Гершельман А. С. В рядах Добровольческой Северо-Западной Армии: Вооруж. борьба с III-им Интернационалом, 1919 год. Т. I–II. М., 1998. Фрагмент о сомряках [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/wall-79123670_2261 (дата обращения 25.11.2025).
- ¹² Бudyко В. И. Север Гдовщины. Псков, 2005. С. 50.
- ¹³ Там же. С. 130, 207, 228.
- ¹⁴ Inkeröismurteiden sanakirja. Toim. R. E. Nirvi. SUS. Helsinki, 1971. S. 539. Перевод автора.
- ¹⁵ Dmitri Tsvetkov. Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto. Toim. Johanna Laakso. SUS. Helsinki, 1995. S. 303. Перевод автора.
- ¹⁶ Vatjan kielen Kukkosingin murteen sanakirja. Ainekset kerännyt Lauri Posti. SUS. Helsinki, 1980. S. 477. Перевод автора.
- ¹⁷ Vadja keele sõnaraamat. 7. Toim. Silja Grünberg. Eesti Keele Instituut. Tallinn, 2011. S. 67. Перевод автора.
- ¹⁸ Кириллова В. А., Распопов И. М. Озера Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1971. С. 145.
- ¹⁹ Карта волостей С.-Петербургской губернии // Волости и гмины 1890 г. СПб., 1890. (Статистика Российской империи). 37. С.-Петербургская губерния.
- ²⁰ Эти деревни существуют и сейчас.
- ²¹ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М., 1914. С. 117–124.
- ²² Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке // Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. VIII. СПб., 1853. С. 152; Там же. Приложение V. С. 123–132.
- ²³ Половинкин И. Сомерский полк «пашенных» солдат // Лужская правда. 2024. 21 дек. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lpravda.ru/news?id=16785> (дата обращения 25.11.2025).
- ²⁴ Историко-статистические сведения о СПб епархии... С. 182.
- ²⁵ Бudyко В. И. Указ. соч. С. 74–75.
- ²⁶ Историко-статистические сведения о СПб епархии... С. 181, 188, 196, 202, 210.
- ²⁷ Бudyко В. И. Указ. соч. С. 126–128.
- ²⁸ Там же. С. 72.
- ²⁹ Ойконим *Псоедь* – явно русский; о его смысловом содержании см. у А. С. Гершельмана («сомряки собаку съели»), хотя могут быть и другие толкования.
- ³⁰ Полевые материалы автора. 2009 год.
- ³¹ АрАН (СПб). Ф. 135. Оп. 3. № 89 (Гдовский уезд), см. Доложская и Старопольская волости, № 90 (Кингисепшской уезд), Ложголовская и Осьминская волости.
- ³² Считается, что именно перепись населения 1926 года была самой подробной в плане фиксации различных этнических групп.
- ³³ Устное сообщение акад. Пауля Аристэ, записано автором 22.04.1989 года в г. Тарту.
- ³⁴ Привалов Н. И. Звончатые гусли на Руси // Музыка и пение. 1908. № 10. С. 3. См. также: Тынурист И. В. Где во гусли звонили? (опыт картографирования народных музыкальных инструментов) // Открытый лист. 2019. С. 23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://opentextnn.ru/museum/anthropological-museum/tynurist-i-v-gde-vo-gusli-zvonili-opyt-kartografirovaniya-narodnyh-muzykalnyh-instrumentov/?ysclid=mig961b7un689771284> (дата обращения 25.11.2025).
- ³⁵ Устное сообщение к. ф. н. М. Муслимова. Поездка М. Муслимова к сомрякам в 1993 году была инициирована МАЭ РАН. По результатам поездки публикации не было. Информация дана с разрешения М. Муслимова.
- ³⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. I–IV. М., 1956. Т. II. С. 318, 505–506.
- ³⁷ Eesti etimoloogia sõnaraamat. Peatoim. Iris Metsmägi. Tallinn, 2012. S. 447.
- ³⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка... Т. IV. С. 94.
- ³⁹ Андрияшев А. М. Указ. соч. С. 118, 120, 122.
- ⁴⁰ Историко-статистические сведения о СПб епархии... С. 177, 202.

⁴¹ Там же. С. 196, 210, 211.

⁴² Трусман Ю. А. Указ. соч. С.10.

⁴³ Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений, подготовлена в 1801–1804 годах Собственным Его Императорского Величества Депо карт.

⁴⁴ Vadja keele sõnaraamat. 5. Toim. Silja Grünberg. Eesti Keele Instituut. Tallinn, 2006. S. 329.

⁴⁵ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. С. 31.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Р. А. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. Аристе П. К эстонско-карельским (ижорским) языковым взаимоотношениям // Происхождение Карелии: Доклады семинара 30.6–2.7.1976. Йоэнсуу: Ун-т Йоэнсуу, 1977. С. 76–77.
3. Ивашко Л. А. Глаголы речи в печорских говорах // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2006. СПб.: Наука, 2006. С. 166–167.
4. Крюков А. В. Водь или чудь? // Язык и традиционная культура русского Северо-Запада / Ред. В. Л. Васильев. В. Новгород: НовГУ, 2010. С. 175–197.
5. Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. I. Западные районы. Л.: ЛВВИСУ, 1990. 127 с.
6. Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб.: Наука, 2003. 540 с.
7. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.
8. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с.

Поступила в редакцию 16.12.2025; принята к публикации 26.01.2026

Original article

Alexei V. Kryukov, Associated Researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
kauko@mail.ru

THE SOMRYAKS – WHO ARE THEY?

Abstract. The Somryaks (*Somryaki*) is the name of an ethnocultural group residing in the southwestern part of the Leningrad region. To date, there is no scholarly literature dedicated specifically to the Somryaks. Occasional references to this group of population have raised questions regarding their ethnicity and language. The author collected information about the Somryaks in the 1990s through interactions with Ingermanland Finns and Izhorians, and conducted further fieldwork in the 2000s within the Somryaks' area. The article presents ethnographic data on the Somryaks, including their own perceptions of their connection to the Chud', a group of peoples who used to inhabit their land. Additionally, the author traces the history of references to the ethnonym *Somryaki* (the Somryaks) in the Russian language and explores potential parallels with this ethnonym in Baltic-Finnish languages. Possible etymologies of the ethnonym *Somryaki* and the hydronym *Samro* are also examined. The article incorporates field materials collected by the author.

Keywords: Somryaks, Vod', Izhora, Chud', Ingermanland Finns, ethnocultural groups, ethnonyms, toponyms, etymology

Acknowledgements. The author expresses his deep gratitude to M. Braudze for technical assistance, as well as to T. Tupin and M. Muslimov for discussing the topic while writing this article.

For citation: Kryukov, A. V. The Somryaks – who are they? *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):105–116. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1286

REFERENCES

1. Ageyeva, R. A. Hydronymy of northwestern Russia as a source of cultural and historical information. Moscow, 2004. 256 p. (In Russ.)
2. Ariste, P. On Estonian-Karelian (Izhorian) language relations. *The origin of Karelia: Seminar reports, 30 June – 2 July 1976*. Joensuu, 1977. P. 76–77. (In Russ.)
3. Ivashko, L. A. Speech verbs in Pechora dialects. *Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research, 2006*. St. Petersburg, 2006. P. 166–167. (In Russ.)
4. Kryukov, A. V. Vod' or Chud'? *Language and traditional culture of northwestern Russia*. Veliky Novgorod, 2010. P. 175–197. (In Russ.)
5. Lapshin, V. A. The archaeological map of the Leningrad region. Part I. Western areas. Leningrad, 1990. 127 p. (In Russ.)
6. Myznikov, S. A. Russian dialects of Obonezhye. An areal-etymological study of vocabulary of Baltic-Finnish origin. St. Petersburg, 2003. 540 p. (In Russ.)
7. Sedov, V. V. The Eastern Slavs in the VI–XIII centuries. Moscow, 1982. 328 p. (In Russ.)
8. The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages. (V. V. Sedov, Ed.). Moscow, 1987. 512 p. (In Russ.)

Received: 16 December 2025; accepted: 26 January 2026

6 января 2026 года исполнилось 70 лет доктору исторических наук, профессору, профессору кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ, члену редколлегии нашего журнала *Александру Михайловичу Пашкову*.

Celebrating the 70th anniversary of *Alexander M. Pashkov*.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

К 70-летию со дня рождения

Область научных интересов А. М. Пашкова – история Европейского Севера России в XVIII – начале XX века (краеведческая историография, история старообрядчества, экономическая история, история Русского Севера в Петровскую эпоху и в годы наполеоновских войн, история городов и городской геральдики, этническая история, история Северного Приладожья и др.). Его вклад в изучение истории Карелии, политической ссылки в Северо-Западном регионе, петровских преобразований и развития краеведения огромен. В настоящее время Александр Михайлович принимает участие в подготовке 20-томного труда «История России», который создается Институтом российской истории РАН: является рецензентом 6-го тома («Петровская эпоха») и автором главы «Русский Север в XVIII веке» в 7-м томе. Участвует в подготовке «Свода петровских памятников Северо-Запада России», издаваемого Фондом им. Д. С. Лихачева, и в совместном проекте РАО РЖД и ИРИ РАН «Исторический багаж».

А. М. Пашков имеет около 400 публикаций, в том числе в журналах ВАК, Scopus, Web of Science и зарубежных изданиях. Результаты своей научной работы регулярно представляет на международных, всероссийских и региональных конференциях и семинарах. Под научным руководством Александра Михайловича защищено шесть кандидатских диссертаций. Обучение вниманию к деталям источника и умению видеть широкие исторические процессы в судьбах отдельных людей во многом определяют профессиональный путь в академической науке его аспирантов.

А. М. Пашкова отличает стремление привить интерес к изучению и популяризации истории родного края у молодого поколения. В этой связи очень значимо, что в его семье этот интерес поддержала дочь Анна Александровна, выпускница исторического факультета ПетрГУ, кандидат исторических наук.

Желаем Александру Михайловичу неиссякаемой энергии для новых научных открытий, радости в кругу семьи и благодарных учеников. Пусть Ваша мудрость, эрудиция и впрямь служат примером для всех нас!

Н. Ю. Кузнецова, доцент кафедры туризма Института физической культуры, спорта и туризма ПетрГУ

16 февраля 2026 года исполнилось 70 лет доктору исторических наук, профессору, профессору кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ, заместителю главного редактора нашего журнала *Сергею Геннадьевичу Веригину*.

Celebrating the 70th anniversary of Sergei G. Verigin.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

К 70-летию со дня рождения

16 февраля исполнилось 70 лет доктору исторических наук, профессору кафедры отечественной истории Сергею Геннадьевичу Веригину, выдающемуся ученому, педагогу, общественному деятелю, просветителю, чья жизнь и научная карьера неразрывно связаны с Петрозаводским государственным университетом, Республикой Карелия, развитием исторической науки и образования в России.

Более сорока лет Сергей Геннадьевич посвятил преподавательской деятельности в ПетрГУ. За это время он прошел путь от преподавателя до профессора, став одним из самых опытных и уважаемых наставников кафедры отечественной истории. Его лекции и практические занятия отличаются не только глубиной содержания, но и увлекательной формой изложения, он умеет пробудить интерес студентов к истории, научить их критически мыслить, анализировать источники и самостоятельно делать выводы. Студентам адресованы четыре учебных пособия¹. Для школьников Карелии С. Г. Веригин написал главы к учебнику «История нашего края. Республика Карелия. Часть 3. 7 класс», осветив вопросы довоенного и военного периодов региональной истории XX века².

Педагогический талант юбиляра заключается в умении сочетать широкую эрудицию ученого с мудростью наставника, вдохновляя молодых исследователей на научный поиск. Под руководством С. Г. Веригина защищено семь кандидатских диссертаций, ведется подготовка двух докторских диссертаций, что свидетельствует о его высоком педагогическом мастерстве и способности готовить новое поколение российских историков.

На протяжении 30 лет Сергей Геннадьевич успешно совмещал педагогическую деятельность с административной. В 1993 году был избран деканом исторического факультета Петрозаводского государственного университета, в 2014 году назначен директором Института истории, политических и социальных наук, который возглавлял до 2023 года. Под его руководством были реализованы важные проекты, направленные на повышение качества образования, развитие научных исследований и укрепление международного

сотрудничества. Неустанная энергия, преданность делу и умение находить компромиссы способствовали созданию благоприятной атмосферы для работы и творчества в институте.

Главное дело жизни С. Г. Веригина – историческая наука. В 2012 году защитил докторскую диссертацию на тему «Карелия в годы Второй мировой войны: политические и социально-экономические процессы: 1939–1945 гг.» в ИРИ РАН³. Сергей Геннадьевич является признанным специалистом в области военной истории России. Особое место в научном наследии профессора Веригина занимает исследование истории Карелии и Финляндии периода Второй мировой войны, советско-финляндских отношений в 1920–1950-е годы. Научные труды ученого, опубликованные с 1981 по 2020 год, собраны в библиографическом указателе⁴. На сегодняшний день С. Г. Веригиным издано более 400 научных работ, из них десять монографий на русском и финском языках⁵, четыре отдельные главы в коллективных монографиях. Научные статьи профессора опубликованы на страницах ведущих отечественных журналов, а также в Финляндии и Швеции.

Исследовательские интересы С. Г. Веригина охватывают широкий спектр научных проблем – Советско-финляндская война 1939–1940 годов⁶, заселение и освоение новых территорий Карело-Финской ССР в 1940–1941 годах⁷, политическое и социально-экономическое развитие Карелии в разные периоды Великой Отечественной войны⁸, особенности партизанского движения в Карелии в 1941–1944 годах⁹, планы ликвидации КФССР в августе 1944 года.

Впервые в российской историографии профессор Веригин обратился к изучению проблемы проявления коллаборационизма в Карелии в годы Второй мировой войны. На основе анализа широкого круга архивных источников, выявленных в фондах российских и финляндских государственных и ведомственных архивов, историк выделил по характеру деятельности четыре группы коллаборационизма: политический, экономический (хозяйственный), культурный и военный, пришел к выводу, что «коллаборационизм на оккупированной территории Карелии не получил широкого распространения, его уровень был значительно ниже, чем в других регионах страны, попавших в зону оккупации»¹⁰.

Особое внимание С. Г. Веригин уделяет изучению разведывательно-диверсионной деятельности в тылу немецких и финских войск, противостоянию советской контрразведки финским

спецслужбам в 1941–1944 годах¹¹. В жанре исторической биографии вышли в свет статьи, посвященные П. А. Судоплатову, С. Д. Гуменюку¹². На основе документов из Архива Управления ФСБ РФ по РК, рассекреченных в 2023–2024 годах, опубликованы статьи о трагической судьбе разведчика В. А. Кириллова и агента военной контрразведки «Смерш» Карельского фронта Н. Э. Лаурена¹³.

Сергей Геннадьевич обращается к изучению жизненного пути простых людей, оказавшихся в эпицентре военных событий. Его работы раскрывают планы создания «Великой Финляндии», особенности организации оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 годах¹⁴, национальную, социальную, экономическую политику Военного управления Восточной Карелии¹⁵, героизм и стойкость мирного советского населения, его борьбу за выживание и стремление внести свой вклад в общую Победу. Историк показывает войну не только как столкновение армий, но и как испытание для каждого человека. В своих трудах С. Г. Веригин последовательно выступает против попыток искажения и фальсификации истории Великой Отечественной войны. На страницах научных изданий Сергей Геннадьевич вступил в дискуссию с финляндскими учеными, отрицающими факт геноцида гражданского населения и военнопленных на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 годах¹⁶. В качестве свидетеля выступил на заседании Верховного Суда РК, который 1 августа 2024 года признал действия финских оккупационных властей на территории КФССР в годы Великой Отечественной войны геноцидом.

Карельский историк опирается на проверенные факты и документы, разоблачает мифы и пропагандистские штампы, тем самым способствуя сохранению объективной исторической памяти. В 2025 году результатом сотрудничества с Прокуратурой РК в деле отстаивания исторической правды в соавторстве с Прокурором республики Д. Н. Харченковым вышло мемориальное издание «Суд истории: правда о геноциде советского народа на территории Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны»¹⁷.

Научные работы С. Г. Веригина по истории Великой Отечественной войны не только расширяют представление об этом периоде, но и служат важным инструментом патриотического воспитания, формируя у молодого поколения уважение к подвигу предков и неприятие любых попыток обесценить вклад наших соотечественников

в Победу. Популяризируя историческое знание, Сергей Геннадьевич выступает с очными лекциями, по радио и на телевидении. Профессор Веригин востребован профессиональным сообществом как эксперт в области военной истории, истории отечественных спецслужб. Только в 2025 году дважды выступал официальным оппонентом на защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук.

С. Г. Веригин является участником многочисленных международных научных проектов. Входит в состав организационных комитетов регулярных международных и всероссийских конференций. Сергей Геннадьевич является членом-корреспондентом межрегиональной Академии военно-исторических наук, членом Правления Карельского регионального отделения Российского военно-исторического общества, Общества

по изучению истории отечественных спецслужб. Благодаря его активной позиции в ПетрГУ открылось Региональное отделение Российского исторического общества.

За свои выдающиеся достижения в научной, педагогической, административной, общественной деятельности профессор С. Г. Веригин удостоен высоких званий.

Сергей Геннадьевич Веригин – личность многогранная. Профессиональные успехи и достижения сочетаются в его жизни с семейным благополучием, воспитанием детей, внуков, правнука, заботой о любимой собаке.

Коллеги и благодарные ученики желают юбиляру крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и оптимизма, новых научных свершений и дальнейших успехов в его благородном деле.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Веригин С. Г. Карелия в годы Второй мировой войны: политические и социально-экономические процессы. Часть I. Советско-финляндская (Зимняя) война и ее последствия для Карелии: Учебное пособие для студентов, магистрантов и аспирантов гуманитарных специальностей высших учебных заведений. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 156 с.; Он же. Карелия в годы Второй мировой войны: политические и социально-экономические процессы: Учебное пособие. Часть III. Оккупированные районы Карелии в 1941–1944 годах. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 126 с.; Он же. Карелия в годы Второй мировой войны: политические и социально-экономические процессы: Учебное пособие. Часть II. Советская Карелия в период военных действий на Карельском фронте (июнь 1941 – сентябрь 1944 гг.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 124 с.; Он же. Карелия в годы Второй мировой войны: политические и социально-экономические процессы. Часть 4. Карелия на заключительном этапе Второй мировой войны: Учебное пособие для студентов, магистрантов и аспирантов гуманитарных специальностей высших учебных заведений. Петрозаводск: ПетрГУ, 2016. 62 с.
- ² История нашего края. Республика Карелия. Часть 3. 7 класс (Отв. ред. И. М. Суворова). Петрозаводск: Версо, 2024. 178 с.
- ³ Веригин С. Г. Карелия в годы Второй мировой войны: политические и социально-экономические процессы: 1939–1945 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. 59 с.
- ⁴ Сергей Геннадьевич Веригин: Библиографический указатель. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2021. 126 с.
- ⁵ Verigin S. G. Vakoojat Vastakkain. Suomen ja Neuvostoliiton tiedustelusota 1939–1944. Helsinki: Minerva, 2019. 312 p.
- ⁶ Веригин С. Г. Выселение финского населения на территорию Советской Карелии в период Зимней войны 1939–1940 гг.: репрессивный акт или вынужденная мера? // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. Вып. 1, № 1. С. 13–29; Он же. Советско-финляндские дискуссии по вопросу демаркации границы по Московскому мирному договору 12 марта 1940 г. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 130–139.
- ⁷ Веригин С. Г. Заселение и экономическое освоение г. Сортавалы и его окрестностей в 1940–1941 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7(168). С. 42–48; Он же. Заселение и экономическое освоение бывших финских территорий Северного Приладожья (весна 1940 – лето 1941 гг.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017. № 17. С. 62–79.
- ⁸ Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний, политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны, 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 541 с.; Он же. Политическая и социально-экономическая жизнь Карелии в начальный период Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 3(108). С. 8–17.
- ⁹ Веригин С. Г. Партизанское движение в Карелии в 1941–1944 гг.: новые подходы к изучению проблемы // Великая Отечественная война в региональном измерении: Материалы Всероссийской научной конференции. Орел: Орлик, 2015. С. 78–90; Он же. Рейды карельских партизан на территорию Финляндии в 1941–1944 гг.: дискуссия между российскими и финскими исследователями // Арктический фронт Великой Отечественной войны: Сб. докладов междунар. науч.-практ. конф. 18–19 сентября 2014. Мурманск, 2015. С. 7–11; Он же. О некоторых подходах к оценке взаимоотношений советских партизан и финских диверсантов с гражданским населением в период Второй мировой войны // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 84–97.

- ¹⁰ Веригин С. Г. Особенности проявления коллаборационизма на оккупированной территории Карелии в годы Великой Отечественной войны // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 134–152; Он же. Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 242 с.; Он же. Под чужими знаменами: военный коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны (1939–1945). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 123 с.
- ¹¹ Веригин С. Г. Советская контрразведка против финских спецслужб (1939–1944). М.: Вече, 2018. 320 с.; Он же. Противостояние: борьба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1944). Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. 279 с.; Он же. Деятельность разведывательно-диверсионных групп НКВД – НКГБ Карело-Финской ССР на Карельском фронте (1941–1944 гг.) // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. Кн. 4. М.: Алгоритм, 2020. С. 326–346.
- ¹² Веригин С. Г. П. А. Судоплатов и разведывательно-диверсионная деятельность 4-го отдела НКВД – НКГБ Карело-Финской ССР в 1941–1944 гг. // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XIII. «Гороховая, 2». СПб., 2015. С. 223–231; Он же. Подвиг советского разведчика С. Д. Гуменюка на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 3(132). С. 7–11.
- ¹³ Веригин С. Г. Из истории советской контрразведки: судьба разведчика Василия Кириллова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 64–80; Он же. Нило Лаурен – зафронтовой разведчик Карельского фронта // Исторические чтения на Лубянке: Материалы XXVIII междунар. науч. конф. М., 2024. С. 130–141.
- ¹⁴ Веригин С. Г. Новые архивные документы о финской оккупации Карелии (1941–1944 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Вып. 8(130). С. 180–198; Веригин С. Г., Попов Д. А., Елошин Д. А. Малоизвестные финские концлагеря на оккупированной территории Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 8–15.
- ¹⁵ Веригин С. Г., Попов Д. А., Прохорова М. Н. Новые документы о финской оккупации Олонецкого района Карелии 1941–1944 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 131–143; Веригин С. Г. Экономические аспекты финляндской оккупации Карелии (1941–1944 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 7. С. 100–112; Он же. «Карельский вопрос» в национальной политике финских оккупационных властей в Восточной Карелии в 1941–1944 гг. // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв.: Сб. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 212–235; Веригин С. Г., Попов Д. А., Прохорова М. Н. Новые документы о финской оккупации Олонецкого района Карелии 1941–1944 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 131–143.
- ¹⁶ Веригин С. Г. Финская оккупация Карелии в 1941–1944 годах: дискуссии между российскими и финляндскими историками // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 75–82.
- ¹⁷ Харченков Д. Н., Веригин С. Г., Елошин Д. А. Суд истории: правда о геноциде советского народа на территории Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2025. 75 с.

Ю. Н. Зеленская, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ

EDN: ENOUXS

ИТОГИ РАБОТЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПЕТРОЗАВОДСК – ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ: К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»

26 сентября 2025 года в Петрозаводском государственном университете состоялась традиционная VIII Всероссийская научно-практическая конференция «Петрозаводск – город воинской славы: к 80-летию Великой Победы». Научное мероприятие приурочено к празднованию 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне и 10-летию присвоения Петрозаводску почетного звания «Город воинской славы». Конференция объединила деятелей науки, ветеранов, общественность для обсуждения вопросов военной истории России, стала значимым событием в научном и общественном пространстве.

Организаторами конференции выступили Министерство образования и спорта РК, Администрация Петрозаводского городского округа, Карельская республиканская общественная организация ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов. Петрозаводский государственный университет представил коллектив кафедры отечественной истории, на базе которой функционирует научно-методический центр «Историческое образование».

Цель конференции – обсуждение и анализ широкого круга научных и практических вопросов, касающихся военной истории России, сохранения исторической памяти, патриотического воспитания подрастающего поколения. Направлениями работы конференции стали методологические, источниковедческие и историографические проблемы изучения военной истории, опыт мобилизации тыла в условиях войн, сохранение исторической памяти и вызовы современности.

Открыла пленарное заседание конференции Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН с актуальным исследованием на тему «“Мы вступаем в фашистское логово...”». Новые документы 1945 года в контексте борьбы за историческую память». Не вызывает сомнений, что в условиях современной борьбы за историческую память,

сохранение исторической правды новые источники служат инструментом для опровержения искажений исторических фактов, борьбы против манипуляции общественным сознанием. Доклад Йохана Бекмана, доцента, специалиста ПетрГУ, «Проблема оккупационного режима Карелии в 1941–1944 гг. в финской историографии и журналистике 2020-х гг.» представляет собой обзор современных финских научных и публицистических работ, посвященных периоду оккупации Карелии. Н. П. Черненко, председатель Карельской республиканской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, совместно с Н. А. Пивоваровой, руководителем фонда «Народная память», представил результаты многолетней, кропотливой работы по созданию массива электронных данных «Назовем поименно военнотружущих Северного (с 01.09.1941 г. – Карельского) фронта 1941–1944 гг., погибших и пропавших без вести на территории Карелии». Данный проект является примером гражданской инициативы и сотрудничества общественных организаций с научными учреждениями, направленным на увековечение памяти павших и восстановление исторической справедливости. Дальнейшая работа конференции продолжилась на секционных заседаниях.

На секции «Военная история. Опыт современного изучения» обсуждались эвакуационное планирование гражданского населения в Советском государстве в межвоенный период, отражение в прессе событий Советско-финляндской войны, деятельность Оборонстроя, Беломорско-Онежского пароходства в 1941 году, ход военных действий на Карельском фронте, коммеморация памяти о войне, знания и представления выпускников школ Республики Карелия об истории Великой Отечественной войны (по результатам ЕГЭ по истории).

Секция «Военная история глазами молодых исследователей» объединила студентов, аспирантов и молодых ученых, которые апробировали результаты проведенных исследований в рамках

всероссийского проекта «Без срока давности», посвященных истории блокадного Ленинграда, Крымской наступательной операции, послевоенному восстановлению, военно-мемориальному наследию и военно-историческому туризму. Молодые ученые представили доклады, основанные на архивных материалах, мемуарах, устной истории, а также с использованием современных цифровых технологий.

География участников конференции обширна. С докладами выступили представители ведущих научных и образовательных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Пскова, Орла, Красноярска. Участие широкого круга известных ученых способствовало плодотворному научному обмену и расширению сотрудничества, в том числе в рамках межрегионального Консорциума

по изучению Второй мировой войны и противодействию фальсификации истории.

Успешное проведение конференции стало закономерным результатом многолетней плодотворной работы профессора С. Г. Веригина, доцентов О. Ю. Репуховой и Ю. Н. Зеленской, преподавателя Е. С. Кадровой. Конференция укрепила позиции кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ как ведущего центра исторических исследований на Северо-Западе Российской Федерации.

Доклады, прозвучавшие на конференции, опубликованы в текущем номере научного журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета», а также войдут в сборник материалов конференции, издание которого запланировано на весну 2026 года.

*Ю. Н. Зеленская
кандидат исторических наук, доцент,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
yulia-zelenskaya2008@yandex.ru*

Поступила в редакцию 14.01.2026; принята к публикации 16.02.2026

Scientific information

Yulia N. Zelenskaya, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

**RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
“PETROZAVODSK – A CITY OF MILITARY GLORY:
CELEBRATING THE 80TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY”**

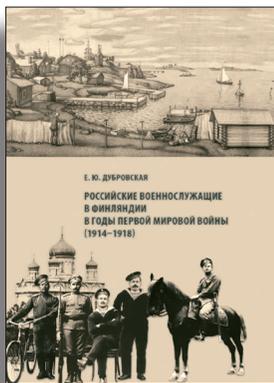
Received: 14 January 2026; accepted: 16 February 2026

CONTENTS

<p><i>Verigin S. G.</i> Editorial note 7</p> <p>WORLD HISTORY</p> <p><i>Samoylov N. A.</i> MEETINGS OF THE SOVIET AMBASSADOR TO CHINA A. A. PETROV WITH REPRESENTATIVES OF THE CHINESE COMMUNIST PARTY AND THE KUOMINTANG IN 1945 AND EARLY 1946 9</p> <p>RUSSIAN HISTORY</p> <p><i>Kotov P. P.</i> PARTICIPATION OF APPANAGE PEASANTS OF THE VOLOGDA PROVINCE IN THE PATRIOTIC WAR AND THE CRIMEAN WAR 18</p> <p>VIII ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “PETROZAVODSK – A CITY OF MILITARY GLORY: CELEBRATING THE 80TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY”</p> <p><i>Verigin S. G.</i> FROM THE HISTORY OF KARELIAN UNDERGROUND: THE FATE OF ANDREI ERTE 28</p> <p><i>Bauer T. V.</i> PETROZAVODSK IN THE PROJECT “100 SYMBOLS OF KARELIA”: IMAGE CONSTRUCTION AND REPRESENTATION 38</p> <p><i>Terentev V. O.</i> COMBAT OPERATIONS AT THE JUNCTION OF THE OPERATIONAL GROUPS OF TSVETAEV AND ANTONYUK IN THE OLONETS-PETROZAVODSK AREA IN 1941 48</p> <p><i>Terenteva E. A.</i> THE SOVIET-FINNISH CONFLICT AND THE EXCLUSION OF THE USSR FROM THE LEAGUE OF NATIONS IN THE FRENCH PRESS (1939) 55</p>	<p>ALL-RUSSIAN CONFERENCE “NORTHERN EURASIA – THE SPACE OF INTERACTION: DIVERSITY OF APPROACHES” (CELEBRATING THE 100TH ANNIVERSARY OF PROFESSOR MIKHAIL SHUMILOV)</p> <p><i>Goldin V. I.</i> PERSONALITY IN SCIENCE: CELEBRATING THE CENTENARY OF MIKHAIL IL’ICH SHUMILOV 64</p> <p><i>Dianova E. V.</i> DEVELOPMENT OF COOPERATIVE EDUCATION IN KARELIA IN THE 1920S 71</p> <p><i>Efimova V. V.</i> THE FATE OF THE PETROZAVODSK DISTRICT PEOPLE’S COURT 83</p> <p><i>Volokhova V. V., Godunov K. V.</i> “A CIVIL WAR IS BREAKING OUT...”: POLITICAL DISCUSSIONS IN THE OLONETS PROVINCE, OCTOBER 1917 – JANUARY 1918 90</p> <p><i>Dubrovskaya E. Yu.</i> ON THE BRINK OF THE CIVIL WAR: THE EVENTS OF THE 1917 “KORNILOV DAYS” IN THE VYBORG GARRISON 96</p> <p><i>Kryukov A. V.</i> THE SOMRYAKS – WHO ARE THEY? 105</p> <p>Anniversaries</p> <p><i>Kuznetsova N. Yu.</i> Celebrating the 70th anniversary of Alexander M. Pashkov 117</p> <p><i>Zelenskaya Yu. N.</i> Celebrating the 70th anniversary of Sergei G. Verigin. . . 118</p> <p>Scientific information</p> <p><i>Zelenskaya Yu. N.</i> RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “PETROZAVODSK – A CITY OF MILITARY GLORY: CELEBRATING THE 80TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY” 122</p>
---	---

Е. Ю. Дубровская

РОССИЙСКИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ В ФИНЛЯНДИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918)

Монография обобщает результаты многолетнего изучения вопросов, связанных с пребыванием российских вооруженных сил в Финляндии в XIX – начале XX столетия, и предлагает ответы на целый ряд вопросов, лишь намеченных в предшествующей историографии. Исследованы уникальные источники и памятники культурного наследия периода Первой мировой войны, какими являются «эго-документы». Применение антропологического подхода к исследованию социально-культурного измерения войны и роли военного фактора в истории России и Финляндии XX в. позволило проанализировать особенности политической культуры военнослужащих, получить представление об умонастроениях этой самой активной части русского населения Финляндии в дни Российской революции 1917 г., рассмотреть вопрос о взаимоотношениях военных и жителей автономного Финляндского княжества, осветить отдельные аспекты армейской и флотской повседневности.

Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2024. 456 с.

СУД ИСТОРИИ: правда о геноциде советского народа на территории Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны

В этом издании представлены материалы и сведения об оккупации Карелии в годы Великой Отечественной войны, полученные в ходе кропотливой работы прокуратуры республики во взаимодействии с органами исполнительной власти, правоохранительными ведомствами, архивными, научными и культурными учреждениями.

Харченков, Дмитрий Николаевич. Суд истории : правда о геноциде советского народа на территории Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны / Д. Н. Харченков, С. Г. Веригин, Д. А. Елошин. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2025. – 75 с.

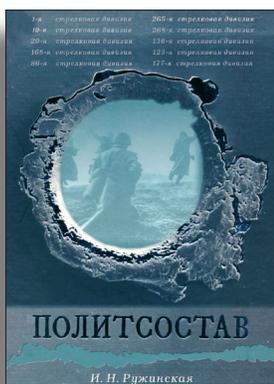

ЗОДЧИЕ РУССКОГО СЕВЕРА

Миссия книги – изучение и популяризация истории Русского Севера, воплощенной в культурном ландшафте, неотъемлемой частью которого является уникальное деревянное зодчество. Представлены новые исторические и этнографические иллюстрации, памятники деревянной архитектуры, обмеры, которые ранее не были опубликованы. Некоторые из сооружений утрачены и известны лишь по рисункам и фотографиям, многие сохранились и сняты в 2023 г. специально для книги. Это памятники Архангельской, Ленинградской, Мурманской областей и Карелии. Создатели книги хотят привлечь внимание к ветшающим деревянным памятникам, которые еще могут быть спасены – законсервированы и отреставрированы.

Одним из пяти авторов монографии стал профессор кафедры отечественной истории ПетрГУ А. М. Пашков. Ему принадлежит вводная глава «Освоение Русского Севера».

Зодчие Русского Севера. – Санкт-Петербург : Издательство ООО «Галерея печати», 2024. – 288 с.

И. Н. Ружинская

ПОЛИТСОСТАВ

Монография посвящена комплексному исследованию института политработников на примере политсостава 265-й стрелковой Выборгской дивизии 1941–1945 гг. С использованием широкого круга источников центральных, региональных и частных архивов восстановлены биографии политсостава, проанализирована его эволюция и специфика деятельности в условиях Великой Отечественной войны. В основе научного анализа – изучение данной категории фронтовиков на фоне событий предвоенной, военной и послевоенной истории СССР. Значительное место в исследовании заняли вопросы военной медицины и процессы мемориализации. Текст снабжен уникальными фотодокументами, большинство из которых введено в научный оборот впервые.

Ружинская, Ирина Николаевна. Политсостав / И. Н. Ружинская ; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2025. – 499 с.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004